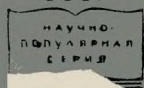

АКАДЕМИЯ НАУК

СССР

А. М. НЕКРИЧ

ВОЙНА
КОТОРУЮ НАЗВАЛИ
«**СТРАННОЙ**»

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

А. М. НЕКРИЧ

ВОЙНА,
КОТОРУЮ НАЗВАЛИ
«СТРАННОЙ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

В этой книге рассказано об одном из сложнейших периодов второй мировой войны, получившем в истории необычное название — «странная война», «сумеречная война», «война утраченных возможностей».

События, происходившие в первые месяцы войны, — с сентября 1939 г. по апрель—май 1940 г., — и в самом деле были необычными. Две крупные европейские державы — Англия и Франция — находились в состоянии войны с Германией, но в действительности военных действий не вели. Из этой книги читатель узнает, почему это произошло. Автор на основе широкого использования различных источников не только знакомит читателей с историей крупных капиталистических государств, но и сообщает интересные факты из истории Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга. Читатель познакомится с тем, как же случилось, что все эти государства пали жертвами гитлеровской агрессии, узнает о попытках империалистов превратить начавшуюся войну с Германией в войну всего капиталистического лагеря против Советского Союза. Отдельная глава посвящена судьбе Чехословакии и Польши, ставших жертвами фашистской агрессии.

ВВЕДЕНИЕ

1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война. Так же как и первую мировую войну 1914—1918 гг., ее породил империализм, позорная система эксплуатации, грабежа, узаконенного разбоя и ненависти. Передел мира, осуществленный после первой мировой войны в пользу победителей — Англии, Франции, США, — не устранил империалистических противоречий: Германия, потерпевшая поражение в войне, вместе с Италией и Японией, которые были недовольны результатами первой мировой войны и считали себя обделенными, готовились к новой войне, к новому переделу мира. Углубление неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма и неустойчивое положение в капиталистическом мире, вызванное общим кризисом системы капитализма, придавали этой борьбе еще более ожесточенный и непримиримый характер. Эта борьба происходила, в отличие от периода подготовки первой мировой войны, в условиях сосуществования и борьбы двух систем — капитализма и социализма.

Эра стабилизации капитализма, которая наступила в 1923 г., воспевавшаяся бардами капиталистического общества, как эра процветания, внезапно окончилась. На смену «процветанию» пришел ужасающий экономический хаос, надолго дезорганизовавший жизнь капиталистического мира и вызвавший новое обострение классовых и империалистических противоречий.

Четыре года, с 1929 по 1933 г., продолжался опустошительный экономический кризис в капиталистическом мире. Государства, в которых острота экономических и социальных противоречий достигла большей силы, открыто искали выхода из переживаемых трудностей в милитаризации, фашизме и войне.

В 1931 г. милитаристская Япония напала на Китай и вскоре захватила его важнейшие торгово-промышленные центры. На Дальнем Востоке образовался таким образом очаг новой войны.

В январе 1933 г. к власти в Германии пришли фашисты, именовавшие себя национал-социалистами. Называя свою партию национал-социалистской, гитлеровцы рассчитывали обманом привлечь на свою сторону значительную часть трудящихся Германии, издавна тяготевших к идеям социализма. Разумеется национал-социализм не имел ничего общего с подлинным социализмом. Это была вывеска, которая на первых порах должна была прикрыть то, что скоро стало ясным всему миру, а именно — национал-социализм-гитлеризм является не чем иным, как орудием неограниченного господства финансового капитализма, германских монополий, их террористической диктатурой, направленной прежде всего против рабочего класса и всех трудящихся. Отказ руководства германской социал-демократии от совместной с компартией Германии борьбы против фашизма расколол силы рабочего класса. Гитлеровцы искусно использовали этот раскол в интересах пропаганды самого гнусного шовинизма, расизма и милитаризма.

«...Только лучшие индивиды, а также сообщества лучших, т. е. лучшие народы, имеют право на существование», — во всеуслышание заявляли гитлеровские мракобесы, утверждая, что германский народ и есть народ избранных — «высшая раса» и ему предназначено господствовать над другими народами — «низшими расами».

Бешеная пропаганда реванша и войны развернулась в гитлеровской Германии с особенной силой.

«На развалинах мира водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильной и превратит весь культурный мир в дым и пепел», — возглашали осатаневшие гитлеровские главари.

Как же был встречен приход гитлеровцев к власти в том самом «культурном мире», который гитлеровцы грозились обратить в дым и пепел? Многие политические лидеры западных стран отнеслись с одобрением к гитлеровскому режиму террора и насилия. Они приветствовали приход Гитлера по нескольким причинам. Прежде

всего, потому, что острая политическая борьба, развернувшаяся в Германии в 1930—1932 гг., которая могла привести к победе трудящихся, повести Германию по демократическому, а может быть и по социалистическому пути, была подавлена гитлеровцами. Классовые организации рабочих были ликвидированы, коммунисты, социал-демократы и демократически настроенные деятели были либо уничтожены, либо отправлены в концентрационные лагеря. Реакционная печать Запада с нескрываемым удовлетворением писала, что Гитлер «схватил за горло красный призрак».

Недальновидные буржуазные государственные деятели Запада радовались установлению фашистского режима также и потому, что гитлеровская клика уже давно провозгласила одной из главных целей своей внешней политики уничтожение коммунизма во всем мире.

Западные империалисты рассчитывали впрямь гитлеровскую Германию в колесницу своей антисоветской политики и использовать германских фашистов как ударный отряд в войне против СССР и международного рабочего и национально-освободительного движения.

Классовая ненависть настолько затуманила голову некоторым государственным деятелям Запада, что они, несмотря на недвусмысленные требования реванша, пересмотра Версальского договора, несмотря на территориальные претензии, которые с нарастающей настойчивостью выдвигали фашистские заправилы, продолжали давать фашистской Германии займы, продавали патенты на производство вооружения, вкладывали огромные капиталы в германскую тяжелую и военную промышленность. И все это в надежде на то, что им удастся направить агрессию Германии против Советского Союза.

Но германские империалисты имели свои собственные расчеты и планы. В марте 1935 г. Германия в нарушение Версальского мирного договора объявила о создании военной авиации и введении всеобщей воинской повинности. Западные державы оставили наглый вызов без ответа. Более того, в июне 1935 г. Англия подписала с Германией морское соглашение, которое предоставляло Германии право довести свой подводный флот до паритета с английским, а надводный — до 35% английского. Государственные деятели Великобритании неофициально

разъясняли, что «дух» этого соглашения состоит в том, чтобы усилить позиции Германии на Балтике против Советского Союза. В марте 1936 г. германские войска внезапно заняли демилитаризованную Рейнскую область. А Франция и Англия, несмотря на такое явное нарушение Версальского мира и Локарнских соглашений 1925 г. не приняли никаких мер. Незадолго до занятия Рейнской области, в декабре 1935 г. фашистская Италия напала на Эфиопию с целью ее порабощения. Агрессия Италии в Эфиопии больше всего затрагивала интересы Англии и Франции. Но правящие круги этих стран опасались, что принятие действенных мер против Италии, применение к ней в полном объеме экономических санкций, предусмотренных в качестве меры воздействия на агрессора уставом Лиги Наций, на чем настаивал Советский Союз, приведут к крушению крайне неустойчивого фашистского режима Муссолини, и боялись, что в Италии воцарится «анархия коммунизма». Таким образом и на этот раз антисоветская и антикоммунистическая политика руководящих деятелей Запада взяла верх, и Эфиопия после отчаянного сопротивления ее героического народа оказалась под пятой чужеземного завоевателя.

В июле 1936 г. в Испании вспыхнул военно-фашистский мятеж против республиканского строя, установленного всего за пять лет до этого. В подготовке мятежа активное участие принимали Италия и Германия. О готовящемся выступлении реакционных сил были осведомлены в Англии, Франции и США. Как только начался мятеж, Италия, а вслед за ней и Германия, послали свои войска, самолеты и корабли в Испанию. Правительства же Англии, Франции и США заявили о своем «невмешательстве» в испанские дела, которое практически означало отказ продавать оружие законному правительству Испании, блокаду Испанской республики.

Героическая борьба испанского народа, которую он вел на протяжении почти трех лет, окончилась из-за итало-германской интервенции и политики «невмешательства» поражением республики.

Советский Союз присоединился к соглашению о невмешательстве, рассчитывая на строгое соблюдение его всеми государствами, в том числе Германией и Италией. Однако вскоре стало ясно, что под прикрытием невме-

шательства осуществляется интервенция в Испании и блокада республики. Представители СССР разоблачили фарс невмешательства и заявили, что Советский Союз не останется безучастным. Советский Союз не только возглавил международное движение солидарности с испанским народом, что имело огромное моральное значение, но также не упускал ни малейшей возможности для усиления военной мощи республики.

В ходе борьбы за вооруженный передел мира, начатый в Азии Японией, в Европе — Германией и Италией, в Африке — Италией, постепенно складывался блок фашистских агрессоров. В октябре 1936 г. было заключено германо-итальянское соглашение, провозглашавшее тесное сотрудничество в вопросах международной политики, а в ноябре 1936 г. было подписано германо-японское соглашение или так называемый антикоминтерновский пакт. Такое название должно было замаскировать то, что пакт направлен не только против Советского Союза, но и против Англии, Франции и США. К этому времени Германия уже фактически вступила в борьбу за передел мира, за мировое господство. Она вела вооруженную борьбу на английских и французских коммуникациях в районе Средиземного моря, вблизи от основных военно-стратегических баз Великобритании — Мальты, Гибралтара, Суэцкого канала, — готовилась к захватам в Центральной Европе, проводила широкую экономическую агрессию на Балканах, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке. Англия, Франция, а вслед за ними и США стали, таким образом, еще до начала второй мировой войны ощущать, что германский фашизм, которому они помогли укрепиться у власти, угрожает их мировым позициям. Однако вместо того, чтобы объединить усилия в коллективной защите мира, как к тому призывал Советский Союз, западные державы продолжали политику попустительства агрессии, рассчитывая, что им удастся столкнуть между собою Германию и Советский Союз, заставить их воевать друг с другом, а самим остаться в стороне, наблюдать пока обе стороны не истощат силы в кровавой борьбе, а затем выступить со свежими силами и продиктовать обескровленным противникам свои условия. Тем самым, творцы политики «невмешательства» полагали, что им удастся достигнуть

одновременно двух целей: значительно ослабить, а быть может и уничтожить государство социализма — СССР, и ликвидировать угрозу позициям западных государств, исходящую от стран фашистского блока.

Замыслы империалистов Англии, Франции и США были понятны советскому правительству, Коммунистической партии. Коварной политике «невмешательства» и попустительству агрессорам Советский Союз противопоставил идею коллективной безопасности, т. е. объединения государств определенного географического района для коллективной защиты от агрессора. Советский Союз считал, что коллективная безопасность отвечает интересам всех миролюбивых народов, что в этой политике Советский Союз получит поддержку не только со стороны трудящихся капиталистических государств, но и со стороны реалистически мыслящих кругов национальной буржуазии, которые сознавали, что фашизм с его идеей господства германской расы над всеми другими народами угрожает не только благополучию, прибылям и интересам правящих классов буржуазно-демократических государств, но и их независимости и быть может физическому существованию народов этих стран. Под нажимом этих группировок Франция и Чехословакия подписали в 1935 г. пакты о взаимной помощи с Советским Союзом. Однако вскоре в политике этих государств стали брать верх сторонники сближения с фашистскими государствами, сторонники «невмешательства», постаравшиеся превратить эти договоры, которые могли стать краеугольным камнем безопасности в Европе, в клочки бумаги.

Фашистские руководители Германии сумели извлечь максимум политической и материальной выгоды из политики своих западных соперников. Они всяческими способами старались уверить апостолов «невмешательства», что политика Германии направлена на создание благоприятных условий для осуществления антисоветских планов капитализма, что Германия является цитаделью капиталистического мира против коммунизма и поэтому западным державам необходимо оказывать ей всяческую поддержку и идти навстречу ее экспансионистским требованиям. В то же время гитлеровский генеральный штаб в полной тайне готовил планы военного

нападения на западные державы и создавал для этого необходимые плацдармы и резервы. В марте 1938 г. Германия захватила территорию Австрии, а в октябре 1938 г. часть земель Чехословакии, именовавшихся в то время Судетской областью. Захвату чехословацких земель предшествовал сговор фашистских держав с Англией и Францией в Мюнхене 30 сентября 1938 г., в результате которого Чехословакия была выдана Гитлеру на разграбление. Франция предала свою союзницу Чехословакию, рассчитывая, что агрессия Германии отныне будет развиваться в восточном направлении, против СССР, а Западу она угрожать не будет. Такой же позиции придерживалась и Англия, которая подписала одновременно с Мюнхенским соглашением декларацию о ненападении с Германией. Спустя два месяца была подписана и франко-германская декларация. Правящие круги Англии и Франции полагали, что теперь, наконец, созданы все предпосылки для развязывания антисоветской войны, и стали ожидать нападения Германии на Советский Союз. Советский Союз неоднократно выражал готовность выполнить обязательства по заключенному с Чехословакией договору о взаимной помощи, но чехословацкое правительство не приняло помощь СССР и предпочло позорную капитуляцию.

Вдохновленная попустительством и поощрением западных держав, Германия пошла на новые неслыханные акты агрессии. 15 марта 1939 г. она захватила всю территорию Чехословакии, спустя несколько дней заставила Литву уступить ей Клайпеду (Мемель) и предъявила ультимативные требования к Польше о передаче ей Гданьска (Данцига) и Коридора (полоса польского Поморья, отделявшая Восточную Пруссию от Германии).

Однако мартовские события встревожили даже сторонников «невмешательства» — «мюнхенцев». Сомнение стало все больше одолевать и их, а что, если Германия, вместо того чтобы пойти против Советского Союза, неожиданно обрушится на Запад? В широких же кругах общественности наглый акт агрессии вызвал такую волну возмущения, которую даже самые отъявленные профашисты и антисоветски настроенные лица не могли игнорировать. С целью припугнуть Германию и заставить ее действовать в нужном направлении, Англия

заявила о предоставлении гарантии независимости государствам, которые могли стать потенциальными жертвами агрессии — Польше, Румынии, Греции, Турции. Аналогичные шаги были предприняты и Францией. Одновременно было решено вступить в переговоры с Советским Союзом о заключении пакта взаимопомощи, что по мысли Лондона и Парижа должно было оказать на Берлин отрезвляющее действие. Переговоры, начавшиеся в марте — апреле, тянулись по вине англо-французов, ставивших всевозможные препятствия на пути к заключению эффективного соглашения, до конца июля.

В начале августа после долгих проволочек в Москву прибыли, наконец, военные миссии Англии и Франции якобы для завершения переговоров и подписания военной конвенции о взаимной помощи. Однако сразу же выяснилось, что, во-первых, английская миссия не обладает письменными полномочиями, во-вторых, что военные представители Англии и Франции не могут дать ответа на коренной вопрос, от которого зависела судьба пакта, будут ли в случае возникновения войны с гитлеровской Германией советские войска пропущены через территорию союзников Англии и Франции — Польши и Румынии. Такое «незнание» было весьма неправдоподобным. Как стало позднее известно, правительства Англии и Франции решили использовать антисоветскую позицию правительств Польши и Румынии, отказывавшихся пропустить через свою территорию советские войска (а это был единственный способ для советских войск войти в соприкосновение с германскими войсками), для затягивания переговоров. Глава французской военной миссии генерал Думенк перед отъездом из Парижа был предупрежден, что он «должен не допустить постановки этого вопроса русскими»¹. В совершенно секретной директиве, данной английской военной миссии при ее отъезде из Лондона, предлагалось «вести переговоры очень медленно». Далее в директиве указывалось, что «английскому правительству представляется нежелательным брать на

---

¹ См «Международная жизнь», № 2 и № 3, 1959, а также Léon Noël. L'agression allemande contre la Pologne. Paris, 1946, p. 423.

себя какие-либо определенные обязательства, могущие связать нам руки при всех обстоятельствах. Поэтому нужно стремиться к тому, чтобы свести военное соглашение к возможно более общим условиям»².

В то время, когда в Москве происходили переговоры о заключении англо-франко-советского военного союза, между Англией и Германией продолжались секретные переговоры. Целью их было обеспечение империалистических интересов Англии даже за счет ее союзников и направление острия германской агрессии против Советского Союза. Представители английского правительства выражали готовность в случае достижения англо-германского соглашения по политическим и экономическим вопросам прекратить переговоры с Советским Союзом, отказаться от гарантий и оставить гарантированные государства «один на один» с гитлеровской Германией³. Советское правительство, которое не жалело усилий для заключения соглашения с Англией и Францией, не могло закрывать глаза на то, что правительства Англии и Франции фактически не желают сотрудничать с Советским Союзом для предотвращения германской агрессии и ведут двойную игру, в результате которой Советский Союз может быть втянут в войну с Германией без союзников, при враждебности всего капиталистического мира.

Обстановка осложнялась также и тем, что на Дальнем Востоке в 1938—1939 гг. Япония фактически вела против Советского Союза необъявленную агрессивную войну. Для Советского Союза вырисовывалась реальная опасность быть вовлеченным в войну на два фронта, при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Так обстояло дело, когда Германия предложила Советскому Союзу заключить пакт о ненападении.

В ходе англо-германских переговоров выявились непримиримые противоречия, ибо Германия претендовала на колонии, ближневосточную нефть, настаивала на полном устранении влияния Англии и Франции в капи-

---

² Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 763—764.

³ Министерство иностранных дел СССР. Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II. М., 1948.

талистических странах Восточной Европы. В то же время в Берлине все чаще задумывались об огромном риске, который влечет за собой война против СССР. Гитлеровцы еще не окончательно утратили способность трезво оценивать положение вещей. Они знали, что Советский Союз достаточно сильная страна, с огромной территорией и с необъятными материальными и человеческими ресурсами, и воевать против СССР дело опасное. В Берлине также отдавали себе отчет в том, что, если Англия, Франция и Советский Союз подпишут соглашение о взаимной помощи, то Германия очутится перед перспективой одновременной войны на два фронта, которую она вынести не сможет. Ввиду этого с весны 1939 г. гитлеровцы не раз обращались в Москву с предложениями улучшить советско-германские отношения, но советское правительство отвечало, что питает глубокое недоверие к германской политике. Пока еще была хоть малейшая надежда довести переговоры с Англией до успешного конца, Советский Союз отклонял предложения Германии.

После того как выяснилось полное нежелание Англии и Франции дать совместный с СССР отпор гитлеровской агрессии, советское правительство не могло отклонить новое немецкое предложение: это означало бы подвергнуть нашу страну недопустимому риску. 23 августа 1939 г. между СССР и Германией был подписан договор о ненападении.

Заключение пакта о ненападении с Германией было мудрым шагом со стороны Советского правительства. Угроза немедленной войны была отведена от нашей страны. Советский Союз выиграл время для усиления обороны. Советское правительство не только выполнило свою священную обязанность по отношению к советскому народу, но и свой долг по отношению ко всем народам, ибо СССР был тогда единственным социалистическим государством и главным оплотом мира и социализма.

Заключение советско-германского пакта о ненападении привело к распряму в стане фашистских агрессоров. Один из участников фашистского блока — Япония — вынуждена была отложить реализацию своих захватнических замыслов. Недовольные пактом японские мили-

таристы оттянули на год подписание военно-политического союза с гитлеровской Германией. Это облегчило положение Англии, которая в течение двух первых лет войны была избавлена от войны на два фронта, а Соединенные Штаты Америки получили возможность лучше подготовиться к войне с Японией.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена истории начального периода второй мировой войны: от нападения гитлеровской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. до разгрома Франции и ее капитуляции в июне 1940 г. О событиях, выходящих за рамки темы, рассказывается лишь постольку, поскольку это необходимо для лучшего понимания их сути. В частности это относится к вопросам происхождения войны, о которых говорится лишь в самой общей, схематичной, форме, во введении. При этом имелось в виду, что советскими историками о возникновении второй мировой войны уже написано немало книг⁴.

---

⁴ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», М., 1960, «Фальсификаторы истории», М., 1948, Б. Е. Штейн. Буржуазные фальсификаторы истории, М., 1951; А. М. Некрич. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., 1955; В. А. Матвеев. Провал мюнхенской политики (1938—1939). М., 1955; Ю. М. Мельников. США и гитлеровская Германия (1933—1939). М., 1959; В. М. Хвостов и А. М. Некрич. Как возникла вторая мировая война. М., 1959, В. Г. Поляков. Англия и мюнхенский сговор. М., 1960.

Глава I

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ ТАК...

Нападение гитлеровской Германии на Польшу

В фашистских планах установления господства над Европой агрессия против Польши занимала важное место.

Политическое значение этой агрессии для фашистской Германии состояло в том, что после захвата Австрии и Чехословакии, разгром Польши означал бы установление безраздельного господства Германии в обширном районе восточной части капиталистической Европы. В результате поражения Польши уничтожались бы остатки политических связей Франции в этой части Европы и был бы нанесен смертельный удар ее системе союзов.

Экономическое значение агрессии состояло в том, что Германия получила бы в свои руки огромные продовольственные и сырьевые ресурсы и возможность жесточайшей эксплуатации многомиллионного народа в интересах германских монополий.

На протяжении предвоенных лет гитлеровская верхушка ловко использовала в своих интересах антисоветскую направленность внешней политики панской клики, управлявшей Польшей. 26 января 1934 г. в Берлине было подписано германо-польское соглашение о ненападении. Оно означало, что происходит переориентация польской политики от союза с Францией к союзу с Германией. Гитлеровская клика все предвоенные годы стремилась использовать Польшу как орудие своих захватнических планов. Правителям Польши неоднократно делались прозрачные намеки, что конечная цель Германии заключается в том, чтобы вместе с Польшей напасть на Советский Союз и сделать Польшу своим партнером.

по дележу награбленного. Панская правящая клика во главе с Рыдз-Смиглы и Беком бросилась очертя голову в самоубийственную авантюристическую политику.

Крайняя агрессивность политики правящей верхушки Польши по отношению к большинству своих соседей (исключая Германию) наряду с полной потерей чувства реальности была едва ли не самой характерной чертой польской внешней политики. В то время министр иностранных дел Бек носился с планом так называемой Третьей Европы. «Третья Европа», которая должна была охватывать обширное пространство от Балтийского до Черного моря, предполагала Польшу в качестве центрального среднего государства, окруженного, по выражению Пилсудского, «естественными протекторатами» — малыми европейскими государствами — от Финляндии до Румынии и от Швеции до Югославии¹.

Такая «не немецкая и не советская» «срединная Европа» означала по существу попытку польских панов создать антисоветский блок. Польские государственные деятели открыто заявляли, что «расчленение России на ее бывшие составные части отвечает коренным интересам Польской Республики...»². С 1936 г. в польском генштабе был подготовлен во всех деталях оперативный план ведения войны против Советского Союза³. Кликка Рыдз-Смиглы — Бека, вступив в опасный сговор с Берлином, готовила Польше горькую участь.

Бывший французский посол в Варшаве Леон Ноэль писал в своих мемуарах: «В плане общей политики Бек по существу постоянно оказывал в это время ценные политические услуги фюреру. «Рабочее сотрудничество» между ними все развивалось. Польская дипломатия при каждом удобном случае поддерживала маневры Германии, направленные против Лиги Наций, коллективной безопасности, а также против многосторонних пактов о взаимной помощи. Польская дипломатия яростно нападала на Малую Антанту, и прежде всего на Чехосло-

---

¹ См. Hans Roos *Polen und Europa*. Tübingen, 1958, S. 261—262

² Jon Evans. *The Nazi New Order in Poland*. London, 1941, p. 24

³ Roos *Op cit*, S. 256

вакию. Она подчеркивала также свое абсолютное безразличие перед лицом угрозы, нависшей над Австрией»⁴. Благожелательная позиция, занятая Польшей по отношению к аншлюсу, подала мысль гитлеровским главарям использовать Польшу при осуществлении своих планов расчленения и захвата Чехословакии. Играя на шовинистических и великодержавных настроениях правящей верхушки Польши, гитлеровцы побудили ее выставить территориальные претензии к Чехословакии. Одновременно они заверяли своих польских «партнеров», что после Чехословакии наступит очередь Советского Союза. Польское правительство с благодарностью проглотило приманку, брошенную Гитлером. В день подписания Мюнхенского соглашения, 30 сентября 1938 г., правительству Чехословакии был вручен польский ультиматум относительно немедленной передачи Польше Тешина. Таким образом Польша нанесла удар в спину Чехословацкой республике в самый тяжелый для нее момент. Однако преступность этого акта и вся его безрассудность вскоре стали очевидны. После захвата чешских земель Германией Польша вместо дружественной Чехословакии получила на своей юго-западной границе враждебную Германию и оказалась открытой для вторжения гитлеровских полчищ с трех сторон. Не успели польские паны отпраздновать свое предательство по отношению к Чехословакии, как началось горькое похмелье. 24 октября 1938 г. гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп заявил польскому послу в Берлине Липскому, что Германия хочет вступить с Польшей в переговоры относительно Гданьска и Коридора. Через неделю после окончательного захвата Чехословакии, 21 марта, это требование было повторено Беку, прибывшему с визитом в Берлин. 26 марта 1939 г. Риббентроп в решительной форме потребовал передачи Германии Гданьска и разрешение на строительство экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через Коридор.

Перепуганные польские правители обратились в Лондон и в Париж. 31 марта британский премьер Н. Чемберлен объявил о предоставлении Польше гарантий ее

---

⁴ Leon Nöel. Op cit, p 167

независимости, а 6 апреля было подписано соответствующее англо-польское соглашение. 28 апреля Гитлер объявил о денонсации германо-польского соглашения о ненападении от 1934 г. и одновременно о расторжении англо-германского морского соглашения от 1935 г. В Германии началась яростная антипольская кампания. 5 мая Польша отклонила германские требования. Однако польские правители и английский кабинет, каждый со своей стороны, полагали, что им удастся договориться в конце концов с Германией на антисоветской основе. Причем Англия — союзник Польши — была готова ради прямого англо-германского сговора выдать Польшу гитлеровской Германии.

Как показали дальнейшие события, требования, предъявленные Германией Польше, должны были послужить предлогом для оправдания агрессии Германии против Польши, для захвата всей Польши. Уже 24 ноября 1938 г. командующий германскими сухопутными войсками Кейтель издал приказ о подготовительных мероприятиях для внезапного захвата Гданьска⁵. 3 апреля 1939 г. последовала новая директива Кейтеля о том, что мероприятия для вторжения должны производиться из расчета начала военных операций в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г. 11 апреля Гитлер издал директиву, в которой излагались цели «плана Вейс» (нападение на Польшу), в которой говорилось: «Цель заключается в том, чтобы сокрушить военную мощь Польши...»⁶.

23 мая 1939 г. на совещании командующих родами войск Гитлер заявил: «Данциг совершенно не является предметом диспута. Основным является вопрос расширения нашего жизненного пространства на Востоке... Поэтому не может быть и речи о том, чтобы пощадить Польшу. Перед нами осталось только лишь одно решение напасть на Польшу при первом же удобном случае... Будет война...»⁷. 22 августа Гитлер отдал приказ о нападении на Польшу. Оно было назначено на 26 августа, но затем перенесено на 1 сентября.

---

⁵ См. Нюрнбергский процесс, т. 1, М., 1957, стр. 372.

⁶ Там же, стр. 373.

⁷ Там же, стр. 375.

Так, день за днем, в течение весны и лета 1939 г. гитлеровская Германия готовилась к нападению на Польшу. Выполнение ее антипольских планов облегчалось прежде всего самоубийственной политикой польского правительства, которое отказалось от помощи Советского Союза, предложенной во время переговоров с английской и французской военными миссиями в Москве. «Лучше Гитлер, чем большевики», — такова была точка зрения правящих кругов тогдашней Польши. Правительство Польши рассчитывало на помощь своих союзников Англии и Франции. В мае 1939 г. между Францией и Польшей было подписано военное соглашение, которое обязывало французскую армию предпринять наступление на Западе для помощи Польше на 15-й день мобилизации после начала нападения Германии. В это же время Польша получила заверения от британской военной миссии, находившейся в Варшаве, что в случае нападения Германии Польша получит 542 бомбардировщика, 500 истребителей и 280 других самолетов. Англичане также обещали поддержать Польшу наступлением авиации на территорию Германии⁸.

Однако то были всего лишь обещания. Англия предоставила Польше кредиты для закупки вооружения и военных материалов при условии, что закупки могут быть произведены только в Англии. Но так как Англия сама нуждалась в тех же видах вооружения и снаряжения, что и Польша, то использовать этот кредит Польша фактически не могла.

Уже в последние дни августа Англия и Франция предпринимали отчаянные попытки добиться урегулирования своих отношений с гитлеровской Германией за счет польского народа и оказывали в этом смысле нажим на Польшу. Так они добились отсрочки мобилизации польской армии, что привело в конечном счете к ухудшению для Польши стратегической обстановки и огромным потерям в войне.

Силы Германии и Польши были далеко не равные. Германия имела 110 дивизий, из которых 53 предназначались для нападения. Польша имела 24 пехотные диви-

---

⁸ См. Д. Проэктор. Германо-польская война. «Военно-исторический журнал», 1959, № 9.

зии, 10 кавалерийских и одну танковую бригаду⁹. К моменту нападения Германии значительная часть польской армии не успела сосредоточиться и полностью занять позиции.

1 сентября в 4 часа 45 минут утра германская армия начала вторжение в Польшу. Германская авиация подвергла беспощадной бомбежке не только польские войска, но и беззащитные города и селения.

Польские солдаты сражались героически, отстаивая родную землю. Но силы были неравны. Тщетно ожидали польские солдаты помощи союзников. Они не знали, что еще в апреле 1939 г. во время переговоров военных штабов Англии и Франции в Лондоне было принято решение, которое гласило:

«Судьба Польши будет зависеть от окончательного исхода войны, а это, в свою очередь, будет зависеть от нашей способности добиться в конечном счете поражения Германии, а не от нашей способности отвлечь давление от Польши с самого начала»¹⁰.

Участь Польши была предрешена.

Уже третий день на польской земле бушевала война, когда Англия и Франция наконец-то решились официально объявить войну Германии. Были потеряны три бесценных для Польши дня. 3 сентября — в день объявления Англией и Францией войны Германии, в Лондон прибыла польская военная миссия. Она была принята начальником английского генштаба генералом Айронсайдом только спустя шесть дней, 9 сентября. Бесплодные переговоры затянулись еще на неделю. Наконец, английские представители заявили полякам, что Англия обещает оказать помощь Польше только... через 5—6 месяцев. Взамен обещанного наступления на Западном фронте, французские войска обосновались на своей оборонительной линии Мажино. Гигантский Западный фронт оцепенел как бы в спячке. Он был разбужен лишь 10 мая 1940 г. Но это пробуждение было ужасным!

---

⁹ См. С. Козлов. Некоторые вопросы стратегического развертывания по опыту двух мировых войн. Военно-исторический журнал 1959, № 12. См. также Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. II, 1958, стр. 11.

¹⁰ J. R. M. Butler. The Grand Strategy. September 1939 — June 1941. London, 1957, p. 12.

Слабая в военном отношении, лишенная правильного политического и стратегического руководства, брошенная на произвол судьбы своими союзниками, Польша продержалась всего две с половиной недели. Уже 6 сентября, когда польская армия еще героически защищалась, правительство трусливо покинуло столицу.

9 сентября польское правительство уже считало войну проигранной и вело переговоры с французским послом о предоставлении правительству убежища во Франции. 17 сентября правительство Польши перешло румынскую границу. Спустя некоторое время оно обосновалось во французском городе Анжере, а оттуда после падения Франции отправилось в Лондон.

Характеризуя политику правительства Польши в тот критический период, секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулка указывал, что правительство панской Польши, «зная, как незначителен военный потенциал его собственных вооруженных сил, и хорошо зная, что Франция и Англия ставили перед собой цель направить агрессию Гитлера против Советского Союза, не могло сомневаться в том, что в случае военного конфликта с Германией Польша должна будет потерпеть поражение. Однако оно предпочитало совершенно сознательно пойти на поражение Польши, чем менять свое отношение к Советскому Союзу, заключить с ним оборонительный союз и, таким образом, обеспечить Польшу если не от гитлеровской агрессии, то от поражения в войне с Германией». Именно в этом, говорит В. Гомулка, заключается преступность политики тогдашнего правительства Польши и его пособников, измена польскому народу, прикрытая ультрапатриотическими лживыми лозунгами¹¹.

Пока польское правительство искало себе убежища, на польской земле продолжалась война. Целый месяц держалась старинная польская крепость Модлин. Героизм проявили варшавяне, которые вместе с солдатами отстаивали свой город. В первых рядах сражались коммунисты, многие из которых только что вырвались из тюрем.

Польский народ, брошенный на произвол судьбы

---

¹¹ См. «Правда», 22.VI.1959.

своими правителями, храбро сражался. С бессмертным героизмом воевали польские солдаты, принявшие на себя первый удар вооруженной до зубов немецко-фашистской армии. Война польского народа против фашистских захватчиков носила справедливый, освободительный, антифашистский характер. Несмотря на беспримерное мужество польских воинов, фашисты быстро продвигались в глубь страны. Варшава пала 26 сентября. Вскоре немцам удалось подавить последние очаги сопротивления. Страна была оккупирована гитлеровскими войсками. Над Польшей воцарилась ночь.

Особенности политики и стратегии Англии и Франции

За несколько месяцев до начала второй мировой войны на совещании английских и французских военных штабов в Лондоне (в апреле 1939 г.) было решено, что на первом этапе война будет носить со стороны Англии и Франции оборонительный характер.

Стратегические идеи, которыми питались французские военачальники, планировавшие войну на суше, не шли дальше выводов, которые были сделаны еще в двадцатые годы из кровопролитных сражений на Сомме, Марне и под Верденом в период первой мировой войны. Огромные потери, которые понесла тогда французская армия, вследствие целого комплекса объективных и субъективных факторов привели французский генштаб к одному, и при том неправильному, выводу — «кто атакует, тот проигрывает».

Не учитывая колоссальных изменений, происшедших со времени первой мировой войны, французское военное командование по-прежнему делало упор на мощные оборонительные сооружения вдоль франко-германской границы (линия Мажино). Преступное пренебрежение техническими усовершенствованиями, недооценка новейших средств наступательного боя — танков, авиации, привели к тому, что к началу войны французская армия оказалась по сравнению с германской несравненно хуже обученной, недостаточно технически оснащенной и, в конечном счете, неподготовленной к ведению современного боя.

Значительно ухудшилось по сравнению с первой мировой войной общее политическое и стратегическое положение англо-французских союзников. Не было русско-Восточного фронта, который во время первой мировой войны отвлекал значительную часть армий противника. Своей политикой попустительства агрессору и сговора с ним Англия и Франция избавили Германию от опасности одновременной войны на два фронта и тем облегчили гитлеровцам осуществление их агрессивных планов. Система французских союзов в Европе также оказалась разрушенной: преданные Англией и Францией Чехословакия и Польша утратили свою независимость и попали под иго фашистских захватчиков. Румыния фактически впряглась в колесницу фашистской «оси». Югославия и Греция были слишком слабы, чтобы оказать какую-либо помощь Франции и Англии. Они старались из всех сил сохранить свой нейтралитет и больше всего опасались дать Германии или Италии повод для нападения на них. Во французском тылу находилась враждебная франкистская Испания и никто не мог заранее предсказать, как поведет себя испанский диктатор Франко. Бельгия и Голландия хотя и были непрочь войти в военный союз с Францией и Англией, но опасались это сделать. Во-первых, события предвоенных лет убедили их в том, что Англия и Франция склонны к сговору с фашистскими державами, что их обещания помощи малым странам остаются на бумаге и когда дело доходит до выполнения обещаний, то гарантированные страны оказываются наедине с хорошо вооруженным и во много раз превосходящим их по силам фашистским агрессором. Судьбы Эфиопии, Австрии, Чехословакии и Польши были достаточно наглядными примерами. Во-вторых, они опасались, что даже, если они войдут в соответствующие секретные соглашения с Англией и Францией, то это немедленно станет известным Германии и явится поводом для нападения, которому они не могут противостоять.

Таким образом Англия и Франция оказывались в Европе в значительной степени в состоянии политической изоляции.

Надежды на скорое вступление в войну США не

было. Соединенные Штаты заняли по отношению к Англии и Франции позицию благожелательного нейтралитета.

При столь неблагоприятных условиях смелость и решительность были еще более необходимы. Только хорошо подготовленное и во время предпринятое наступление на Германию союзных армий могло дать Англии и Франции с самого начала значительный перевес. Однако были приняты совсем иные решения. Корни этих решений по-прежнему упирались в антисоветскую политику, в расчеты на возможность изменения направления войны, превращения ее из войны Германии против Англии и Франции в войну против Советского Союза.

На Западном фронте

«Главкомандующий желает, чтобы все офицеры были информированы о том, что он будет рассматривать с серьезным неудовольствием любой случай, если какой-нибудь офицер получит повреждение во время катания на лыжах, результатом чего может быть его отсутствие в назначенном месте в назначенный час»,— гласил один из приказов командующего британскими экспедиционными силами во Франции, изданный в конце декабря 1939 г. На Западном фронте царило затишье...

Английские и французские политические и военные руководители были единодушны в том, что война в начальной стадии будет носить со стороны англо-французских союзников оборонительный характер. Английские и французские стратеги обосновывали необходимость оборонительных действий превосходством Германии и ее союзников и считали, что только в 1942 г. Англия полностью развернет свои вооруженные силы на суше и в воздухе. Такая точка зрения оставалась доминирующей на все время первого периода войны.

На следующий день после объявления Англией и Францией войны Германии (4 сентября 1939 г.) главнокомандующий англо-французскими войсками генерал Гамелен заверил своих английских союзников, что вскоре после сосредоточения французских армий он начнет наступление с целью приближения к линии Зигфрида. К исходу 11 сентября французские войска провели незначи-

тельные атаки местного значения юго-западнее Саарбрюкена и заняли позиции вблизи германских укреплений. На следующий день Верховный Совет союзников согласился с мнением Гамелена, что в дальнейшем следует ограничиться незначительными по масштабам военными действиями и не бросать армию союзников против главных оборонительных позиций врага. Английские представители одобрили действия Гамелена, добавив при этом «Мы боялись, что Вы втянетесь в авантюру»¹².

В первых числах октября, когда численность германских войск, перебрасываемых из Польши, заметно увеличилась, французские войска вернулись на линию Мажино. С того времени боевые действия на Западном фронте ограничивались действиями патрулей, поисками разведчиков. Западный фронт как бы замер. Сидя, как казалось, за надежными укрытиями французской оборонительной линии, французское командование сеяло среди солдат опасные иллюзии о скором возвращении домой. Войну воспринимали иронически. В модной песенке, привезенной из Парижа, говорилось: «Развесим наше белье на линии Зигфрида».

«Если бы французы, имевшие тогда значительное превосходство в силах, перешли здесь в наступление, то весьма возможно, что им удалось бы прорвать Западный вал (так немцы называли свою линию укреплений «линию Зигфрида») и даже продвинуться вглубь Германии», — пишет германский военный историк генерал-лейтенант Циммерманн¹³.

Об этом же свидетельствовали гитлеровские военачальники Кейтель и Йодль на Нюрнбергском процессе.

И в самом деле положение Германии в это время было далеко не блестящим.

С приходом гитлеровцев к власти в 1933 г. резко усилилась подготовка к войне. Этой задаче были подчинены все экономические, политические и военные планы гитлеровской Германии. В промышленность были вложены огромные суммы, немалая часть из них была предоставлена Германии американскими и английскими монополиями.

¹² Butler. Op cit, p 20; «Les évènements survenus en France de 1933 à 1945», t II. Paris, 1947, p. 415.

¹³ См Мировая война 1939—1945 М, 1957, стр 38—39

Безудержная эксплуатация рабочего класса, бесконечные займы и поборы, завинчивание налогового прес-са, прямая экспроприация собственности значительных групп германских граждан, объявленных врагами государства, служили источниками финансирования войны Гитлер утверждал, что на подготовку к войне Германия затратила 90 млрд. марок. Объем военного производства за годы нацистского господства до начала войны увеличился в 12,5 раз. Особенно больших успехов достигла Германия в производстве станков, алюминия, синтетического горючего.

Однако, несмотря на все старания, экономика Германии не была в 1939 г. подготовлена к длительной, затяжной войне. Авантюристичность планов гитлеровской клики выявилась уже в первые месяцы войны.

Политика и стратегия англо-французских союзников была в эти месяцы поистине «даром небесным» для гитлеровской Германии.

Вопреки хвастливым и шантажистским заявлениям фашистских главарей, будто Германия полностью готова к войне, дело обстояло совсем не так. Фашистские «четырёхлетки» не оправдали возлагаемых на них германскими милитаристами надежд. Попытка добиться так называемой автаркии, т. е. полной независимости германской экономики от ввоза и обеспечения ее собственным сырьем, потерпела решительную неудачу. Известный советский экономист И. М. Файнгар в своем исследовании о развитии германского монополистического капитала приводит весьма красноречивые данные о нехватке в Германии важнейших элементов стратегического сырья. К началу войны Германия была обеспечена собственным сырьем по черным металлам на 50%, по цветным металлам — около 20%, искусственным горючим и сырой нефтью на 30—40%, по текстильному сырью на 15—20%¹⁴. Из 30 видов важнейших стратегических материалов имелось только семь. Ощущалась острая нехватка никеля, олова, вольфрама, молибдена, хрома, бериллия, платины, бокситов и др.¹⁵

---

¹⁴ См. И. М. Ф а й н г а р. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958, стр. 256

¹⁵ См там же, стр 248

Немецкая экономика и в начале войны находилась в тесной зависимости от ввоза сырья и продовольствия: в целом ввозилась треть необходимого сырья. Особенно острой была зависимость по олову — 90%, по каучуку — свыше 85%, по текстильному сырью — около 70%, по меди — 70%, по бокситам — 99%, по минеральным маслам — 65%¹⁶. Между тем состояние сырьевых ресурсов лимитировало уровень военного производства и, следовательно, оказывало серьезное влияние на военно-политические планы и расчеты. Ограниченность запасов сырья и зависимость от его ввоза с острой необходимостью выдвигали вопрос о сроках войны и о методах ее ведения.

До конца 1940 г. уровень производства Германии не только не возрастал, а снижался. Стоимость военной продукции в общей стоимости производства составляла в 1939 г. всего 8%¹⁷. Доля военной продукции в валовой продукции германской промышленности в 1940 г. составляла менее 15%¹⁸.

В мае 1940 г., т. е. в месяц начала наступления на Западе, было произведено немногим более 40 танков. Недостаточным было и производство самолетов¹⁹.

Производство вооружения отставало от роста сухопутной армии. Между началом войны и наступлением на Западном фронте было сформировано 50 новых дивизий, для вооружения которых командование вермахтом было вынуждено частично использовать трофейное чехословацкое и польское вооружение. Не хватало танков, автомашин. Остро обстояло дело с производством боеприпасов. Лишь благодаря кратковременности военных действий в Польше и сравнительно умеренному применению артиллерии во время наступления на Западном фронте, производство боеприпасов на этом этапе смогло удовлетворить потребности армии. «Положение в этой области было неудовлетворительным» — отмечает германский военный историк²⁰.

---

¹⁶ См. Б. Мюллер - Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. II, стр. 29.

¹⁷ См. И. М. Файнгар. Цит. соч., стр. 280.

¹⁸ См. Ганс Керль. Военная экономика и военная промышленность. «Итоги второй мировой войны». М., 1957, стр. 364.

¹⁹ См. там же, стр. 364.

²⁰ См. Б. Мюллер - Гиллебранд. Цит. соч., стр. 67.

Другая серьезная проблема, с которой пришлось столкнуться Германии в первые месяцы войны, заключалась в нехватке квалифицированных рабочих для военной промышленности. Мобилизация оторвала от станков значительное число рабочих остродефицитных специальностей. Несмотря на последовавшее в середине сентября 1939 г. распоряжение о демобилизации из армии и возвращении на предприятия рабочих этой категории, к концу 1939 г. вернулась только четвертая часть от затребованного количества мобилизованных в вооруженные силы рабочих. Только в ноябре 1939 г. началось перераспределение рабочей силы с целью удовлетворения потребностей военной промышленности. Позднее, в 1940 г. было издано распоряжение о консервации около 100 тыс. мелких и средних предприятий, что должно было увеличить прирост рабочей силы на 1 млн.²¹

«Положение с рабочей силой на всем протяжении войны было неудовлетворительным, как в количественном, так и в качественном отношении»,— свидетельствует немецкий экономист Ганс Керль²².

Серьезные затруднения создались в начале войны и с транспортом. Не хватало подвижного состава, что привело в зиму 1939—1940 г. к перебоям в снабжении угля и к топливному кризису²³.

Таковы были основные уязвимые места германской военной экономики. Для того чтобы улучшить положение, гитлеровцам требовалось время и они его, к своему собственному удивлению, получили. Англо-французские союзники могли использовать эти обстоятельства, о которых они были осведомлены, с большой пользой для ведения войны. Для этого требовалось вести активные боевые операции против гитлеровской Германии, которые в те месяцы усилили бы влияние отрицательных факторов в германской военной экономике и довели бы ее до предела напряжения. Бездействие союзников спасло германскую военную экономику от краха в зиму 1939/40 года. Победа в Польше укрепила мнение гитлеровцев, что, несмотря на имеющиеся затруднения, германская экономи-

---

²¹ См. И. М. Файнгар. Цит. соч., стр. 285.

²² Ганс Керль. Цит. соч., стр. 364.

²³ См. Б. Мюллер-Гиллебранд. Цит. соч., стр. 72—73.

ка в состоянии обеспечить ведение войны на Западе, которая должна была быть, по их замыслам, подобно польской кампании, молниеносной. Последовавшая затем победа Германии на Западе резко улучшила положение германской экономики и значительно усилила военно-промышленный потенциал гитлеровской Германии.

Политика и стратегия Англии и Франции способствовали укреплению фашистского режима в Германии и тем самым благоприятствовали осуществлению агрессивных и человеконенавистнических планов нацистов. В бездействии союзников германская буржуазия видела подтверждение правильности политических расчетов Гитлера. За исключением некоторых отдельных своих представителей, германская буржуазия после начала войны и особенно после победы в Польше оказывала еще более решительную поддержку гитлеровскому режиму. Германские монополии, обогатившиеся в результате захвата Австрии, Чехословакии, Польши, вместе с Гитлером мечтали о господстве над всей Европой, а затем и над другими частями света, и составляли планы полного устранения своих империалистических конкурентов, магнатов промышленности и финансов Англии, Франции и, в конечном счете, и США. Поддерживали Гитлера и юнкеры — немецкие помещики, мечтавшие о создании необъятных плантаций на востоке Европы, обслуживаемых самым дешевым в мире рабским трудом побежденных народов. Наконец, планы Гитлера разделял, поддерживал, развивал и выполнял германский офицерский корпус во главе с генеральным штабом, который превратился в одну из главных опор фашистской империи. Никакие ухищрения бывших гитлеровских генералов не могут снять с них ответственность за те кровавые преступления, которые они совершили вместе со своим «фюрером». Маньякальные планы Гитлера об установлении господства Германии над Европой, а затем и над всем миром, и связанные с этими преступными замыслами войны, отвечали планам, желаниям и инстинктам германского генералитета. Власть, слава, добыча, чувство безнаказанности опьяняли их и делали ревностными сообщниками и исполнителями преступных планов Гитлера.

Их преступления были сурово осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге. «Они были

ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей... Без их военного руководства агрессивные стремления Гитлера были бы отвлеченными и бесплодными...

Многие из этих людей..., когда это в интересах их защиты, заявляют, что они должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать»²⁴.

Но даже эти подручные Гитлера в первые месяцы войны переживали тяжелые сомнения и больше всего боялись наступления англо-французских войск на Западе. Бездействие союзников — именно это и нужно было гитлеровской Германии после окончания войны в Польше. Германия интенсивно готовилась к широким военным операциям против Англии и Франции.

27 сентября, за день до падения польской столицы Варшавы, Гитлер отдал приказ о подготовке наступления на Западе. 9 октября была издана соответствующая директива. С востока на запад перебрасывались воинские части, вооружение, боеприпасы. Первоначально наступление на Западе было назначено на 12 ноября 1939 г. Однако, по разным причинам оно откладывалось вновь и вновь. Операция на Западе («план Гельб») в период между 12 ноября 1939 г. и 20 января 1940 г. откладывалась 16 раз²⁵. После 20 января было решено отложить наступление до весны. И это время было успешно использовано гитлеровцами для подготовки наступления во всех его деталях.

Это же время было преступно упущено командованием союзников. То были дни, когда правительства Англии и Франции были поглощены планами изменения характера

---

²⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 2. М., 1951, стр. 505—506.

²⁵ См. Walter Görlitz Der zweite Weltkrieg. 1939—1945, Bd. I. Stuttgart, 1951, S. 83.

и направления войны, превращения ее в войну против Советского Союза.

Фельдмаршал Монтгомери пишет в своих мемуарах: «Франция и Британия не шелохнулись, когда Германия поглотила Польшу. Мы продолжали бездействовать даже тогда, когда германские армии перебрасывались на Запад с совершенно очевидной целью атаковать нас! Мы терпеливо ожидали, пока на нас нападут, и на протяжении всего этого периода время от времени бомбили Германию листовками. Я не понимал, была ли это война.

Хорошо помню визит Невилля Чемберлена в мою дивизию. Это было 16 декабря 1939 г. После завтрака он отвел меня в сторону и сказал мне так тихо, чтобы никто не мог нас услышать: «Я не думаю, чтобы немцы имели какое-либо намерение атаковать нас»²⁶.

На Западном фронте было спокойно. Отпуска, временно прекращенные 4 января 1940 г., были вновь разрешены с 16 марта.

Остерегайтесь увечий во время катания на лыжах с гор — предупреждало английское командование офицеров-отпускников. Других увечий не предвиделось.

Между тем во Франции одни начинали забывать, что идет война с Германией, другие полагали, что война вот-вот окончится. Бездействие рождало состояние безразличия. Что это за война? Из-за чего она? В чем собственно говоря дело? Неправда ли, какая странная война?

Так родился этот термин. Подхваченное журналистами выражение «странная война» прочно вошло в историю и сохранилось до сих пор. Да и как было не считать эту войну «смешной» или «странной», когда за четыре первых месяца войны французские потери на суше, в воздухе и на море составляли 1433 человек, а англичане потеряли на суше троих человек²⁷.

Экономическая блокада

Но так обстояло дело не только на Западном фронте. Такова была линия во всех вопросах, касающихся войны. Политические руководители Англии (а с ними были со-

²⁶ В. Montgomery. The Memoirs. London, 1958, p. 58.

²⁷ См. Дж. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945. М., 1956, стр. 78.

гласны и французские руководители) считали, что на первом этапе войны ее главным орудием должно быть экономическое наступление союзников против Германии. Они полагали, что таким путем Германию, страну с весьма напряженной экономикой, удастся «убедить», что выиграть войну она не может. В результате в Германии произойдет внутренний переворот. «Экстремисты» во главе с Гитлером будут отстранены, а на смену им придут «умеренные» (в Англии и Геринга считали умеренным!), с которыми можно будет прийти к полюбовному соглашению. Эта точка зрения, прикрывавшаяся пустыми фразами о враждебном отношении к нацизму, была следующим образом выражена британским премьер-министром Н. Чемберленом: «Пока Гитлер не сойдет со сцены и пока не рухнет нацистская система, мира быть не может. Но то, на что я надеюсь, не есть военная победа, возможность которой представляется мне весьма сомнительной, но крушение внутреннего фронта в Германии. Для этого необходимо убедить немцев, что они не смогут выиграть войну... Исходя из этого, необходимо оценивать всякое действие с точки зрения его возможно-го влияния на умонастроение немцев»²⁸.

На штабных совещаниях Англии и Франции в апреле 1939 г. было решено, что экономическое наступление будет состоять из двух взаимодополняющих частей: экономической блокады и интенсивных бомбардировок главных экономических районов и коммуникаций Германии с воздуха. Однако еще до начала войны второй важнейший элемент экономического наступления — массированные бомбежки — отпал. 22 августа 1939 г., когда война между Германией и Польшей уже считалась неизбежной, комитет начальников штабов отдельных родов войск издал соответствующую инструкцию, по существу запрещавшую бомбежки Германии. После первых десяти дней войны этот вопрос был рассмотрен вновь и действие запрета подтверждено.

Английский вице-маршал авиации Э. Кингстон-Макклори свидетельствует: «В течение всего периода странной войны в Европе передовой ударной авиагруппе не

---

²⁸ Keith Feiling The Life of Nevil Chamberlain. London, 1956. p. 418.

разрешалось производить налеты на Германию; она занималась разбрасыванием листовок, так как противовоздушная оборона Франции была слабой и французское правительство выступило против проведения нами бомбардировочных операций. Наше бездействие можно объяснить также и тем, что командование нашего флота хотело бы сохранить силы бомбардировочной авиации для действий против немецкого флота, а командование армии желало бы в максимальной степени использовать их для поддержки сухопутных войск. Кроме того, была получена просьба Рузвельта не начинать бомбардировок с воздуха. Но решающим фактором было то, что военный кабинет ни в коем случае не соглашался взять на себя инициативу начала в этой войне бомбардировок с воздуха»²⁹.

Решительно выступал против бомбежек Германии не кто иной, как сам английский министр авиации Кингсли Вуд, известный своей откровенной поддержкой мюнхенского курса. Кингсли Вуд принадлежал к узкому кругу «мюнхенцев», к так называемой клайвденской клике.

Известный деятель консервативной партии, неоднократно занимавший министерские посты, Л. Эмери пишет в своих мемуарах: «5 сентября (т. е. через два дня после объявления Англией войны Германии.— А. Н.) я предложил министру авиации Кингсли Вуду, чтобы мы, учитывая нехватку леса в Германии, попытались поджечь Шварцвальд. Я был полностью подготовлен к ответу, что имеются возражения технического порядка или что есть другие, более ценные и, с военной точки зрения, более важные объекты. К моему ужасу он ответил мне, что вообще не ставится вопрос о бомбардировках: мы не намерены даже атаковать военные заводы под Эссеном, которые являются частной собственностью, и линии коммуникаций. Все это, мол, делается для того, чтобы не оттолкнуть американскую общественность. На вопрос, собираемся ли мы пошевелить хотя бы пальцем, чтобы помочь полякам, он не ответил»³⁰.

---

²⁹ Э. Дж. Кингстон-Макклори. Руководство войной, М., 1957, стр. 107.

³⁰ L. S. Amery. My Political Life. London, 1955, vol. III, p. 330.

Генерал Эдвард Спирс, консерватор, член парламента, выполнявший во время войны функции главного офицера связи между английским и французским правительствами, рассказывает, что в первые дни сентября 1939 г., когда в палате общин остро стоял вопрос об оказании помощи Польше, Кингсли Вуд уговаривал его не выступать в палате с требованием оказать помощь Польше авиацией³¹.

Когда некоторые представители английских военно-воздушных сил предложили все же приступить к бомбардировке германских военных объектов, их предложение было «отклонено правительством»³².

Дело дошло до того, что позднее, уже во время развернувшихся военных действий в Норвегии, английским пилотам вплоть до 11 апреля 1940 г. не разрешалось атаковать немцев, расположившихся на датских и норвежских аэродромах. Спустя еще два дня «они получили разрешение открывать только пулеметный огонь, но бомбы сбрасывать запрещалось!»³³.

Французский генштаб обосновывал свои требования «перемирия» в воздухе опасениями, что в ответ германская авиация подвергнет уничтожающей бомбардировке Францию. Гитлеровской Германии такого рода «перемирие» было в высшей степени выгодно, особенно в самом начале войны, когда германская авиация была занята в Польше и могла беспрепятственно выполнять оперативные задачи по разгрому польской армии, не встречая никакого противодействия со стороны авиации союзников и не опасаясь, что союзники подвергнут бомбежке германские военные объекты.

Так обстояло дело с бомбардировками Германии с воздуха.

Посмотрим теперь, как осуществлялась другая часть запланированного англо-французами экономического наступления — экономическая блокада.

Разработка мероприятий по осуществлению экономической блокады, и их координация были возложены на специально созданное в Англии министерство эконо-

³¹ См. Ed. Spears The Assignment to Catastrophe. London, 1954, vol. I, p. 30—31.

³² Ibid. p. 109.

³³ L. S. Amerу. Op cit, p. 332.

мической войны, во Франции — на подобное же министерство блокады. Однако, сотрудничество между Англией и Францией развивалось в этой области крайне медленно и значительных успехов не принесло³⁴.

Осуществление экономической блокады требовало действенных мер для прекращения снабжения Германии необходимым ей стратегическим сырьем и, прежде всего, нефтепродуктов и железной руды. По оценке английских экспертов запасы нефтепродуктов в Германии на 1 сентября 1939 г. не превышали 3 млн. тонн, а вместе с нефтью, поступавшей из других стран, главным образом из Румынии, считалось, что общие запасы нефтепродуктов в первые полгода войны превысят 6 млн. тонн при потребности в 5 млн. тонн³⁵. Совет по жидкому топливу, производивший соответствующие выкладки, установил также, что Германия может получить из Румынии в первый год войны 2 млн. тонн. На деле же оказалось, что запасы Германии к началу войны составляли немногим больше 2 млн. тонн, т. е. гораздо меньше, чем предполагали англичане. Однако быстрый разгром Польши несколько поправил германские дела не только благодаря захвату польских незначительных запасов нефтепродуктов, но и главным образом благодаря тому, что германская армия израсходовала в наступлении гораздо меньше горючего, чем это предполагалось. Какие же меры приняло английское правительство, чтобы создать в Германии «нефтяной голод»? Удалась ли блокада Германии в этом смысле? Благодаря мерам, принятым англичанами, доля немцев в закупках румынской нефти сократилась до 150 тыс. тонн нефти в месяц. Интересно отметить при этом серьезную роль в снабжении Германии румынской нефтью, которую играли американцы. В донесении германской миссии в Румынии министерству иностранных дел Германии от 29 марта 1940 г. говорится об этом совершенно определенно:

«Далее, неверно, что американские нефтяные компании не снабжают нас. Напротив — «Ромына-Американа» один из наших главных поставщиков»³⁶. Больше того,

³⁴ См. W. N. Medlicott. The Economic Blocade. London, 1952, vol. I, p. 55.

³⁵ См. Butler. Op. cit., p. 87.

³⁶ Documents on German Foreign Policy. Series D, vol. IX, N 21, p. 41.

немцы рассчитывали, что румынский премьер Татареску прямо или косвенно заставит английские и французские нефтяные компании продавать нефть Германии³⁷. Так продолжалось вплоть до июля 1940 г., когда Румыния открыто перешла в стан гитлеровской Германии, и все ее естественные богатства, в том числе и нефть, поступили на обслуживание германской военной машины. Попытка английских диверсионных групп вывести из строя нефтепромыслы в Плоешти потерпели неудачу. Однако, несмотря на некоторое сокращение поставок румынской нефти в Германию в начальный период войны, это не могло оказать существенного влияния на военно-экономическое положение Германии, так как затишье на фронтах, отсутствие активных боевых операций решительно снижало потребление горючего. Нефтяная блокада Германии могла быть успешной только в результате сочетания мер блокады с активными боевыми операциями на земле и в воздухе, которые, как известно, не осуществлялись. Тем самым и попытка лишить Германию нефти была с самого начала обречена на провал.

Как одна, так и другая стороны в своих планах уделяли значительное внимание Скандинавии. Англию и Францию особенно беспокоило продолжающееся регулярное снабжение Германии высококачественной шведской рудой. Ежегодно Германия получала из шведских рудников Кируна — Елливаре, расположенных близ шведско-финской границы, до 10 млн. тонн. Эта руда грузилась на корабли в незамерзающем порту Нарвик, а с середины апреля до середины декабря — в расположенном на Балтийском море порту Лулеа. Через норвежские территориальные воды судна, груженные шведской железной рудой, отправлялись в германские порты. Было ясно, что экономическая блокада не может быть эффективной, если снабжение железной рудой будет и дальше беспрепятственно продолжаться.

19 сентября 1939 г. морской министр У. Черчилль предложил минировать норвежские территориальные воды, если дипломатическое давление на Норвегию — требование запрета провоза руды в зимнее время через Нарвик — окажется безуспешным³⁸. Спустя десять дней

³⁷ См. *ibid.*, N 21, p. 42.

³⁸ См. Butler. *Op. cit.*, p. 94

этот вопрос был вновь возбужден Черчиллем, но рассмотрение его было английским военным кабинетом отложено.

С началом советско-финской войны, скандинавские проекты выдвигаются на первый план. В основе их лежало стремление осуществить одновременно три цели: во-первых, оказать помощь белофиннам в войне против Советского Союза и организовать нападение на СССР с севера; во-вторых, использовать советско-финскую войну в качестве предлога для посылки англо-французских экспедиционных сил в Скандинавию, превратив ее таким образом в свой плацдарм; в-третьих, захватить шведские железные рудники.

Более или менее энергичные меры проводили англичане на море, где обладали неоспоримым превосходством.

Была введена целая система борьбы с провозом в Германию различного рода стратегических материалов, сырья и товаров. Суда нейтральных государств подвергались перехвату и тщательному осмотру. От судовладельцев требовали справки, что товары, погруженные на их суда, не будут реэкспортированы в другие страны. От экспортеров Западного полушария требовали представления заранее списков товаров, которые они собирались вывезти в европейские страны. Если товары не входили в список контрабандных, то на них выдавался специальный коммерческий паспорт. Эта система «борьбы с контрабандой» была в зиму 1939/40 г. узаконена во всей Британской империи. Однако мероприятия англичан в этой области подвергались сильным нападкам со стороны нейтральных государств, которые имели достаточно оснований, чтобы рассматривать это как покушение на свободу морей. В частности, осмотр английскими властями американских торговых судов привел к резкому обострению англо-американских отношений в начале 1940 г. За первые шесть недель войны англичане перехватили 338 тыс. тонн грузов, которые, как подозревали, направлялись в Германию. Среди них более 76 тыс. тонн нефтепродуктов, 65 тыс. тонн железной руды, 38 тыс. тонн марганца и т. п.³⁹.

---

³⁹ См. Parliamentary Debates. House of Commons. 25.XI 1939, vol. 352, col. 1411—1412.

За первые три месяца войны было захвачено более 476 тыс. тонн грузов⁴⁰.

Система контроля и захвата грузов, направлявшихся в Германию, не могла разумеется сыграть сама по себе значительную роль в борьбе с Германией. Ущерб, причиненный этими мероприятиями германской военной экономике был незначительным.

Серьезную брешь в экономической блокаде пробивала Италия, которая еще не участвовала в войне. Итальянская промышленность не только получала с согласия Англии уголь из Германии, но также и сырье из самой Англии, которое использовалось для военных приготовлений Италии.

В письме Гитлеру от 3 января 1940 г. Муссолини констатировал: «Существование этих коммерческих отношений позволяет нам приобретать такое сырье, без которого мы не можем выполнить наши военные приготовления. Поэтому Германия в конечном счете извлекает из этого выгоду»⁴¹.

Таким образом политические цели и военно-экономические планы вместо того, чтобы гармонично соответствовать друг другу, сталкивались между собою, ослабляли друг друга к явной выгоде фашистских союзников.

Составными частями экономической войны против Германии должны были стать экономические соглашения военного времени с нейтральными государствами. Главная задача такого рода соглашений, как пишет профессор Медликотт, заключалась в том, чтобы заставить нейтральные государства не реэкспортировать товары, закупленные у союзников, в Германию, а также, чтобы нейтралы ограничили продажу других товаров в Германию довоенным уровнем. Со своей стороны, Англия соглашалась в каждом конкретном случае облегчать прохождение товаров, предусмотренных соглашением, через контроль и не предъявлять требований гарантий против реэкспорта от каждого экспортера. В первые месяцы войны переговоры о заключении соответствующих соглашений велись с Норвегией, Швецией, Данией, Исландией, Бельгией, Голландией, Швейцарией, Венгрией, Грецией. Пере-

⁴⁰ Ibid., 6.XII 1939, vol. 355, col. 684.

⁴¹ Documents on German Foreign Policy. Series D, vol. VIII, № 504, p. 605.

говоры по торговым вопросам проводились с Италией, Турцией, Испанией, Португалией, а также с Советским Союзом. Однако, несмотря на то, что в декабре были подписаны соответствующие соглашения со Швецией и Бельгией, а в марте 1940 г.— с Норвегией, Голландией и Данией, практического значения соглашения эти не имели, так как последовавшее в апреле германское вторжение в Скандинавию, а в мае — наступление на Западном фронте, полностью изменили обстановку. Таким образом, эти соглашения интересны лишь тем, что они характеризуют методы ведения экономической войны и свидетельствуют о крайней недалекости политического руководства Англии того периода, строившего все свои расчеты на возможности пассивной войны⁴².

По той же причине оказались малоэффективными и попытки Англии нанести удары по экономике Германии путем массовых закупок продовольствия и сырья на Балканах и поощрения там английского экспорта. С этой целью в апреле 1940 г. была создана специальная организация под названием «Коммерческая корпорация Соединенного королевства», которой были выделены правительством специальные, но достаточно ограниченные средства.

В задачу этой компании входили не только единовременные закупки сырья и продовольствия, но и подготовка необходимых условий для усиления английской экономической экспансии в Юго-Восточной Европе также и в послевоенный период. Английские эмиссары, в частности лорд Ллойд, старались убедить правительства на Балканах, что коммерческие интересы Англии будут носить здесь долговременный характер. В Берлине были весьма озабочены таким выражением стремления Англии выбить германского противника с занятых им экономических позиций на Балканах. Об этом свидетельствует ряд документов, в частности, инструкция директора департамента экономической политики германского министерства иностранных дел Вилля германским торговым миссиям в Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии, переданная также для сведения миссиям в Греции и Турции, от 9 апреля 1940 г. о необходимости решительной

---

⁴² См. W. N. Medlicott. *Op. cit.*, p. 55.

борьбы с деятельностью «Коммерческой корпорации Соединенного королевства»⁴³.

Все мероприятия Англии по ведению экономической войны против Германии страдали существенными недостатками, главный из которых заключался в том, что меры экономической войны превращались из дополнительных в главные, из вспомогательных в единственные, в то время как экономическая война должна была служить вспомогательным средством к основному методу — широкому развертыванию военного наступления против Германии на суше, на море и в воздухе. При отсутствии же широких военных действий экономическая война не могла причинить Германии того ущерба как в случае использования ее в общем комплексе военных мероприятий, тем более, что и Германия предприняла ряд мер для усиления контрблокады. 29 ноября 1939 г. Гитлер издал директиву о ведении экономической войны. Меры борьбы с Англией, предписываемые директивой, заключались в минировании английских территориальных вод и в блокировании основных морских портов. В то же время военно-морскому флоту предлагалось до поры, до времени воздерживаться от ведения неограниченной войны на море. Причины этого заключались прежде всего в стремлении до завершения подготовки генерального наступления на Западном фронте, не расширять театра военных действий, не обострять отношений с нейтральными государствами и особенно с США. Германия стремилась к тому, чтобы не провоцировать США на вступление в войну. Отношение США к войне в Европе, их политика весьма беспокоили гитлеровскую верхушку и оказывали в первый период войны значительное влияние на их планы. Сущность германской политики в этом вопросе была сформулирована в меморандуме статс-секретаря германского министерства иностранных дел Э. Вейцекера следующим образом: «В связи с возникновением войны с Польшей, Британской империей и Францией нашим

---

⁴³ Documents on German Foreign Policy Series D, vol. IX, № 74, p. 108—109. См. также донесение германского посла в Бухаресте Фабрициуса германскому Министерству иностранных дел от 22.IV 1940 г. о беседе с румынским министром иностранных дел Гафенку, а также донесение Клодиуса из Софии от 3 мая 1940 г.

отношениям с Соединенными Штатами Америки следует придавать еще бóльшую важность, чем до сих пор. Наш огромный интерес заключается в предотвращении того, чтобы Соединенные Штаты использовали все свое влияние на стороне наших врагов, и мы должны сделать все, чтобы удержать их в группе нейтральных держав, наиболее сильным и важнейшим членом которой США до сих пор являются, несмотря на их враждебные чувства»⁴⁴.

Операции на море

Пока на Западном фронте царило затишье, немцы попытались вести морские операции с целью помешать снабжению Англии, нарушить ее заморскую торговлю и вызвать тем затруднения в ее экономической жизни. В директиве Гитлера германскому военно-морскому флоту о ведении войны против Англии указывалось: «Военно-морской флот ведет борьбу с торговым флотом противника, главным образом с английским»⁴⁵. На первых порах германский военно-морской флот достиг некоторых успехов. За четыре месяца войны в 1939 г. было потоплено 222 торговых судна, принадлежавших Англии, ее союзникам и нейтральным государствам общим водоизмещением в 755 392 тонны. За первые три месяца 1940 г.—181 судно общим водоизмещением в 548 435 тонн⁴⁶.

Особенно большой ущерб гитлеровцы наносили магнитными минами, установленными вдоль побережья Англии и у входа в английские порты⁴⁷. Для борьбы с внезапными нападениями немецких подводных лодок и линкоров рейдеров англичане начали применять систему конвоев, которая постепенно получала все большее распространение и имела положительное значение. Действия рейдеров были для немцев в общем неудачными. Один из двух германских «карманных линкоров» «Дейчланд», выполнявший задачу рейдера,

---

⁴⁴ Documents on German Foreign Policy. Series D, Vol. VIII, № 56, p. 53

⁴⁵ Курт Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 39.

⁴⁶ См. Butler. Op. cit., Appendix II. Table I, p. 571

⁴⁷ См. W. Churchill. The Second World War Vol. I, p. 440.

потопил только два торговых судна⁴⁸. «Граф Шпее», крейсировавший в Южной Америке, потопил 9 судов. Преследуемый английским флотом «Граф Шпее» в декабре 1939 г. был затоплен по приказу из Берлина в устье Ла-Платы⁴⁹.

Понес некоторые потери в рассматриваемый период и английский военный флот: были потоплены авианосцы «Арк Ройял» и «Корейджес» в сентябре 1939 г. 14 октября немецкая подводная лодка, пробравшаяся в главную английскую военно-морскую гавань Скапа-Флоу, пустила ко дну линкор «Ройял Ок», при этом погибло 786 английских моряков⁵⁰. Кроме того, два английских военных корабля получили повреждения, наскочив на мины.

Немцы не могли рассчитывать, да и не рассчитывали в этот период на какую-либо серьезную борьбу с английским флотом, который к началу войны насчитывал 200 надводных кораблей всех типов, в то время как германский всего 47. Главную надежду немцы возлагали на действия своих подводных лодок, строительство которых было широко развернуто⁵¹. Но эти планы относились уже к 1940 г.

Английский военно-морской флот причинил существенные потери немецкому подводному флоту, потопив за первые 4 месяца войны 9 подводных лодок из общего числа в 49 подводных лодок первой линии. За первые 4 месяца 1940 г. было потоплено 18 немецких подводных лодок⁵².

Но все же даже операции на море, которые могли бы оказать должное содействие экономической блокаде, также разворачивались вяло вследствие политики, которую проводило правительство Чемберлена.

---

⁴⁸ См. Типпельскирх. Цит. соч., стр. 41.

⁴⁹ Там же, стр. 42—43.

⁵⁰ См. W. Churchill. Op. cit., vol. I, p. 440.

⁵¹ См. Н. Волков. Действия германского флота на морских и океанских коммуникациях Англии и США во второй мировой войне. «Военно-исторический журнал», 1959, № 5, стр. 34—35.

⁵² Butler. Op. cit., p. 571.

Глава II

ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ВОЕВАЛИ ПРОТИВ ГИТЛЕРА

Правительство Чемберлена на прежнем мюнхенском пути

Нападение Германии на Польшу означало крушение политики, которую правящие круги Англии, а вместе с ней и Франции, так упорно проводили в предвоенные годы. Политика попустительства агрессии — так называемое невмешательство, стержнем которой было стремление спровоцировать войну против Советского Союза фашистских государств: Германии в Европе и Японии в Азии, — не удалась. Противоречия внутри империалистического мира оказались острее, чем противоречия между капиталистической и социалистической системой. Англия и Франция вынуждены были 3 сентября 1939 г. вступить в войну против гитлеровской Германии. Однако реакционные деятели, стоявшие у кормила правления в этих странах, все еще продолжали надеяться, что им удастся втянуть в войну Советский Союз и, в конечном счете, изменить направление германской агрессии. В этом заключалась одна из причин того, что Польша была брошена на произвол судьбы: ожидали, что между германской армией и советскими войсками произойдет столкновение. Хотя действительность не оправдала их расчетов, они этих надежд не потеряли.

С 1937 г. правительство в Англии возглавлял лидер консервативной партии — главной партии английской буржуазии — Невилль Чемберлен. Премьер был вдохновителем и инициатором политики «невмешательства», которая облегчила в 1938 г. захват Австрии и отторжение от Чехословакии ряда ее важнейших областей, а в 1939 г. — расчленение и оккупацию Чехословакии, захват Клайпеды, поражение Испанской республики,

оккупацию Италией Албании и, наконец, нападение Германии на Польшу.

Нападение Германии на Польшу и объявление Англией войны Германии означало фактически крах политики Невилля Чемберлена и той части английской буржуазии, которую он представлял. Правительство, возглавляемое им, все больше теряло доверие народа. После 15 марта 1939 г. (оккупации Чехословакии гитлеровской Германией) широкие слои английского народа поняли, что никакими уступками Гитлера не удовлетворишь, что надвигается невиданная в истории война, в которой речь будет идти о независимости Англии, о защите цивилизации от угрозы ее разрушения фашистскими каннибалами.

Наблюдался странный контраст между психологической готовностью большинства английского народа к войне против фашистской Германии и неуверенностью и смятением, царившими в высших правительственных сферах.

В первые дни после вступления в войну Чемберлен попытался образовать коалиционное правительство, в которое бы вошли, кроме консерваторов, также лейбористы и либералы. Однако ни лейбористы, ни либералы не желали участвовать в правительстве, возглавляемом Чемберленом. В то же время эти партии обещали свою поддержку правительству в его военных усилиях. 8 сентября было заключено между партиями «политическое перемирие».

Уже первые назначения на ответственные посты показывали, что правительство, по-видимому, плохо отдаст себе отчет в угрожающем положении страны. 6 сентября при кабинете был создан комитет по военным вопросам под председательством известного «мюнхенца» Сэмюэла Хора (позднее лорд Темплвуд). Наибольшую опасность Хор видел не в стратегии пассивного ожидания, на путь которой вступили Англия и Франция, а в решительном настроении народа, требовавшего действий, действий и еще раз действий. В письме английскому послу в Вашингтоне лорду Лотриану от 25 сентября 1939 г. Хор не скрывал своей досады поведением «человека с улицы» (так именует он простых людей Англии). «Страна,— писал Хор,— настроена весьма решительно.

Одна из опасностей в действительности заключается в том, что человек с улицы проявляет нетерпение и думает, что мы действуем слишком медленно»¹.

В своих мемуарах, опубликованных в 1954 г., Хор выступает решительным апологетом политики военного кабинета Чемберлена в первые месяцы войны: «Не вызывает сомнения, — отмечает он, — что этот странный период ожидания, который стал известен как «странная война», представлял большую ценность для страны, в которой тотальная мобилизация была до сих пор практически неосуществимой, но вместе с тем возникла трудная проблема сохранения на высоком уровне воли к сопротивлению в то время, когда было мало чему сопротивляться»². Таким образом, по Хору получается, что период «странной войны» был неизбежен в английских условиях. Такое объяснение весьма удобно для тех, кто несет прямую ответственность за то, что политика «странной войны» привела к оккупации Германией значительной части Европы и поставила Англию на грань катастрофы. В глазах «мюнхенской» группы начавшаяся война оставалась досадной случайностью. В силу своей реакционности и классовых симпатий, «мюнхенцы» так и не поняли то, что было осознано английским народом: Германия не просто враг, нынешняя Германия — угроза мировой цивилизации.

В образованном из числа членов правительства военном кабинете решающую роль продолжали играть «мюнхенцы»: Д. Саймон (министр финансов), Э. Галифакс (министр иностранных дел), С. Хор (лорд-хранитель печати), Кингсли Вуд (министр авиации). Вся внешняя политика была сосредоточена в руках группы внешней политики, — Саймон, Галифакс, Хор, т. е. самых ярых «мюнхенцев».

Было ясно, что эта группа консервативных политиков, глубоко реакционных по своим воззрениям, проникнутых острой классовой ненавистью к трудящимся, неспособна энергично вести победоносную войну против гитлеровской Германии. Ибо война эта должна была стать и действительно стала, когда в нее вступили

---

¹ S. Hoare. Nine Troubled Years. London, 1954, p. 400.

² Ibid.

последовательно демократические силы, войной антифашистской, освободительной.

Для многих же консервативных политиков, начавшаяся война была ненужной, они смотрели на нее, как на досадное недоразумение, негодовали по поводу коварства Гитлера, обманувшего их расчеты. И не теряли надежды, что еще удастся эту «ненужную» войну западных держав между собою превратить в «нужную» войну всего капиталистического мира против СССР. Немудрено, что такая оценка событий вела к потере чувства реальности, к крупным просчетам и ошибкам в политике и стратегии войны.

«На внутреннем фронте,— пишет известный английский историк Арнольд Тойнби,— период до мая 1940 г. был временем колебаний, сомнений и упущенных возможностей. Хотя Акт о чрезвычайных полномочиях (обороны) от 24 августа 1939 г. предоставлял правительству почти неограниченные законные полномочия, эти полномочия не были использованы»³.

И в самом деле простой перечень нерешенных проблем показывает, что правительство Чемберлена действительно пыталось ограничиться полумерами.

Одна из самых острых проблем организации военной экономики заключалась в мобилизации и распределении рабочей силы. При значительных потребностях в высококвалифицированных рабочих для нужд военной промышленности в Англии еще в апреле 1940 г. насчитывался 1 млн. безработных. Отсутствие учебных центров и планов перераспределения рабочей силы из «мирных» отраслей промышленности в военные замедлял темпы роста военной продукции⁴. Реальный контроль над импортом не был установлен вплоть до июня 1940 г., и драгоценная для Англии валюта, запасы которой были весьма ограничены, расходовалась зачастую импортерами по собственному усмотрению на ввоз предметов роскоши и т. п. Также не удалось во время первого периода войны установить эффективный контроль над расходованием материальных ресурсов. То же самое относится и к рacionированию продовольствия и

³ The Initial Triumph of the Axis. Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, 1958, p. 263.

⁴ Foreign Relations of the United States, 1939, vol. I, p. 282—290.

одежды; предложенные правительством меры не были последовательно проведены в жизнь.

Военные расходы далеко не отвечали насущным требованиям ведения современной войны.

Все шло так, как будто правительство было твердо убеждено в том, что настоящей войны, кровопролитных сражений, требующих максимального напряжения всех ресурсов, на этот раз не будет. А исход конфликта будет решен иными способами.

Правильное объяснение этому может быть только одно: Чемберлен не рассчитывал, что в этой войне дело дойдет до настоящих боев.

Посол США в Лондоне Кеннеди в донесении госдепартаменту от 8 ноября 1939 г. рассказывал следующее об умонастроении британского премьера. На вопрос Кеннеди, как долго, по мнению Чемберлена, продлится война, премьер ответил: «Я не думаю, что она продлится далее весны». Отсутствие у Гитлера каких-либо побед и продолжающееся давление блокады будет причиной крушения Германии, утверждал Чемберлен⁵.

В центральных правительственных учреждениях имелись влиятельные силы, которые были готовы в подходящий момент и на приемлемых условиях вступить в сговор с гитлеровской Германией. При этом они заранее соглашались на узаконение агрессии, совершенной Германией против Австрии и Чехословакии. В одной из английских листовок, сброшенных над Германией в первые дни войны, было напечатано: «Эта война совершенно не нужна. Германии никто не угрожает и не отказывает в справедливости. Разве Германии не была предоставлена возможность возратить себе Рейнскую область, достигнуть аншлюса и получить судетских немцев мирным путем?»⁶.

О настроениях, царивших в правящих кругах, свидетельствуют и такие, быть может не очень значительные, но примечательные факты. В конце 1939 г. из кругов консерваторов поступило предложение, чтобы бывший английский посол в Берлине Хорас Ремболд выступил по радио с обращением к немцам. Однако предложе-

---

⁵ Foreign Relations of the United States, 1939, vol I, p. 527

⁶ Parliamentary Debates House of Commons. Vol. 351, col. 568

ние было отклонено на том основании, что Ремболд зарекомендовал себя «антигерманцем»! Такой же запрет был наложен на известного английского историка и публициста Горальда Никольсона⁷. Создавалось парадоксальное положение, когда правящие круги Англии заботились не столько о том, чтобы энергично вести войну против опасного и жоварного противника, сколько о том, чтобы, упаси боже, не раздражать его! Такая политика не могла не порождать пораженческих настроений, особенно культивируемых некоторыми дельцами Сити, небольшой, но влиятельной кучкой консервативных политиков, реакционерами из придворно-аристократических кругов. Эти люди, не опиравшиеся на сколько-нибудь широкую общественную поддержку, сознательно выступали за переговоры с Германией, которые в условиях момента не могли быть не чем иным, как капитуляцией перед ее требованиями.

В отличие от закоснелых в своих реакционных взглядах политиков, широкие слои английского народа были настроены весьма решительно и были готовы вести бескомпромиссную войну с нацистами.

В стране были необходимые моральные и психологические предпосылки для ведения такой войны. Внутриполитическое положение было достаточно устойчивым. Фашизм не имел в Англии массовой базы, как то было в ряде капиталистических государств континентальной Европы. Правда, был Союз британских фашистов во главе с Освальдом Мосли. Однако эта организация представляла собою ничтожную кучку хулиганов, которая не пользовалась поддержкой сколько-нибудь значительных общественных сил. Более опасной для ведения успешной борьбы против гитлеризма была деятельность профашистских и прогерманских обществ, таких как «Англо-германское содружество» и «Линк». Их поддерживали и субсидировали крупнейшие английские монополии. Хотя деятельность «Англо-германского содружества» и «Линка» с начала войны была ограничена, а затем и запрещена, они, пользуясь попустительством министерства внутренних дел, во главе которого стоял известный реакционер Джон Андерсон, продолжали

---

⁷ См. Ed Spears Op. cit., p. 65

свою прогерманскую деятельность, изменив только вывеску.

Вскоре после начала войны, в октябре 1939 г., бывшие члены «Линка» создали организацию под названием «Британский Совет за христианское урегулирование в Европе», который вел пораженческую пропаганду⁸. Пользуясь благорасположением властей профашистские элементы настолько распоясались, что срывали выступления министров на общественных митингах. Член парламента, лейборист Веджвуд с негодованием заявил в парламенте, обращаясь к министру внутренних дел Джону Андерсону: «Если бы высокочтимый джентльмен знал, что те, кто срывают митинги, являются коммунистами, то они были бы мгновенно разогнаны, а не разгоняют их просто по той причине, что они являются фашистами...»⁹. Консерватор Вивьен Адамс, выступая в парламенте, обратил внимание на опасность, исходящую от внутренних врагов — профашистских обществ, как «Линк» и «Англо-германское содружество». Эти организации пытались внушить народным массам, что вовсе не Германия является врагом Англии, а Советский Союз.

В антисоветскую кампанию включился и наиболее влиятельный печатный орган английской буржуазии — газета «Таймс». Она публиковала статьи, проникнутые пораженческим духом и подстрекательством, направленным на вовлечение Англии в войну с Советским Союзом¹⁰.

Но с вредным влиянием этих организаций можно было бы при желании легко справиться.

Когда началась война, широкие народные массы восприняли ее, как войну против фашизма, как освободительную борьбу. В соответствии с этим они ожидали, что правительство будет вести войну весьма энергично и решительно. Но действительность оказалась совсем иной. В первые месяцы войны на основе Акта о чрезвычайных полномочиях от 24 августа 1939 г. военным кабинетом было издано большое число распоряжений об

⁸ См. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 352, col. 1044.

⁹ Ibid., vol. 357, col. 390—391.

¹⁰ Ibid., vol. 351, col. 1273—1274

ограничениях военного времени, были предприняты меры по эвакуации детей, стариков из наиболее угрожаемых и густонаселенных районов. Были призваны в армию мужчины в возрасте от 18 до 41 года, установлено нормирование продуктов питания, увеличен на 30% подоходный налог. Серией законов и распоряжений было предусмотрено активное вмешательство государства в управление частными предприятиями. Министру внутренних дел предоставлялись неограниченные полномочия по регулированию условий труда, что на практике означало возможность увеличения числа рабочих часов без соответствующего увеличения заработной платы.

Широкие массы английского народа ожидали, что правительство будет вести решительные и активные действия против Германии. Поэтому они были готовы мириться с теми неизбежными ограничениями обычной жизни, которые принесла с собой война. Но шли дни, росло число чрезвычайных распоряжений, а войны как будто и не бывало. После поражения Польши гитлеровцы начали «мирное наступление», заявляя, что они готовы к переговорам о мире. Печать оживленно обсуждала такие возможности. В результате создавалась атмосфера, когда у людей, только что горевших желанием воевать с фашистами, зарождалось чувство успокоения — ведь изо дня в день печать и радио твердили, что Гитлер понес в Польше огромные потери и поэтому боится выступить на Западе. Положение в Германии настолько плохо, что вряд ли гитлеровский режим переживет наступающую зиму. Оставалось ждать победы подобно падающей с неба манны.

Состояние полумира, полувойны имело отрицательные последствия. Боевое настроение народа начинало постепенно таять. На смену ему приходило раздражение обывателя военными полумерами, которые казались ненужными. Затишье на фронтах, отсутствие воздушных налетов германской авиации, а следовательно, и отсутствие жертв среди солдат и населения вселяли во многих надежду, что может быть правительство и нашло способ выиграть войну с наименьшей затратой жизней британских подданных. Кажущаяся пассивность Германии после разгрома Польши способствовала распространению иллюзии, что Германия «не осмелится»

развернуть настоящую войну и возможно, что скоро воюющие стороны придут к какому-либо соглашению. Такое настроение способствовало даже некоторому росту популярности Чемберлена в первые месяцы войны¹¹. Постепенно здравый разум брал верх и все большее число людей начало понимать ужасную опасность, которая таилась для Англии в этой войне. Сознательная часть народа понимала, что иллюзии чрезвычайно опасны и необходимо пока не поздно сменить правительство. Но травля, которой правящие классы Англии подвергли коммунистов, (уже в начале войны) и которая усилилась зимой 1939/40 г., не давала возможности Компартии встать во главе движения за решительное изменение военной политики.

В то же время лидеры лейбористской партии, не участвуя в правительстве, поддерживали его политику, вместо того чтобы добиваться его отставки.

Настроения сомнений, разброда, колебаний старались использовать те, кто, по разным причинам и в разной форме, были не прочь вступить в переговоры с гитлеровской Германией. Усилились капитулянтские настроения. По свидетельству биографа Н. Чемберлена Кейта Фейлинга, три четверти писем, полученных премьером в первые несколько дней октября, призывали его прекратить войну¹². Особенно показательны были настроения в самой палате общин. 3 октября Ллойд Джордж произнес речь, в которой предлагал тщательно рассмотреть любые предложения о мирном урегулировании, даже в том случае, если они будут исходить от Гитлера. Ллойд Джордж в своей речи совершенно игнорировал события недавнего прошлого, когда Гитлер давал торжественные обязательства и нарушал их немедленно, как только считал Германию достаточно подготовленной для новых разбойничьих нападений. Речь Ллойда Джорджа звучала пораженчески. При горячем одобрении большинства палаты он получил отповедь со стороны консерватора Дафф-Купера и лейбориста Дея Гренфелла¹³. Но все же речь Ллойда Джорджа была тревожным симптомом.

¹¹ См. *The Initial Triumph of the Axis*, p. 269

¹² См. *K. Feiling Op cit*, p. 424

¹³ См. *Parliamentary Debates House of Commons Vol 351*, col. 1870—1874, 1878—1879, 1880—1881.

Положение, сложившееся в начале 1940 г., У. Черчилль оценивает следующим образом: «...чувство, что мы находимся в положении чрезвычайной опасности, отсутствовало. Среди лейбористов и тех, кто руководил производством, точно так же, как и среди тех, кто вел военные операциями царило «сумеречное» настроение»¹⁴.

Это было настроение безразличия со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями.

После заключения советско-финского мирного договора, положившего конец войне между СССР и Финляндией, войне, которую реакционные силы в Англии и Франции надеялись использовать для превращения ее в войну капиталистического мира против Советского Союза, ситуация в Англии обострилась. Эти полгода были хорошо использованы гитлеровской Германией для наращивания военной мощи и подготовки решительного удара на Западе. В то же время в Англии дело шло из рук вон плохо. Британские экспедиционные силы во Франции возросли всего до 9 дивизий. Их боевая подготовка и оснащённость новейшими средствами ведения войны оставляла желать много лучшего. Премьер-министр все больше терял чувство реальности. Убежденный в том, что гитлеровская Германия не выдержит огромного экономического напряжения, которого требует война, он упрямо твердил, что позиция Англии день ото дня становится относительно сильнее, а позиция Германии ослабевает с каждым днем. Выступая в начале апреля 1940 г. в Национальном союзе консервативной партии премьер-министр поразил своих слушателей полным непониманием обстановки, заявив, что Гитлер уже потерпел неудачу!

Вторжение гитлеровских войск в Норвегию и развернувшиеся там операции вскрыли тяжелое состояние, в котором оказались английские вооруженные силы, лишенные правильного стратегического планирования. В то время, как германская авиация подавляла отчаянные попытки наступления английских войск, запрещение бомбить германские аэродромы, изданное в начале войны,

---

¹⁴ W. S. Churchill The Second World War Vol I, London, 1949, p. 500.

продолжало оставаться в силе. Провал политики Чемберлена и возглавляемого им правительства не вызывал больше сомнений.

Недовольство политикой Невилля Чемберлена охватило не только оппозиционные политические партии и группы, но и значительную часть консервативной партии.

Инициативу борьбы против правительства приняла на себя так называемая консервативная оппозиция — группа членов парламента от консервативной партии, которая в течение продолжительного времени выступала с критикой линии правительства. Такие известные деятели консерваторов, как У. Черчилль, Л. Эмери, А. Иден, Э. Спирс в продолжение длительного времени расходились с лидером консервативной партии и главой правительства по многим вопросам внешней политики. Они не верили, что Н. Чемберлен, приведший Англию к войне в весьма неблагоприятных для нее условиях, способен в военное время быть энергичным лидером.

Черчилль и несколько видных деятелей консервативной партии, разделявших его взгляды, выражали интересы той части английской буржуазии, которая была тесно связана с эксплуатацией обширных колониальных владений Англии. Уже в 1933—1934 гг. группа Черчилля (наименование это, разумеется, довольно условное) выступала за осуществление обширной программы вооружений. Она считала, что только хорошо вооруженная Британская империя может отстаивать свои интересы от покушений соперников, прежде всего — Германии и Японии. Черчилль вовсе не исключал возможности и даже желательности соглашения с фашистскими государствами на антисоветской основе. Однако выгодное для Англии соглашение с фашистскими государствами и прежде всего с Германией могло быть, по его мнению, заключено только хорошо подготовленной в военном отношении Англией. Гитлеровская Германия, рассуждали представители консервативной оппозиции, признает только силу и поэтому вести переговоры с ней, заключать соглашения без ущерба для себя может только сильный партнер. Таким образом, первой предпосылкой к соглашению с Германией была «тяжело вооруженная» Британская империя. Вторая предпосылка

состояла, по их мнению, в том, чтобы любое заключенное соглашение с Германией основывалось на твердых гарантиях, что Германия не использует, в конечном счете, выгоды, полученные в результате подобного сговора, против Великобритании. На таких условиях консервативная оппозиция была готова приветствовать сговор с Германией против СССР. Однако проводимая официальным руководством консервативной партии политика «невмешательства», означавшая резкое усиление фашистских держав в ущерб Англии и Франции, сильно беспокоила консервативную оппозицию.

Выдача гитлеровцам Австрии, а затем Чехословакии, подтвердила их самые худшие ожидания. После 15 марта 1939 г. они уже не сомневались в том, что война неизбежна. И это вынуждало их искать союзников, при помощи которых можно было бы заставить Германию воевать на два фронта.

Таким реальным союзником мог быть только Советский Союз.

Вот почему Черчилль во время англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. настаивал на незамедлительном заключении военного союза между Англией, Францией и Советским Союзом. Однако правительство Чемберлена сорвало заключение этого союза. Когда Германия напала на Польшу и началась вторая мировая война, вопрос объективно стал по-другому: речь шла либо о победе, либо о поражении. Консервативная оппозиция отдавала себе отчет в том, что любая попытка достигнуть сговора с фашистской Германией в условиях уже начавшейся войны неминуемо приведет к выигрышу для Германии, к дальнейшему ослаблению английских позиций и, в конечном счете, к капитуляции перед германскими требованиями, к распаду Британской империи. И это обстоятельство заставляло оппозицию все решительнее выступать против руководства консервативной партии, которое и во время войны пыталось продолжать «мюнхенскую» политику.

Консервативная оппозиция не думала о создании широкого народного движения. Их тактика заключалась в укреплении своего влияния в консервативной партии, в изменении расстановки сил в парламенте в пользу противников античемберленовского курса.

Руководители консервативной оппозиции по своим социальным воззрениям были достаточно реакционны. Все их помыслы были направлены к упрочению власти английского капитализма. В самом начале войны Н. Чемберлен с целью укрепления своих позиций и, отчасти, под давлением общественного мнения привлек в состав правительства представителей консервативной оппозиции. Ее глава Уинстон Черчилль стал морским министром, Антони Иден получил портфель министра по делам доминионов.

Негласным руководителем и вдохновителем консервативной оппозиции оставался Уинстон Черчилль, который, однако, учитывая шекотливость своего положения как члена кабинета, держался в тени.

Каждую среду консерваторы-оппозиционеры собирались на обед в цитадели консервативной партии — Карлтон-клубе. Кроме того, под председательством лидера либералов Клемента Дэвиса, при участии членов парламента Ратбон, Бутби, Эмери, Хорабина была создана группа действия. «Эта группа,— по свидетельству Леонарда Эмери,— ...представляла полезный форум для более непринужденных и доверительных бесед, чем те, которые происходили в помещении палаты общин...»¹⁵. Под председательством Клемента Дэвиса в либеральном Реформ-клубе собирались оппозиционно настроенные члены палаты общин, обсуждавшие экономические аспекты войны.

В апреле 1940 г. недовольные консерваторы создали наблюдательный комитет под председательством лидера консерваторов в палате лордов — Солсбери. В комитет вошли видные деятели консервативной партии — представители обеих палат парламента¹⁶. Комитет собирался еженедельно, обсуждая вопросы ведения войны. Конкретные предложения передавались премьеру Чемберлену через Солсбери. Наблюдательный комитет постепенно

---

¹⁵ L. S. Amery. *Op cit*, p. 339.

¹⁶ Наблюдательный комитет состоял из следующих лиц — лордов: Сесил Хорн, Хэлшем, Ллойд, Суинтон, Лондондерри, Тренчард, Трент и членов палаты общин: Леонард Эмери, Волмер, Джоффри Эллис, сэр Джозеф Нелл, Гарольд Макмиллан, Гарольд Никольсон, генерал-майор Э. Спирс, Ричард Лоу, Патрик Спенс, Эмрис-Эванс.

превращался в штаб консервативной оппозиции, составлявший планы реорганизации правительства и отставки Чемберлена. Разногласия между правительством и консервативной оппозицией шли главным образом по линии методов ведения войны. Острые споры вызвал вопрос о бомбардировке военных объектов в Германии. В воздухе, как и на Западном фронте, царило «перемирие», что было на руку гитлеровской Германии, занятой подготовкой к решающему наступлению на Западе и беспрепятственно производившей переброску войск и военных материалов на главные оперативные направления.

«Мы решили,— пишет Эмери,— что необходимо создать действительный военный кабинет и положить конец безумию оставлять германские аэродромы нетронутыми, в то время как наши войска в Норвегии подавляются германским превосходством в воздухе. Информация, которую мы получали от нашего коллеги С. С. Гаммерслея, от Джорджа Ллойда и из других источников, раскрыла прискорбную историю нерешительности и неразберихи в вопросе о танках. Спустя почти восемь месяцев после начала войны тяжелый танк не был сконструирован, и наши экспедиционные силы не имели ничего, кроме танковой бригады с 17 легкими и 100 «пехотными» танками. Но частные представления Солсбери Чемберлену не произвели никакого впечатления на самоуверенного Чемберлена, в то время как ответы Галифакса... заставили даже всегда вежливого Солсбери резко сказать «мы не удовлетворены»¹⁷. Но что чрезвычайно характерно для этих оппозиционных кружков, в том числе и для самого крупного и представительного из них — комитета Солсбери, что они и не думали опереться на широкое общественное мнение страны и открыто выступить против правительства. Нет, они предпочитали постепенно перетягивать на свою сторону одного члена парламента за другим и ожидали подходящего момента, чтобы во время парламентских прений свалить Чемберлена, в соответствии с английскими парламентскими традициями.

Нельзя не отметить, что политика «странной войны» вызывала осуждение и со стороны некоторых членов

---

¹⁷ L S Amery Op. cit. p 336.

правительства Чемберлена, не входивших в оппозицию. Как сообщал госдепартаменту американский посол в Лондоне Кеннеди, военный министр Хор-Белиша заявил ему следующее: «Старики в кабинете тратят все свое время на обсуждение текстов коммюнике вместо того, чтобы подготовить страну для ведения большой войны... Он (Хор-Белиша.— *А. Н.*) чувствует, что Англия до сих пор относится к этому делу (к войне.— *А. Н.*) недостаточно серьезно и что должна быть проведена мобилизация всех мужчин, способных к несению военной службы, женщины должны пойти на работу в промышленность, а последнюю необходимо поставить под контроль правительства»¹⁸. В январе 1940 г. Чемберлен предложил Хор-Белиша подать в отставку.

Поражение в Норвегии толкнуло консервативную оппозицию на более активные действия. Было решено выразить недоверие правительству во время предстоявших 7—8 мая парламентских дебатов. Консервативная оппозиция заручилась поддержкой Дэвиса — лидера либералов и рассчитывала на поддержку лейбористов, хотя их лидер Клемент Эттли колебался.

Центральным моментом прений 7 мая было выступление консерватора Леонарда Эмери. Подвергнув резкой критике действия правительства, Эмери повторил известные слова Кромвеля, обращенные к Долгому парламенту: «Во имя бога, уходите!». Выступление Эмери нашло поддержку среди многих членов парламента различных политических направлений. Ответная речь премьера, произнесенная на следующий день, в которой он призвал своих друзей голосовать за правительство, произвела тяжелое и неблагоприятное впечатление; казалось, что Чемберлен цепляется за власть из личных побуждений в ущерб интересам ведения победоносной войны против Германии. Но дело было, разумеется, не в неудачном выступлении Чемберлена. Полная неспособность правительства правильно оценить ситуацию и в соответствии с ней действовать была ясна. Утром 9 мая собрался наблюдательный комитет под председательством Солсбери. Было принято решение, что Чемберлен должен уйти в отставку. В качестве кандидатов на пост

---

¹⁸ Foreign Relations of the United States. 1939, vol I, p. 426—427.

премьера были названы Галифакс, Черчилль, Эмери. После совещания наблюдательного комитета под председательством Дэвиса собрались представители партий, решившие подавляющим большинством голосов не оказывать поддержки правительству Чемберлена и настаивать на создании коалиционного кабинета из представителей консервативной, лейбористской и либеральной партий. На следующий день, 10 мая, пришло известие о вторжении германских армий в Бельгию и Голландию. Период «странной войны» кончился и вместе с ним рухнуло и правительство Невилля Чемберлена. Отказ лейбористов войти в любое правительство, возглавляемое Чемберленом, решило исход дела. Было создано коалиционное правительство, которое возглавил Уинстон Черчилль.

Пораженческая политика французского правительства

Совсем по-иному сложилось положение во Франции.

В последнее пятилетие перед войной Франция стала ареной острого политического и социального конфликта.

Едва оправившись от разрушительных экономических и политических последствий первой мировой войны, Франция в 30-х годах попала в полосу острого экономического кризиса. Беззастенчивые махинации банков и трестов, их попытки использовать экономические затруднения для собственного обогащения и как результат этого — резкое снижение жизненного уровня рабочего класса и всех трудящихся; страх и озлобление мелкой буржуазии, отчаяние крестьянина, карликовый участок которого уже не мог прокормить целую семью, коррупция во всех звеньях государственного и административного аппарата и решимость трудящихся, и прежде всего рабочих, спасти страну от грозящей ей катастрофы — все эти процессы все более углублялись, угрожая существованию буржуазного общества.

Буржуазия все чаще обращается к мысли о сильном человеке, с мечом в одной руке, плетью в другой. В 30-е годы, там и тут возникают фашистские и полуфашистские организации, лиги, общества. Они вооружаются, они грозят и грезят о приходе «сильного человека». «Боевые кресты», «Патриотическая молодежь»,

«франсисисты» — полувоенные организации — деятельно готовятся похоронить Третью республику. Захват власти германскими фашистами вызывает у них бурный восторг. Им не терпится по примеру гитлеровцев учинить всефранцузский погром: уничтожить коммунистов, евреев, интеллигентов, разгромить рабочие организации и установить террористическую диктатуру. За кулисами стоят руководители банков и трестов, — готовые платить и платить щедро, владельцы заводов Шнейдер-Крезю, регенты Французского банка, директора банков «Лионский кредит» и «Братья Лазар».

6 февраля 1934 г. вооруженные фашистские отряды попытались захватить власть. Но парижский пролетариат — носитель и хранитель славных традиций многих революций — разбил фашистов. Угроза фашизма всколыхнула миллионные массы. Из отпора фашизму родился Народный фронт, одержавший блистательную победу на выборах в феврале 1936 г.

Народные массы поддерживали программу Народного фронта и те мероприятия правительства (созданного в результате выборов), которое эти преобразования так или иначе проводило в жизнь: введение 40-часовой рабочей недели, коллективных договоров, оплачиваемых отпусков, реформы Французского банка. Наиболее последовательными борцами за осуществление программы были коммунисты, опиравшиеся на рабочий класс, выступившие за единство действий с социалистами и радикал-социалистами, за преодоление раскола в рядах рабочего движения.

Хотя коммунисты и не входили в состав правительства Народного фронта, но они поддерживали все прогрессивные мероприятия и выступали с решительной критикой непоследовательных действий правительства и капитулянтских тенденций в нем. Руководители социалистической партии и партии радикал-социалистов, вынужденные на первых порах под нажимом народа провести ряд прогрессивных мероприятий, в дальнейшем стремились подорвать единство трудящихся, достигнутое в ходе борьбы с фашистской опасностью. Нерешительность и колебания, ненависть к коммунизму, страх перед разраставшейся активностью народных масс постепенно вели верхушку социалистической партии и партии радикал-

социалистов к поискам соглашения с реакцией, а затем и капитуляции перед ней.

Против Народного фронта объединялись все силы реакции. Чувство несправедливости и страха сплачивало эти зачастую разнородные и враждебные друг другу группы и партии. Ненависть к коммунизму, к демократии, страх перед народом толкали их на действия, находившиеся в вопиющем противоречии с национальными интересами государства. Постепенно Народному фронту было нанесено поражение.

Буржуазная пресса не гнушалась никакими измышлениями, подтасовками и фальсификациями для того, чтобы опорочить социальные завоевания трудящихся и требовать отмены их. Неустанно, день за днем, широкой публике внушалась мысль о том, что страна будто бы идет к разорению и катастрофе. Со страниц таких газет, как «Матэн», «Либерте», «Эко де Пари», потоками лилась клевета и распространялись инсинуации. Наиболее черносотенная газета монархиста Шарля Моррасса «Аксион франсез» призывала к кровавой расправе с прогрессивными деятелями.

Реальных, фактических доказательств «зловредности» новых социальных законов не было, да и не могло быть. Надо было их создать. Экономический саботаж — вот то «деловое» средство, к которому стали прибегать сговорившиеся между собою предприниматели и управляющие заводов, хотя он наносил не малый ущерб их собственным интересам. Классовые интересы брали верх над всеми остальными.

Франция отчаянно нуждалась в усилении производства самолетов, танков для того, чтобы противостоять угрозе Германии. Реакционеры же организовывали саботаж на предприятиях.

Уже после второй мировой войны бывший президент республики Лебрен в своих показаниях перед парламентской комиссией, созданной для расследования событий, происшедших во Франции с 1933 по 1945 г., утверждал, что в поражении Франции в 1940 г. были виноваты рабочие, которые пользовались «двумя воскресеньями» (40-часовая рабочая неделя). Ему пришлось взять обратно свои необоснованные обвинения, когда член комиссии, престарелый председатель Лиги прав

человека Эмиль Кан, показал ему, на основании бесспорных статистических данных, что за период действия закона о 40-часовой неделе, с 1-го июля 1936 г. по 30 июня 1938 г. (по сравнению с соответствующим периодом 1934—1936 гг.), произошел рост производства по всей линии, в частности по тем отраслям продукции, которые связаны с работой на национальную оборону: по железу — на 9,73%, по чугуну — на 18,75%, по стали — на 14%, по калийной соли — на 39,5%, по бокситам — на 24,18%¹⁹.

Преступный саботаж реакционеров принял особенно широкие размеры на предприятиях, работавших на оборону. Премьер-министр Даладье, подхватив кампанию клеветы против рабочих, занятых на военных заводах, издал декрет об отмене 40-часовой недели в оборонной промышленности, обвинив при этом рабочих в недостатке патриотизма.

В ответ на это оскорбительное обвинение главы правительства 31 августа 1938 г. по инициативе компартии была созвана большая конференция²⁰, на которой выступали рабочие с мест, по преимуществу представители трудящихся военных заводов. Каждый из них приводил конкретные, наглядные примеры саботажа, действительно чудовищного, проводимого не ими, рабочими, бдительно оберегающими интересы родины на предприятиях через своих делегатов при дирекциях, а самими управляющими и владельцами заводов. Вот несколько типичных фактов, иллюстрирующих различные методы саботажа предпринимателей.

На одном авиационном заводе сотни машин подолгу стояли в ожидании военного контролера, а он приходил на завод утром и вечером на 5 минут. Не хватало рабочих для ускоренного монтажа. А их не брали на работу. На предприятии работали не более 32—35 часов в неделю. Так преднамеренно затягивалось выполнение заказов.

На другом авиационном заводе без всяких оснований ввели 45-часовую неделю. Рабочие не возражали,

---

¹⁹ См. *Les évènements survenus en France de 1933 à 1945*. Paris, 1950, t. II, p. 986.

²⁰ См. *Comment remettre la France au travail*. Paris, 1938. Все выступления на конференции цитируются по этой брошюре.

поскольку дело шло о работе на оборону, а врагом мог быть только фашистский агрессор. Дирекция же проводила всякие манипуляции и провокации с целью толкнуть рабочих на забастовку. Были уволены 30 квалифицированных рабочих, сотням других были разосланы предупредительные (о предстоящем увольнении.— А. Н.) письма, администрация демонстративно нанимала охранныхников. А для увеличения производства не делалось ничего. Дошло до того, что рабочие послали своих делегатов протестовать и требовать восстановления 40-часовой недели: «не хотим, чтобы нам платили за ничегонеделание».

Авиапромышленности не хватало алюминия. Поставщики бокситов требовали отсрочки в 6—9 месяцев. Между тем поезда, груженные бокситом, ежедневно направлялись в Германию. Французские же заводы ждали алюминий долгие месяцы.

«На моем заводе,— рассказывал рабочий металлургического предприятия в Париже,— работающем на 98% для обороны, бригады были перед июнем 1936 г. удвоены и работали дополнительные часы. Но немедленно после завоевания новых социальных законов началось наступление хозяев: вопреки многочисленным приказам, было уволено 20 квалифицированных рабочих...

Персонал этого завода, который насчитывал 1200 человек до июня 1936 г., сократился до 800. Некоторые бригады работали только 35 часов, несмотря на многочисленные заказы, в частности на изготовление оборудования для двух крейсеров... Эта работа была рассчитана на два года; сюда следует добавить многие заказы для заграницы (Польша). Для важного заказа подводных мин работали только по 35 часов в течение нескольких недель. Из 50 машин работало только 30 и те устаревшие. В этом цехе в декабре 1937 г. было уволено большое число рабочих. Затем завод потребовал отсрочки, отказавшись перед тем принять обратно уволенных, как требовали делегаты в соответствии с коллективным договором. Предлог — нежелание принять обратно вожаков, т. е. членов профсоюза...

Вот как,— заключил рабочий,— дирекция завода понимает национальную оборону; излишне будет говорить вам, что мы не так понимаем это».

В тот самый день, когда Совет министров принял решение о возврате к 48-часовой неделе, дирекция одного из химических заводов вывесила объявление, в котором указывалось, что работа будет производиться 35 часов в неделю. Завод выпускал продукцию, из которой вырабатывался порох, но замедление работ несколько не беспокоило дирекцию. На заводе производились также кислоты, нужные заводам Рено (производство танков, автомобилей, тракторов); затормаживание производства по распоряжению дирекции привело к замедлению работ у Рено.

«Как рабочий завода, работающий на 80% для национальной обороны,— говорит другой делегат,— я считаю нужным, прежде всего, ответить, г. Даладьё, обвиняющему нас в том, что недостаточно работаем для защиты нашей страны. Около двух лет наш завод имеет крупные заказы военного министерства — автомобили, тяжелые и легкие грузовики, газогенераторы. Подобные заказы могли создать процветание нашему заводу. Так вот в ноябре 1936 г., когда были даны эти заказы, 150 рабочих и 97 техников были уволены, несмотря на стачку против увольнений, а остальных рабочих вынудили работать только 30 часов в неделю. Только после двух месяцев частичной безработицы и обращения нашей профсоюзной организации к арбитру, дирекция согласилась установить рабочий день в 40 часов. Работают ли с тех пор в соответствии с заказами армии? Простые цифры доказывают, что не работают. В то время, как до 1929 г. на нашем заводе было 2900 рабочих, нас сейчас всего 2200; из 500 сотрудников в 1936 г. осталось только 350».

На другом военном предприятии к выполнению заказа артиллерийской службы приступили лишь спустя почти полтора года, после того как заказ был получен.

Работник большого авиационного завода в Парижском районе заявляет: «Первым делом мы можем засвидетельствовать, что со времени национализации произошло значительное улучшение в производстве благодаря деятельности профсоюзных отделов предприятия, которые шаг за шагом борются против отсталого руководства». Оратор приводит пример: отсутствие контроля со стороны министерства и саботаж дирекции привели

к тому, что сборщикам машин пришлось колоть дрова, делать дыры в цементе (восклицания!), собирать лом, разрушать по приказу свыше форму капотажа для самолетов; когда на следующий день котельщикам понадобилась эта форма, они были вынуждены сделать ее ручным способом. Это привело к потере примерно 500 часов работы, к неоднократной переброске целых бригад и т. д. и т. п.

В связи с нарастанием угрозы войны, министерство авиации сделало заказ по одному типу самолетов на 370 единиц. В течение нескольких недель надо было изучить проекты, установить цифровые данные, снабдить склады, пустить в ход оборудование и т. д. Эта почти сверхчеловеческая работа была выполнена благодаря преданности всего персонала предприятия. Однако дирекция и здесь проявила нерасторопность и безынициативность.

Некоторые приводили сведения о рационализаторских предложениях, поступавших от рабочих, которые позволяли сократить время технических операций при производстве отдельных частей машин. В одном месте дирекция предлагала на производство какой-то операции сократить время на 11 часов (66 вместо 77); рабочие делегаты предлагают установить 52 часа для выполнения данной работы, т. е. сократить его на 33%. В других случаях рабочие предлагали провести сокращение времени на обработку деталей, хотя хозяева вовсе не выступали с подобными предложениями.

Один из выступавших сообщил: «Управляющий нашего завода заявил на собрании Координационного комитета: «Я доволен работой моего персонала; мы производим больше, чем в 1936 г.»».

Подобный же пример приводится другим выступавшим на собрании: «В феврале 1937 г. начальник производства предприятия заявил рабочей делегации в присутствии дирекции, что благодаря хорошей организации и дисциплине рабочих, производство увеличилось на 10% со времени введения закона о 40-часовой неделе».

Отмена 40-часовой недели, как показали дальнейшие разоблачения предпринимательского саботажа, вовсе не была вызвана необходимостью «вернуть Францию к работе». Это был саботаж крупного капитала, грани-

чивший с национальной изменой, который надо было пресечь. Но именно этого и не было сделано. Поход против рабочего класса, провозглашенный французской реакцией в 1934 г. и особенно после 1936 г., и был, собственно говоря, первым этапом войны гитлеровской Германии против Франции. Французская реакция первым делом атаковала Коммунистическую партию, ибо отчетливо сознавала, что именно эта и только эта партия последовательно выражает интересы рабочего класса, подымает народ на борьбу против угрозы фашизма и войны, является наиболее инициативной в своих действиях. Французские коммунисты цементировали Народный фронт, неустанно боролись за объединение всех здоровых сил нации на платформе борьбы за демократию, против фашизма, против войны, за решительное улучшение жизни всех трудящихся, рабочих, крестьян, мелкой буржуазии, средних слоев. Свой второй удар реакция направляла против рабочего класса как массовой антифашистской силы — основы Народного фронта, — как класса наиболее заинтересованного в последовательном проведении общенациональных социальных преобразований. Ради этих целей французская крупная буржуазия не жалела ни сил, ни средств.

Так создавалось опасное положение, когда Францию изнутри атаковали враги родины и народа — французские реакционеры, а извне — германские фашисты. Обе эти силы, враждебные французскому народу, быстро находили общий язык. На протяжении ряда лет во Франции действовал так называемый франко-германский комитет. Его возглавлял, с германской стороны, гестаповский агент Отто Абетц, а с французской, граф де Бринон, позднее превратившийся в платного гитлеровского шпиона. Франко-германский комитет вел разлагающую тлетворную пропаганду. Под дымовой завесой рассуждений о франко-германской дружбе, взаимопонимании западных стран, необходимости объединения против «варварского большевизма», франко-германский комитет сеял семена пораженчества, которые дали столь губительные всходы в 1939—1940 гг. Пропаганда нацистов падала на благодатную почву. Французская буржуазия готова была вступить в союз хоть с самим дьяволом, лишь бы надеть смирительную рубашку на народ. Расправа,

учиненная гитлеровцами над демократами в Германии, вызывала в реакционных кругах бурное восхищение и одобрение. Вот союзник, которого они искали, вот мес-сия, прихода которого они ожидали!

Так появились лозунги: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», «лучше немцы, чем коммунисты», «лучше жить немцем, чем умереть французом, лучше рабство, чем война». Изо дня в день вливался этот яд в сознание французов через многочисленную реакционную печать. Изо дня в день вели профашистскую пропаганду газеты «Матэн», «Фигаро», «Аксьон франсез», «Пти паризьен». Реакционный еженедельник «Гренгуар», зачастую отражавший мнение министра иностранных дел Жоржа Бонне, довел свой тираж к 1939 г. до 700 тыс. экземпляров. В Тулузе, Нице выходили газеты, щедро субсидируемые итальянскими фашистами.

Французская реакция требовала «сильной власти». Вслед за мятежом де ля Рока в 1934 г. последовал мятеж фашистской организации кагуляров в 1936 г. Но правительство поспешило замять это дело, ибо нити заговора вели к весьма влиятельным лицам. В качестве кандидата в диктаторы называли маршала Франции Филиппа Петена. Петен был широко известен и пользовался большой популярностью как герой вошедшего в историю сражения при Вердене. Как то часто бывает в истории, действительная роль Петена и его заслуги под Верденом, были куда меньше, чем ему приписывали. В мемуарах маршала Жоффра и бывшего премьер-министра и президента Реймона Пуанкаре можно найти немало нелестных слов по адресу Петена. «Из них явствует, что великая слава Петена как солдата была преувеличена; высказывалась даже мысль, что сражение под Верденом было выиграно не столько благодаря ему, Петену, сколько вопреки ему, выиграно людьми с более крепкими нервами, например, генералами Невиллем и Манженом. По словам Пуанкаре, Петен был пессимистом и пораженцем по натуре, и, если бы это зависело от него, оборона Вердена была бы прекращена»²¹.

Престарелый маршал был как бы олицетворением реакционного антидемократического духа, царившего в

---

²¹ Александр Верт. Франция 1940—1955. М., 1959, стр. 50.

среде французского офицерского корпуса. Он был также и олицетворением той косности и рутины, которая сковывала французскую военную мысль. О безнадежной отсталости Петена как стратега, свидетельствовало предисловие, написанное им накануне войны в 1938 г. к книге генерала Шавино «Возможно ли еще вторжение?». В этом предисловии Петен сводил к минимуму значение авиации и танков в будущей войне²².

Его ученики генералы Вейган и Гамелен, а также подавляющее большинство французского генералитета, разделяли его политические симпатии и стратегические установки. И это обстоятельство должно было оказать свое пагубное действие. Правительство Даладье, зная о профашистских симпатиях маршала, отправило его послом к мятежнику Франко в Бургос, предоставляя ему тем самым свободу действий, вместо того чтобы ограничить ее. Пораженческие высказывания маршала быстро распространялись в армии и делали свое дело.

Правительство Даладье, пришедшее к власти в 1938 г. как правительство Народного фронта, вскоре повернуло против него и начало ликвидировать одно за другим завоевания рабочего класса, достигнутые им в результате деятельности Народного фронта. В ноябре 1938 г. сразу после заключения мюнхенского соглашения и в апреле 1939 г. правительство Даладье рядом декретов отменило 40-часовую рабочую неделю и другие социальные победы французского народа. Одновременно оно начало кампанию против компартии, исподволь подготавливая ее запрещение. Недаром позднее, когда воцарился режим Виши и вишисты начали беспощадное преследование демократов, они подчеркивали: «Не мы это начинали, начал Даладье»²³.

В области внешней политики наступили годы, когда позиции Франции сдавались одна за другой ее злейшему врагу — гитлеровской Германии. Усиление напора реакционных сил внутри Франции сопровождалось политикой умиротворения фашистского агрессора, курсом на изоляцию Советского Союза и организацию

---

²² Александр Верт. Франция 1940—1955. М., 1959, стр. 51.

²³ Там же, стр. 54.

войны против него, на блокаду республиканской Испании. Практическим же результатом явилась политическая и дипломатическая самоизоляция Франции.

В кульминационные моменты международных кризисов — захват Австрии, Мюнхен, обострение германопольских отношений — пораженцы поднимали истошный крик, доказывая, что Франция не должна выступать на защиту малых государств. В снискавшей позорную известность статье лидера неосоциалистов Марселя Деа «Умереть за Данциг?», опубликованной 5 мая 1939 г., «Эвр» откровенно высказывался за непротивление фашистской агрессии.

В последние дни мира один из «могильщиков Франции» министр иностранных дел Жорж Бонне прилагал все усилия для того, чтобы через посредничество Муссолини умиротворить «фюрера». Уже тогда, когда германские армии глубоко вклинились в Польшу, Бонне предлагал переговоры, обещая настаивать лишь на символическом выводе германских войск с польской территории. Практически это означало признание захвата Польши Германией. Однако, события, как мы видели выше, развернулись по-другому, и Франция была вынуждена 3 сентября 1939 г. объявить войну Германии. Французские правящие классы делали это скрепя сердце. Известная французская журналистка Женевьева Табуи так описывает сцену, происходившую во французской палате депутатов накануне объявления войны: «Трусливые и запуганные, многие депутаты не понимают создавшейся обстановки! Обращение председателя Совета министров представляется как требование об увеличении военных кредитов. Оно подтверждает сомнения, еще существующие в умах депутатов, которые в кулуарах со скучающим видом говорят об «обязательствах по отношению к Польше».

В маленькой группе, где стоят Пьер Лаваль, Мистлер, Марсель Деа, можно слышать странные высказывания.

Надо всегда помнить, что Гитлер не требует от нас Эльзас-Лотарингии, а следовательно? — говорит один из них.

Один из них, очень взволнованный, повторяет громким голосом, выделяющимся из всего этого гула разго-

воров спорящих между собою и пребывающих в нерешительности депутатов:

«Враг номер один — это большевизм, не забывайте об этом, не забывайте»²⁴.

Правительство, объявившее войну Германии, состояло из различных элементов. Среди них были откровенные карьеристы, как например Камилл Шотан, чьим руководящим принципом было сохранение интересов его многочисленных друзей в банковском и деловом мире Парижа, независимо от того, какой режим могут принести события²⁵. Шотан, известный своей реакционной политикой по отношению к трудящимся Франции, целиком поддерживал группу «умиротворителей» в правительстве, таких, как Бонне, де Монзи, Кэй, Маршандо, Бодуэн. Среди членов кабинета был и Поль Рейно, решительно правый по своим убеждениям, связанный с США деловыми интересами и достаточно проницательный, чтобы понимать невозможность нового Мюнхена.

Глава кабинета Эдуард Даладье, радикал-социалист, был широко известен в политических кругах Парижа, как германofil, сторонник франко-германского сближения. В первой половине тридцатых годов он был связан с фашистом де Бриноном. Антисоветские и антикоммунистические воззрения Даладье были широко известны. После заключения франко-советского пакта о взаимной помощи от 2 мая 1935 г. Даладье был одним из инициаторов саботажа этого пакта. Занимая пост министра обороны в правительстве Леона Блюма, Даладье выступал против подписания советско-французской военной конвенции, которая только и могла придать действительную силу этому важному соглашению. Во время событий в Чехословакии в 1938 г. Даладье выступал как сторонник капитуляции ее перед требованиями Германии. Один из четырех участников позорного сговора в Мюнхене Даладье и в критические месяцы осени 1939 г. оставался на прежних мюнхенских, антисоветских позициях.

---

²⁴ Женевьева Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 460.

²⁵ The Initial Triumph of the Axis, p. 170.

Патриотическую позицию в правительстве занимал Жорж Мандель — министр внутренних дел. Выходец из известной семьи финансистов — Ротшильдов, Мандель был в свое время секретарем «тигра» — Клемансо. Правые убеждения Манделя не мешали быть ему патриотом Франции. Он хорошо видел смертельную угрозу, нависшую над страной, но верил, что Франция, пройдя сквозь тяжелые испытания, победит. Жорж Мандель был после поражения Франции расстрелян немцами.

Правительству Даладье, антидемократическому по своему духу и по политическим воззрениям, колеблющемуся и нерешительному, предстояло руководить страной в величайшей из войн, в которую когда-либо оказалась втянутой Франция. В парламенте правительство опиралось на радикал-социалистов, социалистов, часть правого крыла национальных республиканцев.

Коммунисты выступали против этого правительства, ибо в правительстве были те же люди, которые привели страну к «Мюнхену», которые выступали против Народного фронта и показали себя как откровенные защитники интересов финансовой олигархии. Может ли народ в такой ответственный момент доверять такому правительству, спрашивали коммунисты. И отвечали — нет. И их точку зрения разделяли трудящиеся.

Известный английский общественный деятель Д. Н. Притт писал в одной из своих книг: «В зиму 1939/40 г. английские обозреватели во Франции должны были отметить, что серьезные беседы велись в салонах только о том, что рабочий класс является более опасным врагом и что германская оккупация предпочтительнее власти рабочих»²⁶. Обозреватели сравнивали настроение правящих кругов в Париже с настроениями русской буржуазии в Петрограде в 1916—1917 гг. И в этом настроении заключалась одна из главнейших причин «странной войны», приведшей Францию к грандиозной катастрофе.

Правящие классы Франции и правительство, их представлявшее, видело перед собою двух врагов: внешнего — Германию и внутреннего — свой собственный народ.

---

²⁶ D. N. Pritt. The Fall of the French Republic London, 1942, p. 125.

И второй представлялся им куда более опасным, чем первый.

С первых же дней войны началось наступление против рабочего класса. 3 и 7 сентября 1939 г. был отменен на время войны выходной день и разрешено увеличение рабочей недели до 72 часов. Были отменены коллективные договоры. Предприниматели, которые на протяжении трех лет вели борьбу против реализации завоеваний Народного фронта, достигли своей цели.

Чтобы сломить сопротивление рабочего класса, правительство обрушило удар на коммунистов. 26 сентября 1939 г. деятельность коммунистической партии была запрещена по всей территории Франции. Были распущены муниципалитеты, возглавлявшиеся коммунистами. Были арестованы депутаты парламента — коммунисты. Одновременно были произведены аресты среди профсоюзных активистов. Изданные правительством декреты против «подозрительных» были использованы для того, чтобы лишить рабочий класс его авангарда²⁷.

19 марта 1940 г. министр внутренних дел Альбер Сарро с гордостью заявил в сенате: «Мандаты, полученные коммунистами на выборах, аннулированы». (Коммунисты были представлены в парламенте 75 депутатами и 2 сенаторами.— А. Н.) Коммунистические муниципальные советы были распущены. Коммунисты числом 2718, избранные городскими или окружными советниками, были отстранены от своих должностей. Были также приняты меры против 443 государственных служащих и чиновников, принадлежащих к коммунистической партии. Многие другие коммунисты были смещены с занимаемых ими разного рода должностей.

Компартия выпускала газеты «Юманите» тиражом 300 тыс. экземпляров (воскресный выпуск 500 тыс. экземпляров) и «Се суар» тиражом 240 тыс. экземпляров. Эти газеты были запрещены. Также запрещены и другие 159 изданий. Коммунисты не имели больше возможности выступать легально. 620 профсоюзов было распущено и приняты меры к тому, чтобы воспрепятствовать их реорганизации. На помещения, которые могли служить для митингов коммунистов, было совершено 12 тысяч по-

---

²⁷ См. F. Bonté. Le chemin de l'Honneur. Paris, 1946, p 67 etc

лицейских налетов. 675 коммунистических политических групп было распушено.

Военнослужащие также были подвергнуты преследованию. На 7 марта было арестовано 3400 человек. Многочисленные иностранные соучастники были интернированы в концентрационные лагеря или высланы. Всего коммунистам было вынесено 8000 индивидуальных приговоров²⁸.

3 апреля 1940 г. 36 депутатов коммунистов были приговорены к 5 годам тюремного заключения, 5000 франков штрафа и лишению гражданских и политических прав. Пять других депутатов коммунистов были отправлены в концлагерь.

Жертвами преследований стали не только французские коммунисты. «Соучастники», о которых говорил Сарро, были главным образом политические эмигранты, нашедшие убежище во Франции. Среди них было значительное количество республиканцев из Испании. На полях Испании они сражались за свободу мира, в том числе и Франции. А теперь их бросили в лагерь, чтобы завтра они попали в руки своих врагов — фашистов.

Декретом от 10 ноября 1939 г. избрание на выборные должности в профсоюзах требовало подтверждение министерства труда.

Французский коммунистический депутат Флоримон Бонт пишет: «Даладье вел войну, но вел ее не против Гитлера, а против французского народа и коммунистической партии Франции, партии, которую поддерживали около 1 500 000 избирателей»²⁹.

Правые социалисты по существу поддерживали реакционные мероприятия правительства. Они были застрельщиками антисоветской и антикоммунистической кампании. Пропаганда социалистической партии, с одной стороны, стремилась изобразить французских коммунистов как врагов Франции, с другой, — пытаясь подорвать авторитет компартии среди народных масс, обвиняла коммунистов в измене социализму³⁰. Антиком-

²⁸ См. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Sénat. Séance du 19 mars 1940, p. 265—266.

²⁹ Bonte. Op. cit., p. 34.

³⁰ См. Germaine Willard. La drôle de guerre et la trahison de Vichy. Paris, 1960, p. 43.

мунистическая кампания в печати сопровождалась походом против коммунистов в профсоюзах. По существу была предпринята попытка уничтожить Всеобщую конфедерацию труда. В марте 1940 г. усилиями реформистов, захвативших руководство ВКТ, из нее были исключены 620 профсоюзов, в которых влияние коммунистов было исключительно велико³¹. Раскольническая деятельность привела к тому, что численность Всеобщей конфедерации труда резко сократилась. Из 5 млн. членов профсоюза, насчитывавшихся в ВКТ перед войной, к маю 1940 г. осталось менее миллиона. Оказавшись целиком в руках раскольников, ВКТ заняла резко антисоветские позиции.

По предложению социалиста Сероля и при поддержке Поля Фора и Леона Блюма в апреле 1940 г. парламентом был принят закон о смертной казни, направленный против коммунистов³².

Во Франции повторилась история весьма похожая на то, что произошло в Германии накануне захвата власти Гитлером. Правые социал-демократы поддерживали антикоммунистическую кампанию нацистов. Но как только Гитлер стал хозяином положения, он немедленно объявил социал-демократов врагами национал-социалистического государства и учинил кровавую расправу над ними.

Антикоммунистическая кампания во Франции, в которой голос правых социалистов был отчетливо слышен, начала постепенно обращаться и против социалистов Полуфашистская «Гренгуар» — орган реакции — настаивала: «После коммунистов должна наступить очередь социалистов»³³.

Еще раз подтверждалась истина: реакция свой поход против демократии начинает с призывов к уничтожению коммунистов, а заканчивает полной ликвидацией демократических организаций любых направлений и оттенков,

---

³¹ См. Germaine Willard. *La drôle de guerre et la trahison de Vichy*. Paris, 1960, p. 47.

³² См. В. П. Смирнов. Деятельность Французской коммунистической партии во время «странной войны» (сентябрь 1939 — май 1940), «Новая и новейшая история», 1958, № 1, стр. 84.

³³ Germaine Willard. *Op. cit.*, p. 48.

уничтожением демократических свобод, установлением террористической диктатуры.

После роспуска компартии коммунисты создали в парламенте рабоче-крестьянскую группу, но она была вскоре распущена правительством, а ее члены были лишены депутатской неприкосновенности, арестованы и осуждены.

Несмотря на свирепые репрессии, рабочий класс Франции продолжал борьбу против антинародной и пораженческой политики правительства. В противовес официальным профсоюзам был создан «Комитет за независимость и единство профсоюзов», который спланировал трудящихся на борьбу за улучшение положения рабочего класса и семей мобилизованных, за сокращение рабочего дня и налогового бремени.

Вскоре возникли и начали действовать подпольные коммунистические организации почти во всех крупных городах страны.

Преследование демократических элементов и борьба против трудящихся внутри страны представляла странный контраст с задачей объединения всех сил нации для борьбы против гитлеровской Германии.

В первые дни мобилизации среди народа царил некоторый подъем. Однако энтузиазм начал быстро угасать. Отправленные в форты линии Мажино мобилизованные находились в бездействии. Казалось нет никакой войны. Проходила неделя за неделей и положение не менялось. Оторванные от привычного уклада жизни, от своих семей, солдаты с недоумением спрашивали, зачем собственно их сюда пригнали. Изредка спокойствие нарушалось столкновениями патрулей. Бездействие рождало сомнения, ради чего ведется война, нельзя ли ее прекратить. Сомнения рождали настроения ненужности войны, слабел боевой дух. Казалось нет никакой опасности, в действительности же опасность быстро надвигалась. В этой атмосфере «ни мира, ни войны» и родилось выражение «странная война», «сумеречная война», «смешная война».

Вот как описывает реакционный французский публицист Фабр-Люс эволюцию настроений во Франции: «В первые дни на улицах царствовало братство. Незнакомые обменивались мнениями; подобного не наблюда-

лось с времен июня 1936 г. На лицах можно было прочесть одни и те же переживания. Теперь же они снова становятся загадочными. В случайных обмолвках можно различить эволюцию общественного мнения. В первый день говорили: «Надо же было с этим покончить». На десятый день слышны замечания: «В такого рода делах известно, когда они начинаются, но неизвестно, когда они кончаются». На двадцатый же день ограничиваются, качая головой, словами: странная война...»³⁴.

На фронте царило затишье. Но внутри страны шла война, и не только война реакции против рабочего класса. Пораженцы и тайные агенты врага делали все возможное, чтобы подготовить катастрофу.

Во всех звеньях государственного аппарата гнездилась измена. Станным образом на фронт были отправлены десятки тысяч рабочих высокой квалификации, которые были необходимы для нормальной работы промышленности вооружений.

Известный французский писатель Андре Моруа писал: «На заводах Рено, на которых в мирное время работало более тридцати тысяч рабочих и которые должны были занимать исключительно важное место в производстве танков и тракторов, личный состав с начала войны уменьшился на 6—8 тыс. человек. Это было фантастично»³⁵.

Правительство всеми мерами способствовало распространению чувства самоуспокоенности. Бездействие Германии объявлялось чуть ли не победой союзников. После ложной воздушной тревоги в Париже в середине ноября 1939 г. появилось, как пишет Фабр-Люс, «чувство большого успокоения и оптимизма. Гитлер не посмел! Этот рефлекс оказывает свое воздействие на нашу пропаганду: с этих пор каждый месяц Германии приписывается какой-либо проект, если он не осуществляется, то славословят победу союзников.

...Во второй половине ноября только и говорят о предстоящей революции в Германии и о последующем за этим переустройстве Европы. Произошло ли что-ни-

---

³⁴ Alfred Fabre-Luce. Journal de la France Mars 1939 — Juillet 1940. Paris, 1941, p. 120.

³⁵ D. N. Pritt. Op. cit, p. 130.

будь по ту сторону Рейна? Нет. Это Франция стала видеть все в розовом цвете, подобно человеку, который только что избежал опасности. В кафе и салонах никто не знает средства как прорвать линию Зигфрида, но все изощряются в искусстве произвести раздел Германии за столом конференции. Сторонники войны и пораженцы единодушно отдыхают на этой подушке из иллюзий. Кто посмеет отказаться от победы без пролития крови?»³⁶. Таков был дух «странной войны».

Франция испытывала острую нужду в танках и авиации. Не хватало сырья. Между тем тяжело груженные бокситом и железным ломом составы беспрепятственно пересекали бельгийскую и люксембургскую границу и направлялись в Германию!

Французский промышленник месье де Вандель отправлял из Бриэ через Бельгию железную руду своему немецкому кузену герру Ванделю!

В парижских салонах шла пропаганда пораженчества. Открыто говорилось о необходимости прийти к соглашению с Гитлером и выступить против Советского Союза.

В парламенте была создана организация под названием «Комитет связи для защиты мира». Здесь группировались открытые пораженцы, ставшие позднее активными участниками Виши — группа Деа, Бернари, Скапини, Тиксье-Виньянкура, Монтиньи, Кейрел³⁷.

В первые дни войны Деа был арестован за распространение пораженческих листовок, но вскоре был освобожден.

Пораженцы оказывали давление на правительство для того, чтобы побудить его к быстрой капитуляции. Анри де Кериллис в статье в «Эпок» от 22 декабря 1939 г. определенно утверждал, что составлен заговор с целью заключить сепаратный мир с Германией после того, как Петен станет премьером.

Разнузданная антисоветская пропаганда удесятирилась в связи с начавшейся советско-финской войной. Крайне правые во главе с Луи Мареном, газеты «Тан», «Фигаро», «Журналь», «Матэн», «Журналь де деба» требовали объявления войны Советскому Союзу. Следует оговориться, что с такими требованиями они выступали

³⁶ Alfred Fabre-Luce. Op. cit., p. 148.

³⁷ См. Germaine Willard. Op. cit., p. 37.

еще и до финского конфликта. Снова раздавались призывы к организации крестового похода капиталистического мира против советской страны. В передовой статье от 9 января 1940 г. «Тан» призывала к блокаде Мурманска, операциям против СССР на Черном море. Эта кампания была, как мы увидим ниже, поддержана и французским правительством³⁸.

В начале марта вопрос о посылке экспедиционного корпуса в Финляндию стал вопросом дней. Однако заключение советско-финского мирного договора 12 марта 1940 г. сорвало антисоветские планы. Мечты о крестовом походе против СССР были разбиты вдребезги. В то же время слухи о предстоящем наступлении Германии на Западе стали быстро распространяться, вызывая тревогу у народа и смятение правящих классов.

20 марта правительство Даладье пало. На смену ему пришло правительство Поля Рейно, в которое вошли также социалисты и правые республиканцы. Весьма характерно для настроения правящих кругов тех дней, что во время парламентских дебатов, когда решалась судьба правительства Даладье, многие депутаты упрекали Даладье не за пассивность в войне с Германией, а главным образом за то, что возглавляемый им кабинет не объявил войны Советскому Союзу.

Правительство Рейно состояло из разнородных элементов и не имело в парламенте прочного большинства. При первом же голосовании в палате депутатов правительство получило 268 голосов «за», 156 «против» при 111 воздержавшихся. Против выступали все правые и значительная часть радикал-социалистов. За правительство голосовали социалисты и радикал-социалисты. В новом правительстве Даладье получил пост министра национальной обороны.

В новом кабинете министров также не было единства. Старинная вражда между Рейно и Даладье сказывалась на принятии важнейших решений. Попытки Рейно сместить Гамелена с поста верховного главнокомандующего наталкивались на решительное сопротивление Даладье. Пораженцы в правительстве не прекращали своей подрывной деятельности, а вне правительства они откоро-

---

³⁸ См. The Initial Triumph of the Axis, p 178—182.

венно заявляли, что у Франции нет причин для продолжения войны. Особенно активизировали свою вредоносную деятельность пораженцы из крайне реакционных кругов. Франция катилась к катастрофе.

«Мирное наступление» гитлеровской Германии. Секретные переговоры

Быстрое крушение Польши оказалось неожиданным для всех, в том числе и для правящей клики гитлеровской Германии. Теперь гитлеровцы попытались спекулировать на молниеносной победе в Польше, для того чтобы извлечь из этого как можно большие политические и стратегические выгоды. Одним из первых шагов, предпринятых Гитлером, явилось «мирное наступление». 19 сентября 1939 г., выступая в Гданьске, Гитлер заявил, что Германия не имеет никаких претензий к Франции и Англии. Германская пропаганда подхватила заявление Гитлера и затрубила на весь мир о «миролюбии Германии». Реакционная печать в западных странах услужливо помогала германской пропаганде вводить в заблуждение общественность.

Две главные цели преследовал Гитлер, открывая «мирное наступление». Во-первых, после окончания германо-польской войны германскому командованию было необходимо время для перегруппировки войск, переброски их и сосредоточения на Западном фронте. «Мирное наступление» было удобным камуфляжем для прикрытия военных планов Германии. Во-вторых, демагогическая пропаганда мира, ненужности войны была рассчитана на внесение деморализации в ряды союзников. Особенно большие надежды возлагали гитлеровские пропагандисты на успех «мирного наступления» во Франции, в чем они не ошиблись. Своей пропагандой гитлеровцы оживляли деятельность пораженческих элементов во Франции и в Англии, подрывали моральную устойчивость армий союзников, искусно разжигали рознь между французами и англичанами. Хотя предложения Гитлера и были формально отклонены Даладье и Чемберленом, они посеяли ядовитые семена. Гитлеровцы это учитывали и настойчиво продолжали трубить о мире. «Мирное наступление» продолжалось. В речи, произнесенной

в рейхстаге 6 октября, фашистский главарь повторил, что Германия не имеет претензий к Франции, а от Англии ожидает лишь возвращения колоний, а также урегулирования экономических проблем. Между тем в Англии правительство Чемберлена упорно уклонялось от четкого формулирования целей войны. Так, например, 28 ноября 1939 г. премьер-министр Чемберлен заявил в палате общин: «...Никто из нас не знает, как долго протянется эта война. Никто из нас не знает, в каком направлении она будет развиваться, никто из нас не знает, когда она закончится, кто будет на нашей стороне и кто будет против нас, и в этих обстоятельствах, говорю я, было бы совершенно бессмысленно, было бы хуже, чем бессмысленно, было бы вредно, если бы мы попытались сейчас выдвигать условия, при которых должен быть установлен новый мир»³⁹.

Такого рода заявления указывали на то, что Чемберлен не исключает возможности переговоров, что он не выдвигает условий, которые могли бы в будущем помешать переговорам с гитлеровской Германией или сорвать их, что, наконец, многие члены английского кабинета были против того, чтобы связывать себе руки для возможных политических комбинаций и осуществления антисоветских планов, с которыми они никак не желали расставаться.

Во Франции влиятельные реакционные группировки почти открыто требовали заключения мира с Германией и связывали воедино вопрос о мире с планами фашизации Франции, ликвидации Третьей республики и установления авторитарного режима. Сильны были пораженческие настроения и среди социалистов. Лидер английских лейбористов Клемент Эттли, участвовавший во встрече лейбористов и социалистов в Париже в феврале 1940 г., пишет в своих мемуарах: «Это было собрание с весьма подавленным настроением. Большинство из тех, кого мы встретили, были либо пацифистами, либо пораженцами»⁴⁰.

В «мирную» кампанию Гитлера активно включились всевозможные реакционные организации капиталистического мира, выступавшие под лозунгом «консолидации

³⁹ Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 355, col. 27.

⁴⁰ C. Attlee As it happened. London, 1954, p. III.

сил Запада против опасности большевизма». Многочисленные предложения посредничества между воюющими сторонами следовали одно за другим. Некоторые из них не имели никакого практического значения, другие указывали на определенные тенденции в правящих кругах некоторых государств, но были и такие попытки, которые заслуживают более детального рассмотрения, так как они отражали намерения весьма влиятельных кругов и лиц.

15 сентября 1939 г. американский бизнесмен Вильям Родс Дэвис, торговавший в Германии мексиканской нефтью, был принят президентом США. Он заявил Рузвельту, что, как он слышал от одного из сотрудников Геринга, последний рассчитывает на посредничество президента. Дэвис сообщил также, что отправляется в Рим для встречи с высокопоставленными германскими чиновниками. Президент просил Дэвиса информировать его, если он узнает что-либо интересное. По данным архива государственного департамента США, Дэвис 1, 2 и 3 октября 1939 г. встречался с Герингом. Дэвис составил для президента два доклада⁴¹.

26 сентября шведский промышленник Биргер Далерус, о посреднической деятельности которого накануне войны довольно много написано, был принят Гитлером в присутствии Геринга. Далерус сообщил, что в Осло он беседовал с бывшим советником английского посольства в Берлине Огильви-Форбсом. Форбс высказал мнение, что в нынешней обстановке английское правительство могло бы вести переговоры о мире, если будет найдена формула, которая уверила бы европейские народы, что их территориальная целостность и их свобода будут гарантированы посредством заключения договора между европейскими государствами. Что касается Польши, заявил английский дипломат, то она уже потеряна...⁴².

---

⁴¹ См. Documents on German Foreign Policy, Series D, vol. VIII, № 242, p. 270. Меморандум германского министерства иностранных дел о предложениях посредничества для мирных переговоров. См. также Dr. Hans-Günter Serrhimm. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Göttingen, 1956, S. 83.

⁴² См. Documents on German Foreign Policy, Series D, vol. VIII, № 138, p. 140. Меморандум Шмидта о беседе Гитлера с Далерусом в присутствии Геринга. Берлин, 26.IX 1939.

Далерус высказал мнение, что для предварительных, строго секретных переговоров мог бы приехать в Германию, например, генерал Айронсайд. Гитлер заявил Далерусу, что при переговорах следует исходить из того, что Польши больше не существует. К Англии и Франции Германия никаких претензий не имеет. На Балканах Германия желает сохранить свои коммерческие интересы⁴³.

1 октября голландский посланник в Анкаре Виссер заявил германскому послу Ф. Папену о готовности голландского правительства посредничать в случае официального приглашения. Виссер беседовал по этому вопросу и с английским послом в Анкаре Натчбоул-Хьюгессеном, который сказал Виссеру, что английское общественное мнение будет рассматривать любое предложение о мире, как капитуляцию и отвергнет такое предложение. Поэтому «только конфиденциальный дипломатический демарш через посредство третьей державы может привести к успеху. По тактическим соображениям первое предложение должно быть сделано в общей форме, не вдаваясь в детали, для того чтобы уступки, которые Германия подготовлена сделать, могли быть использованы для психологического воздействия на общественное мнение»⁴⁴.

Гитлеровская клика, стремясь внести разложение в стан союзников, широко использовала слухи о мире. Активную деятельность в этом направлении развивали Геринг и Шахт. В октябре 1939 г. Геринг принял президента «Дженерал моторс оверсис корпорейшн» Джеймса Муни и обратился с просьбой организовать его встречу с послами США в Париже и Лондоне Буллитом и Кеннеди. Крайне антисоветские взгляды Буллита были широко известны. Их пытался использовать Геринг. Он утверждал, что не верит в длительный мир между Германией и Советским Союзом и доверительно говорил своему американскому собеседнику, что был бы рад прийти к соглашению с Францией и Англией, для того чтобы развязать себе руки в борьбе с большевиками. Узнав от Муни о предложении Геринга, Буллит, доста-

---

⁴³ Documents on German Foreign Policy ..., p 145

⁴⁴ Ibid, № 242, p. 269.

точно искушенный политикан, занял уклончивую позицию, заявив, что он и Кеннеди не могут вмешиваться в это дело⁴⁵. Госдепартамент одобрил поведение Буллита. В ноябре 1939 г. гитлеровский министр Шахт через американского финансиста Леона Фрезера выразил желание отправиться в США якобы для чтения лекций, а на самом деле для переговоров. В США поняли, что этот визит планируется не по инициативе Шахта⁴⁶. Однако в Вашингтоне не желали в тот момент принимать на себя какие-либо обязательства, которые могли бы связать им руки в дальнейшем и понимали, что визит Шахта в США ослабит политические позиции Англии и Франции и усилит вес Гитлера.

Поэтому госдепартамент занял такую позицию: тот, кто приглашает Шахта, делает это на свой страх и риск, но никаких официальных или неофициальных переговоров с Шахтом США вести не собираются⁴⁷. Однако в Берлине не успокоились. Уже после официального окончания «мирного наступления», в конце декабря 1939 г., Геринг, используя посредничество известного норвежского летчика Трюгве Грена, пытался наладить контакт с США через американского посланника в Осло Гарримана⁴⁸.

Кроме того, свои услуги в качестве посредников предложили 3 и 10 октября испанское правительство, 9 октября — Италия. В Норвегии, Финляндии, Голландии, Бельгии в это же время разрабатывались мирные посреднические предложения.

Попытки договориться последовали непосредственно со стороны некоторых английских и французских кругов.

17 сентября, когда Польша находилась в агонии, к германскому посланнику в Люксембурге явился французский подданный Анри Бланш, имевший при себе паспорт французского дипломатического курьера. Анри

---

⁴⁵ См. *Foreign Relations*, 1939, t I, p. 519—520, Буллит — госдепартаменту Париж, 23 октября 1939 г.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 521; Кирк — госдепартаменту. Берлин, 5 ноября 1939 г.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 529; Мессерсмит — Моффету. Вашингтон, 9 ноября 1939 г.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 535—537; Гарриман — госдепартаменту. Осло, 22 декабря 1939 г.

Бланш, сын заместителя начальника департамента торговли французского министерства иностранных дел и зять германского генерального консула в Калькутте Подевилса, получил от французского министерства иностранных дел 16 сентября поручение установить непосредственный контакт с Радовитцем, минуя французского посланника в Люксембурге Камбона. Бланш заявил немцу, что французское министерство иностранных дел подготавливает заключение почетного мира между Францией и Германией. «Его миссия,—предупредил Бланш,— строго секретна». 25 сентября Бланш вновь посетил Радовитца. Соответствующие сообщения были посланы Радовитцем в германское министерство иностранных дел⁴⁹.

За две недели до нападения Германии на Польшу глава внешнеполитического отдела гитлеровской партии Альфред Розенберг принял английского офицера, сотрудника министерства авиации, барона Вильяма де Роппа.

Политическое лицо Роппа было достаточно определенным: натурализовавшийся в Англии выходец из Прибалтики, он на протяжении ряда лет занимался подрывной деятельностью в Англии в пользу фашистов. Редакторы дневника А. Розенберга называют де Роппа «посредником внешнеполитического отдела национал-социалистской партии в Лондоне». Однако в данном случае Ропп прибыл к Розенбергу не как единомышленник к единомышленнику и не как агент к шефу. Его приезд в Германию был инспирирован руководителями министерства, в котором он работал.

Розенберг в своих заметках, предназначенных для доклада Гитлеру, пишет о цели визита де Роппа следующее: «Он сказал мне, что в последние несколько дней имел беседы с офицерами Британского воздушного штаба и министерства авиации, которых мы знаем. Точки зрения в этих кругах оставались точно такие же, как были до сих пор. Было бы абсурдом для Германии и Англии ввязаться в смертельную борьбу из-за Польши. Результатом может быть лишь временное уничтожение воздуш-

---

⁴⁹ Documents on German Foreign Policy. Series D, vol. VIII, № 87, стр 88—89. Меморандум германского посланника в Люксембурге Радовитца. Люксембург, 17 сентября 1939 г

ных сил, а итогом такой войны — уничтожение всей европейской цивилизации, в то время, как Россия с ее нетронутыми силами останется единственной страной, оказавшейся в благоприятном положении»⁵⁰.

Далее де Ропп усомнился в том, что немцы желают уничтожения Англии и Британской империи. Его собеседник не замедлил подтвердить это.

Война из-за Польши в нынешней политической ситуации может вспыхнуть, продолжал Ропп, но даже в этом случае нужно стремиться к тому, чтобы конфликт не развился в войну истребительную для обеих сторон. Может случиться так, что Германия быстро расправится с Польшей, но несмотря на состояние войны, она может вестись обеими сторонами (Англией и Германией) как война оборонительная, без бомбежек открытых городов, которые могут привести к «необратимой ненависти»⁵¹. В случае быстрого окончания германо-польского конфликта (Ропп разумеется имел в виду разгром Польши) — откроется возможность быстрого окончания войны.

В конце беседы Ропп возвратился к исходному тезису: «...он сам отлично знает, что после утверждения Германии на Востоке — чему его друзья особенно сочувствуют, потому что в этом они не усматривают для будущего Англии не только вреда, но видят выгоду — Германия не будет в дальнейшем злоумышлять против Британской империи»⁵². Эта мысль, подчеркивал Ропп, распространена среди многих французов и англичан.

Таким образом, заявление де Роппа сводилось к следующим основным положениям: к желанию, чтобы Германия как можно скорее расправилась с Польшей; к предоставлению Германии свободы действий на Востоке в обмен на гарантию безопасности Британской империи и, наконец, к предложению о воздушном перемирии в случае возникновения англо-германской войны. Если первые два пункта вряд ли могли быть новыми для германской стороны, потому что в той или иной форме они не-

---

⁵⁰ Documents on German Foreign Policy, Series D, vol VIII, № 74, p. 81—83. Заметки А. Розенберга о визите барона де Роппа. Берлин, 16 августа 1939 г.

⁵¹ Ibid., p. 82.

⁵² Ibid.

однократно выдвигались англичанами, то последний пункт о воздушном перемирии должен был привлечь особое внимание, так как он вполне отвечал ближайшим стратегическим планам Германии.

Ропп сообщил Розенбергу, что в случае войны он будет назначен политическим советником министерства авиации по Германии или, как разъяснил он, — «офицером разведывательной службы, занимающимся политическим положением Германии и докладами о ее намерениях»⁵³, намекая на необходимость поддерживать контакт и в случае войны.

Розенберг считал предложения Роппа достаточно солидными и рассматривал их не только как его личное мнение, но и как точку зрения высших чинов английской авиации.

В конце заметок о беседе с Роппом Розенберг написал: «Я считаю своим долгом информировать фюрера об этих заявлениях, исходящих от английского министерства авиации и о точке зрения тех, кто находится на самом высшем уровне английского воздушного штаба, особенно потому, что эти взгляды совпадают с теми, которые они до сих пор публично высказывали в своих газетах»⁵⁴.

Спустя пять дней, 21 августа 1939 г., Розенберг вновь принял Роппа. По-видимому, к этому времени Розенберг сообщил Гитлеру о первой беседе и получил разрешение продолжить начатые переговоры. Розенберг изложил Роппу точку зрения гитлеровского руководства на сложившуюся ситуацию. «...Если круги, от имени которых он (Ропп.— *А. Н.*) говорил, действительно имеют какое-либо влияние, то они могут настоятельно требовать заявления (английского правительства.— *А. Н.*), что английская гарантия была предоставлена в условиях, отличных от тех, которые преобладают сегодня, когда Польша своими попытками истребить населяющие ее национальные меньшинства, уничтожила принципы, которые привели к признанию Польского государства. Я также добавил, что моя чисто личная точка зрения заключается в том, что доминионы имеют все основания

---

⁵³ Ibid., p. 81.

⁵⁴ Ibid., p. 83.

заставить Англию отойти от ее нынешней политики. Поэтому возникает вопрос о том, чтобы убедить доминионы в рамках британской конституционной системы сделать в Лондоне совместное заявление, направленное против всей политики группы Черчилля и Идена»⁵⁵.

Ропп ответил, что он постарается провести беседы по линиям, указанным Розенбергом. Расставаясь, Ропп и Розенберг условились, что так как в случае войны вторая резиденция Роппа будет находиться в Женеве, Ропп в случае необходимости пошлет письмо, подписанное именем «Джордж», некоему германскому агенту, и таким образом возобновит контакт с Розенбергом⁵⁶.

Едва успели отзвучать последние орудийные выстрелы в Польше, как де Ропп снова дал знать о себе. Теперь он занимал важную должность эксперта министерства авиации по германским делам и имел чин майора авиации.

23 сентября Розенберг получил сообщение от Роппа из Швейцарии, который предлагал встретиться в конце месяца с известным ему сотрудником Розенберга для частного обмена мнениями о намерениях Гитлера в отношении Англии и Франции, с одной стороны, и выслушивания точки зрения английского министерства авиации, с другой.

В памятной записке, предназначенной для Гитлера, Розенберг подчеркивал, что в связи с военной ситуацией роль английского министерства авиации невероятно возросла. Запрашивая дальнейшие инструкции, он писал: «Я могу заметить в этой связи, что лица, особенно близкие к Чемберлену, являются членами того же клуба, что и барон де Ропп»⁵⁷.

В дневнике Розенберга от 24 сентября 1939 г. мы находим следующую запись: «Наконец, вчера прибыла из Монтре открытка британского советника в английском министерстве авиации. Он просит, чтобы приехал Шидеканц (начальник штаба Розенберга.— А. Н.). Таким образом он сдержал слово — еще сохранилась одна тонкая нить с Лондоном. Завтра уведомя фюрера и Геринга.

---

⁵⁵ Documents on German Foreign Policy, Series D, vol. VII, № 151, p. 163. Заметки Розенберга о визите де Роппа Берлин, 21 августа 1939 г.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid, vol. VIII, № 134, p. 134.

Напряженно жду, чего господа из Лондона ожидают от нас в качестве эвентуальной основы мира»⁵⁸.

29 сентября Розенберг был вызван к Гитлеру для обсуждения предложения Роппа. Гитлер заявил, что он даст Роппу разрешение на свободный проезд в Берлин и примет его. Пусть де Ропп запросит на это разрешение своего правительства⁵⁹. В Монтре был послан сотрудник Риббентропа Гардер, чтобы привезти де Роппа в Берлин⁶⁰. Ропп, который не ожидал, что его предложение вызовет реакцию, «на которую он вообще не рассчитывал»⁶¹, ответил, что он должен предварительно запросить мнение министерства авиации.

Ответ, полученный из Лондона, гласил: в Англии преобладают настроения в пользу ведения войны. Позиция самого Чемберлена слабая. Вне власти министерства использовать сейчас представляющуюся возможность прекратить военные действия. Следует выждать более подходящий момент. «...Этот момент наступит только в результате значительных потерь со стороны английской военной авиации... Министерство авиации рассчитывает, что его взгляды будут все больше принимать в расчет, поскольку империя не может допустить, чтобы ее авиационная мощь упала ниже определенного уровня. По этим соображениям джентльмены из министерства авиации полагают, что только тогда они сумеют использовать авторитетное заявление о намерениях Германии»⁶².

Из этого сообщения вырисовывается весьма показательная картина готовности определенных английских кругов заключить мир с Германией после серьезных поражений английской авиации, которые должны оказать психологическое воздействие на умонастроение народа в пользу сторонников сговора с фашистской Германией.

Спустя пять дней, 10 октября 1939 г., Ропп снова встретился с уполномоченным Розенберга. В обычной

---

⁵⁸ Hans Günter Seraphim. Op. cit., S. 80

⁵⁹ Ibid., p. 80—81.

⁶⁰ Ibid., p. 82.

⁶¹ Documents on German Foreign Policy, Series D, vol. VIII, № 203, p. 224

⁶² Ibid., p. 225.

для титлеровцев шантажистской манере представитель Розенберга рисовал де Роппу мрачную картину гибели Британской империи и раздела ее владений. Пока не поздно, следует воспользоваться расположением Розенберга и Гитлера, которые хотят спасти англичан как арийскую ветвь и договориться о прекращении войны.

Ропп указал, что он целиком разделяет мнение относительно «арийской общности» Германии и Англии и заявил: «Английское министерство авиации придерживается той же ранее уже обсуждавшейся точки зрения. Оно никоим образом не желает участвовать в нынешней английской политике, направленной на то, чтобы вести войну до конца. В министерстве имеется слишком много специалистов по вопросам Британской империи, чтобы оно не понимало угрожающей ей опасности. Однако сейчас еще министерство недостаточно сильно, чтобы настаивать на своем. Нет практической ценности в том, чтобы убедить одного Чемберлена, поскольку он зависит от тех, кто желает сейчас вести войну до конца. Но министерство авиации рассчитывает, что его политический вес будет в Англии систематически увеличиваться. Оно убеждено, что исход войны будет решен германской авиацией. В свою очередь министерство авиации должно объяснить британскому правительству, что ввиду понесенных потерь министерство не в состоянии продолжать войну.

Но сперва необходимо подождать до первых столкновений и потерь от них. Он (Ропп.— *А. Н.*) надеется, что в интересах арийской расы германская авиация будет столь победоносна, что будет создана эта основа»⁶³.

Итак, эксперт английского министерства авиации, как видно из документов, фашист по убеждениям, сообщил немцам программу предательства и последующей капитуляции Англии, выработанную его хозяевами и друзьями, занимающими важные посты.

Ропп предложил возобновить контакт через 4—6 недель. Если «Фред» (условное обозначение министерства авиации) радирует, что чувствует себя достаточно сильным и созданы необходимые условия для поездки

---

⁶³ Documents on German Foreign Policy, Series D, vol VIII, № 235, p. 261—262.

Роппа в Берлин, то он напишет об этом Розенбергу. Паролем будет условная фраза о снегопаде.

Следующая встреча де Роппа с гитлеровским уполномоченным произошла в том же месяце. Ропп заявил, что в результате усилий тех английских кругов, которые желают скорейшего заключения мира с Германией, ни один официальный орган в Англии не провозгласил целью войны свержение нынешнего германского режима. В ходе дальнейшей беседы Ропп несколько раз подчеркнул важность этого «успеха». Затем Роппом были поставлены два вопроса, которые, по его словам, сильно занимали умы англичан.

Первый вопрос касался отношений между Германией и Советским Союзом. Вопрос был сформулирован таким образом, чтобы выяснить, как обстоит дело с возможностью нападения гитлеровской Германии на СССР. Одновременно Ропп дал своему собеседнику понять, что стоящие за ним английские круги заинтересованы в создании единого антибольшевистского фронта. Немецкий представитель, по всей вероятности, не имел полномочий вступать в разговор на эту тему и, по сути дела, уклонился от откровенного ответа.

Второй вопрос касался будущего Польши. Ропп настаивал на получении какого-нибудь ответа, указывая, что разъяснение этого вопроса может усилить позиции сторонников соглашения с Германией в Англии (Ропп назвал их «английской партией»). Тогда ему было заявлено, что для польского народа на части польской территории будет создана самоуправляющаяся единица типа «конгрессной Польши» (т. е. Польши в границах, определенных Венским конгрессом 1815 г.— *А. Н.*). Этот ответ вполне устроил Роппа. Знание такого факта, указал он, представляет большую ценность для «английской партии», ибо поможет правительству «спасти свою репутацию перед лицом народа». Судьба самой Польши, признался Ропп, мало беспокоит Англию, ибо, «хотя это, быть может звучит цинично, но Польша более полезна для Англии в качестве мученицы, чем в качестве существующего государства»⁶⁴.

---

⁶⁴ Documents on German Foreign Policy, Series D, vol. VIII, № 318, p. 367.

Де Ропп призвал гитлеровцев оказать помощь пораженцам в Англии — так называемой «английской партии», для того чтобы они могли одержать победу над своими противниками (имелась в виду группа Черчилля — Идена). Он заявил буквально следующее: «Тяжелые военные столкновения будут к сожалению необходимы перед тем, как это может придти», поясняя, «что английский народ в целом все еще уверен, что одержит победу над Германией»⁶⁵.

Под прикрытием слухов о возможности заключения мира германское командование осуществляло концентрацию войск на Западном фронте, намереваясь нанести решающий удар англо-французским армиям.

Однако Гитлер был вовсе не против того, чтобы добиться своих целей путем капитуляции Англии и Франции, достигнутой не чисто военным, а дипломатическим путем.

Английский историк пишет по этому вопросу: «Если бы он (Гитлер.— А. Н.) мог теперь получить мир с Францией и Англией, он развязал бы себе руки для удара в том направлении, которое было бы в ближайшее время наиболее обещающим. Юго-Восточная Европа могла быть поймана в сети его паутины, в то время как западноевропейские державы и Советский Союз наблюдали бы с тяжелым сердцем, но в нерешительности. Затем с согласия западных держав, а быть может, и с их молчаливого одобрения, в удобное для Гитлера время можно было бы напасть на Советский Союз. И, наконец, Францию и Великобританию можно было бы побудить без борьбы вести переговоры с германским колоссом, распространившимся на все пространство между Западным валом и Уралом, о политическом урегулировании, которое несмотря на его видимую умеренность, отдало бы их в конце концов на милость колоссальной Третьей империи»⁶⁶.

Немецкая сторона настойчиво пыталась выяснить у Роппа, какими реальными силами располагает «английская партия» для осуществления своих планов. Ропп заверил своих собеседников, что высказанных им взгля-

⁶⁵ Documents on German Foreign Policy, Series D, vol VIII, № 318, p. 364.

⁶⁶ The Initial Triumph of the Axis, p 97.

дов придерживается не только министерство авиации, но и Сити, которое «находится в рядах «английской партии»».

Заявление Роппа о поддержке дельцами из Сити идеи сговора с Германией произвело в Берлине большое впечатление. «Вторая беседа с Роппом была более серьезная,— отмечал в своем дневнике Розенберг,— «английская партия» имеет поддержку Сити; под руководством сэра Глина она пытается противостоять Черчиллю и его сторонникам»⁶⁷.

Затем Ропп отправился в Лондон, чтобы выяснить там возможность официального визита в Германию. Ропп просил германского эмиссара передать «Кристиану» (кличка Альфреда Розенберга) свое пожелание продолжить взаимные контакты. Ропп заверил своего собеседника, что информация, полученная им от германской стороны, препровождена им непосредственно влиятельным кругам в Англии — в первую очередь министерству авиации и Сити⁶⁸.

Еще одно упоминание о миссии Роппа содержится в дневнике Розенберга: «3.III.1940 г. ...Открытие де Роппа из Швейцарии. Он уведомлял о «новом сильном снегопаде» и просил, чтобы приехали. Я велел ему сообщить, что фон Гардер сможет приехать только в том случае, если придется считаться с возможностью длительного снегопада»⁶⁹. Таким образом Ропп опять появился с какими-то новыми планами в разгар приготовлений к отправке англо-французского экспедиционного корпуса для помощи белофиннам.

---

⁶⁷ См. Hans Günter Seraphim Op. cit., S. 89.

Упомянутый в дневнике Розенберга сэр Глин, очевидно, Ральф Джордж Кемпбелл Глин, баронет, член парламента от консервативной партии В 1931—1935 г. был частным парламентским секретарем премьер-министра С 1935 по 1937 г. в качестве лорда-президента Совета — членом английского правительства. В период, о котором идет речь, Глин занимал пост директора «ЛМС Рейлвей» — крупнейшей железнодорожной корпорации Англии. В 1953 г Глин стал бароном Фарнборо В 1958 г. был директором английской спичечной монополии «Бритиш матч корпорейшн» и фирмы «Д. Самюэль Уайт энд компани лимитед».

⁶⁸ См. Documents on German Foreign Policy, Series D. vol VIII, № 318, p. 367.

⁶⁹ Hans Günter Seraphim. Op. cit. S. 103

В конце 1939 г. была предпринята попытка установить контакт между министром иностранных дел Англии лордом Галифаксом и представителем германской верхушечной оппозиции в лице германского дипломата Ульриха фон Хасселя. Посредником выступил английский подданный Лонсдел Брайенс. В декабре 1939 г. Брайенс прибыл в Рим, где был принят кардиналом Маньоле — государственным секретарем Ватикана, благословившим его миссию. Брайенс установил связь с зятем Хасселя Деталмо Пирцио-Бироли. Пирцио-Бироли передал Брайенсу для Галифакса меморандум, который содержал программу германской верхушечной оппозиции в случае, если ей удастся устранить Гитлера и прийти к власти.

Наиболее активными деятелями оппозиции в Германии были дипломат Ульрих фон Хассель, бывший бургомистр Лейпцига Герделер, генералы Бек, Витцлебен, Остер, высокопоставленный чиновник министерства юстиции Гизевиус и др. Они полагали, что Гитлер в своей авантюристической политике перешагнул все границы и что его политика приведет Германию к катастрофе. Под катастрофой они подразумевали не только военное поражение, чего они вовсе не желали, но и социальную революцию, которая их страшила еще больше. Подавляющее большинство представителей оппозиции было по своим политическим воззрениям глубоко консервативным и реакционным, враждебно настроенным по отношению к трудящимся. Их планы были весьма ограничены: устранение Гитлера, ликвидация неограниченной власти СС и «крайностей» гитлеровского режима. Оппозиция рассчитывала после устранения Гитлера установить военно-бюрократическую диктатуру и свою главную опору видела в армии. Оппозиция выступала за соглашение с западными державами на антисоветской основе и на почве признания ими великодержавных стремлений германских правящих классов. Программа оппозиции содержала империалистические грабительские требования: Германия в границах 1914 года, но Австрия остается в составе Германии; восстанавливается Чехословакия, но Судетские районы остаются Германии; восстанавливается Польша, но к Германии переходят Гданьск, Коридор, Силезия и пограничные пункты; Германия не

будет претендовать на колонии. Иными словами, все территории, захваченные гитлеровской Германией, должны были быть ею удержаны. После устранения Гитлера они собирались продолжать войну, но выразить готовность к заключению мира на указанной выше «разумной основе»⁷⁰.

Оппозиция вела переговоры с высшим командованием германской армии Браухичем, Гальдером и другими, но те под разными предлогами уклонялись от поддержки планов оппозиции.

Реакционность и консерватизм лидеров оппозиции, боязнь народа и, следовательно, отказ от создания широкого антигитлеровского движения, сомнения, колебания, неуверенность — все это неминуемо обрекало их планы на неудачу.

8 января 1940 г. Брайнс был принят Галифаксом. По словам Брайнса, Галифакс с интересом ознакомился с меморандумом Пирцио-Бироли. Две реплики Галифакса во время беседы весьма примечательны. «Я знаю,— сказал Галифакс Брайнсу,— что есть люди, которые считают, что эту войну никогда не нужно было объявлять»⁷¹. И у его собеседника сложилось впечатление, что он, Галифакс, и является одним из этих людей. «Никто не желает мира больше, чем я,— заявил министр,— но это не должен быть лоскутный мир»⁷². Мысль Галифакса была ясна: Англия может пойти на такой мир с Германией, который принесет твердые гарантии безопасности Англии и империи и будет достаточно прочным. Можно ли ожидать такого мира от верхушечной оппозиции?

Заключительные слова Галифакса: «Это не может причинить вреда, а может принести некоторую пользу»⁷³ свидетельствовали о том, что английский министр дает свою санкцию на продолжение переговоров.

10 февраля 1940 г. Пирцио-Бироли посылает новый документ для Галифакса. В нем лидеры верхушечной оппозиции просят дать заверения, что союзники не воспользуются устранением Гитлера в своих интересах.

⁷⁰ The von Hassel Diaries 1938—1944 New York, 1947, p. 125

⁷¹ J. Lonsdale Bryans. Blind Victory London, 1951, p. 49.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid., p. 50.

Они просили также об установлении личных контактов. 22 февраля Брайенс (именуемый в дневниках Хасселя «Мр. Х») встретился в швейцарском городке Ароса с «Чарльзом» (Хассель). Беседы с Хасселем привели Брайенса к выводу, что заговорщики могут служить «эффективным инструментом» для быстрого устранения нацистских лидеров изнутри.

Второй вывод, к которому приходит Брайенс, раскрывает другую сторону переговоров: с «опозицией» можно будет после этого «построить бастион в Центральной Европе против всякой возможной в будущем агрессии со стороны Советской России...»⁷⁴. Таким образом при переговорах с верхушечной оппозицией, подобно тому, как то было во время переговоров с лидерами нацистов, лейтмотив английской политики остается прежним — Германия должна служить бастионом Запада против большевизма. Согласна ли Германия на такую роль? Готовы ли лидеры оппозиции в будущем оставить в покое Англию и Британскую империю? Таковы были коренные вопросы. На первый вопрос ответ был безусловно положительный. В меморандуме, переданном Хасселем Брайенсу для передачи Галифаксу, говорится, что опасность «полного разрушения и в особенности большевизации Европы быстро растет». У самого Брайенса также нет никаких сомнений в том, что оппозиция относится глубоко враждебно к Советскому Союзу. И, быть может, именно это обстоятельство и заставляет Брайенса так упорно добиваться в дальнейшем признания оппозиции английским правительством. Однако несомненно было также и то, что заговорщики уже на этой, предварительной стадии, выставляют далеко идущие требования, например, присоединение Австрии и Судетских районов. Вопрос о восточных границах Германии, по мнению заговорщиков, дискуссии не подлежит, ибо должна быть восстановлена германо-польская граница, идентичная границе 1914 г.

Передавая меморандум Брайенсу, Хассель просит, чтобы оппозиции было прислано заявление Галифакса, содержащее обязательство употребить все свое влияние,

---

⁷⁴ J. Lonsdale Bryans. *Blind Victory*. London, 1951, p. 67.

чтобы союзники не использовали изменение режима в Германии в свою пользу и что Англия в этом случае немедленно заключит перемирие.

По приезде в Лондон Брайенс был принят постоянным заместителем министра иностранных дел Кадоганом. Кадоган заявил, что письменного ответа на меморандум Хасселя не будет и что ответ уже передан через другие каналы. К удивлению Брайенса Кадоган сообщил ему, что на этом его миссия окончена⁷⁵. Означало ли это, что английское правительство вообще решило прекратить переговоры с верхушечной оппозицией или что оно попросту решило отказаться в этих переговорах от услуг Брайенса? Как видно, речь шла лишь о последнем.

Параллельно переговорам Брайенса, Галифакс осуществлял контакт с представителями верхушечной оппозиции, на этот раз из германской разведки, через посредство Ватикана, Галифаксу, католику по вероисповеданию, это было не так трудно сделать. Посредником служил доверенный мюнстерского кардинала Фаульгера Иозеф Мюллер. Папа римский непосредственно принимал участие в обсуждении с Мюллером возможного англо-германского соглашения. О содержании этих бесед Галифакс был информирован через английского посланника в Ватикане Осборна. 14—15 апреля состоялась новая встреча в Аросе Хасселя с Брайенсом. Хассель был весьма разочарован отсутствием подтверждающего документа от Галифакса, на который он так рассчитывал. В то же время Хассель подтвердил, что его друзья получили по другому каналу уведомление, о котором говорил Кадоган Брайенсу. Однако это не то, на что рассчитывают заговорщики⁷⁶.

У Хасселя создалось впечатление, что в Лондоне не верят в возможность достижения англо-германского соглашения свержением Гитлера. Брайенс пытался убедить Хасселя, что позиция Галифакса осталась неизменной. Во время последней встречи Брайенса с Хасселем 15 апреля 1940 г. Хассель намекнул Брайенсу на предстоящее германское наступление на Западе.

---

⁷⁵ Ibid., p. 374.

⁷⁶ Ibid., p. 80.

Весьма вероятно, что Галифакс на этом этапе не решил на продолжение переговоров с верхушечной оппозицией по ряду различных соображений. Со времени начала переговоров обстановка начала коренным образом меняться. Переговоры начались во время советско-финской войны и должны были, по-видимому, по замыслам инициаторов их, привести к соглашению между капиталистическими государствами, направленному против СССР. Однако в середине марта был подписан мирный договор в Москве и военные действия между СССР и Финляндией были прекращены. Тем самым и использование финского плацдарма отпадало.

Далее, требования, выставленные оппозицией, видимо, выглядели даже в глазах тех, кто стремился к соглашению с Германией, чрезмерными.

Восточные границы Германии в рамках 1914 г., сохранение Австрии и Судетских районов в составе рейха означали не только то, что восстанавливаемые в новых границах Чехословакия и Польша вынуждены были бы идти в фарватере германской политики, но и практически означало признание всей Восточной и Юго-Восточной Европы сферой влияния Великогермании и ликвидации влияния Англии и Франции в этих районах.

Конечно, устранение Гитлера и его клики, но сохранение власти в Германии представителями империалистической буржуазии, юнкерства и генералитета, давали определенные гарантии против разворачивания народной борьбы и распространения «большевизма», чего так опасались правящие круги в Англии. Но были ли гарантии против экспансионистских тенденций Великогермании, сохраняющий свою военную мощь?

Наконец, существенно изменилось политическое и стратегическое положение по сравнению с декабрем 1939 г. Сторонники Чемберлена — Галифакса все более теряли позиции в Англии. Наблюдались резкие расхождения внутри консервативной партии. Народ во Франции и в Англии требовал отстранения «мюнхенцев» от власти. Затишье на фронте сменилось ожесточенными боями в Скандинавии.

В этих условиях продолжение тайных переговоров о «мире» было не только опасным, но и бессмысленным.

Миссия Сэмнера Уэллеса

В начале войны в Европе США объявили о своем нейтралитете.

Правящие круги США отдавали себе отчет, что в начавшемся грандиозном конфликте Соединенные Штаты не останутся в роли зрителя, а на определенном этапе окажутся активно действующей стороной. Решительный поворот американской политики в сторону более активного вмешательства в европейские дела, сделанный в начале президентства Рузвельта, стремление использовать создавшееся положение в интересах укрепления влияния США, попытки, предпринятые еще до начала войны, принять на себя роль верховного арбитра, свидетельствовали о том, что США останутся нейтральными лишь до того времени, пока не будут в военном отношении подготовлены к вступлению в войну и момент для вступления не окажется наиболее выгодным. Сам Рузвельт понимал, что угроза, исходящая от фашистских держав, затрагивает также и США, несмотря на то, что американский континент отделен от Европы многими тысячами километров. Однако он должен был считаться с сильным влиянием изоляционистов, выступавших против оказания помощи Англии и Франции, с неблагоприятной для его планов расстановкой сил в конгрессе США.

Американские монополии видели в начавшейся войне средство для обогащения, подобно тому, как это было в первой мировой войне.

Реакционные американские круги были недовольны тем, что война в Европе началась столкновением между капиталистическими государствами, а не между Германией и Советским Союзом.

Когда Германия напала на Польшу, среди руководящих империалистических кругов Америки было широко распространено мнение, что вслед за разгромом Польши Германия обрушится на Советский союз. Когда же эти расчеты не оправдались, реакционеры развязали бешеную антисоветскую кампанию, все еще продолжая рассчитывать на возможность изменения характера и направления войны.

О сложности внутривнутриполитической обстановки в США

свидетельствуют результаты опроса общественного мнения, проведенные институтом Гэллопа⁷⁷. Подавляющее большинство американского народа видело в Германии и Италии не останавливающихся ни перед чем фашистских агрессоров и было настроено против них. С другой стороны, отдаленность США от очагов возможного военного конфликта, воспоминания о войне 1914—1918 гг., когда США послали войска за океан, и многие американские юноши не вернулись, расчеты, что Англия и Франция сами управятся с Германией,— все эти обстоятельства ловко использовались изоляционистами, чтобы поддерживать среди значительной части народа мнение, что США не следует активно вмешиваться в войну в Европе.

29 января 1939 г. 94% опрошенных высказали убеждение, что, если война разразится, то виновниками будут Германия и Италия. 1 сентября 1939 г. 86% высказали мнение, что гитлеровские претензии на Гданьск и Коридор несправедливы. 4 сентября 1939 г. 82% опрошенных высказали мнение о необходимости прекратить продажу военных материалов Японии. 17 сентября 1939 г. 44% высказались за посылку американских войск в Европу, если Англии и Франции будет грозить поражение.

Однако бездействие Англии и Франции, дух «странной войны», перекочевавший и за океан, делали свое дело, и число сторонников вмешательства начало уменьшаться. С другой стороны, начиная с апреля 1939 г. по ноябрь того же года от 50 до 60% опрошенных американцев неизменно высказывались в пользу продажи оружия союзникам. Но во время обсуждения в конгрессе США предложения об изменении законодательства о нейтралитете, более 90% опрошенных высказались за сохранение нейтралитета и число их продолжало расти.

Подготавливая общественное мнение к неизбежности вступления США в войну, 8 сентября 1939 г. Рузвельт объявил о введении ограниченного чрезвычайного положения. Вскоре президент обратился к конгрессу с просьбой об изменении законодательства о нейтралитете.

---

⁷⁷ Результаты опроса даны по книге Frederick L. Shuman. *Night over Europe* New York, 1941, p. 446

Послание Рузвельта конгрессу вызвало ожесточенные нападки изоляционистов. Выступая по радио 14 сентября, сенатор Бора заявил, что принятие конгрессом предложения Рузвельта было бы равносильно объявлению войны. Особенное бешенство предложение Рузвельта вызвало у сенаторов и конгрессменов, известных своими профашистскими симпатиями. Сенатор Кларк заявил, что не следует мешать немцам, ибо они являются врагами коммунистов. Ванденберг, Гамильтон Фиш подняли шумную кампанию против предложений Рузвельта.

В то же время изоляционисты выступали с предложениями использовать сложное положение Англии и Франции, чтобы прибрать к рукам их владения. Известный профашист полковник Линдберг предлагал немедленно захватить Канаду. Сенатор Лэндин из Миннесоты предложил потребовать от Англии и Франции уплаты военных долгов, а так как они этого сделать не могут, то взять в счет уплаты британскую и французскую Вест-Индию.

После длительной борьбы линия Рузвельта победила: 3 ноября конгресс одобрил «Объединенную резолюцию для сохранения нейтралитета и мира Соединенных Штатов и безопасности их граждан и их интересов». На следующий день закон был подписан президентом и вступил в силу. Был принят принцип «cash and carry» т. е. «плати и вези», за приобретенное вооружение государства должны были платить наличными и увозить на своих собственных судах. Практически принципом «плати и вези» могли воспользоваться только Англия и Франция, обладавшие превосходством на море и имевшие запасы долларов и золота.

В законе объявлялась запретной зона для плавания американских судов, включавшая Балтику и часть Атлантики северо-восточнее 20°. Практически таким образом запрещение распространялось на район от Скандинавии до Бискайского залива. Гитлеровцы немедленно поняли всю выгоду, которую они могут извлечь из этого, — теперь они могли, не опасаясь конфликта с США, нападать в открытом море на суда союзников.

Новый измененный закон о нейтралитете отразил борьбу, развернувшуюся в конгрессе: если принцип «плати

и вези» оказался мерой эффективной помощи Англии и Франции, выразивший политику Рузвельта и его окружения, то запрещение, введенное для американских судов, было выгодно гитлеровской Германии и явилось победой изоляционистов, и именно той их группы, которая вела профашистскую политику в США.

Молниеносное поражение Польши произвело сильное впечатление в Вашингтоне. В тот период американские дипломатические представители в Европе, особенно американский посол в Лондоне Кеннеди, посылали в США весьма пессимистические прогнозы относительно возможностей Англии и Франции противостоять гитлеровской Германии. Правительство США понимало, что США должны воспользоваться создавшимся положением, чтобы попытаться выступить в роли арбитра. Последовали соответствующие обращения Рузвельта к главам различных церквей. В Ватикан был назначен посол США Майрон Тейлор. При госдепартаменте в конце декабря 1939 г. был создан специальный комитет для изучения вопросов мира и послевоенной реконструкции. В начале января 1940 г. обсуждался проект созыва нейтральных стран на конференцию в Вашингтон⁷⁸.

9 февраля было объявлено о предстоящей поездке помощника государственного секретаря Сэмнера Уэллеса в Европу со специальной миссией.

Цель ее заключалась в попытке найти основу для заключения мира между воюющими капиталистическими государствами. Уэллес должен был посетить Берлин, Рим, Париж и Лондон. Однако он не собирался посетить Москву. Уже одно это указывало на определенную антисоветскую направленность миссии Уэллеса.

Рузвельт «открыто признал, что шансы были один на тысячу за то, что какие-либо действия, предпринятые в целях изменения хода событий, увенчаются успехом» Рузвельт видел тогда этот единственный шанс в том, чтобы послать Уэллеса в Европу для бесед с руководителями правительств Германии, Италии, Франции и Англии в целях определения тем самым возможностей заключения между воюющими государствами мира, но

---

⁷⁸ См. William L. Langer and S. Everett Gleason The Challenge to Isolation. 1937—1940. New York, 1952, p. 350—353.

отноюдь не «временного или «дробного» вооруженного перемирия»⁷⁹.

Прежде всего Уэллес посетил Рим, где встретился с Муссолини и Чиано. 2 марта Уэллес встретился с Гитлером. Он заявил Гитлеру, что нужно заключить мир раньше, чем начнется война на уничтожение, в которой не будет победителей, но в которой социальный и экономический строй капиталистической Европы будет основательно разрушен. Однако фашистские руководители, собиравшиеся вот-вот начать генеральное наступление на Западе, решительно отвергли предложение, заявив, что мир будет достигнут через войну, выигранную Германией. Своими заявлениями гитлеровские главы хотели внушить американскому эмиссару мысль, что германская победа неизбежна и США лучше всего с этим примириться.

«В Берлине помощник государственного секретаря, разыгрывая свою роль, показал, что Соединенные Штаты готовы исследовать возможности мирного урегулирования даже с нацистским режимом», — пишут известные американские историки⁸⁰. В Париже Уэллес столкнулся с широко распространенными пораженческими настроениями. Даже сам премьер Даладьё соглашался с тем, чтобы Данциг, Западная Польша и Судетская область были отданы Германии. Он не отказывался иметь дело с гитлеровским правительством, которое гарантировало бы безопасность Франции. Таким образом оказывалось, что Франция по-прежнему готова к сговору с фашистами.

Беседы в Лондоне с Чемберленом, Галифаксом, Черчиллем показывали, что английское правительство мало верит в возможность соглашения с гитлеровской Германией. Однако накануне отъезда Уэллеса мюнхенский дух Чемберлена снова возобладал. Вопреки своему предыдущему заявлению Уэллесу, что правительство полно решимости устранить нацистский режим в Германии, английский премьер заявил, что при окончательном урегулировании Лондон не проявлял бы нетерпимости по отношению к будущим границам Польши и Чехословакии,

---

⁷⁹ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс т. I. М., 1958, стр. 258.

⁸⁰ См. Langer and Gleason. Op. cit., p. 368.

намекая тем самым на то, что часть польских и чешских земель гитлеровская Германия сможет удержать. Дания и Коридор отойдут к Германии. Что касается Австрии, то ее судьба будет решена плебисцитом⁸¹.

Миссия Уэллеса показала, что попытки примирения воюющих империалистических государств обречены на неудачу, так как гитлеровцы выставили требования, которые означали прекращение существования Англии как мировой державы. Империалистические противоречия достигли такой остроты, что не могли уже быть решены иначе, как силой оружия. Миссия Уэллеса подбодрила гитлеровскую верхушку, укрепляя ее уверенность в том, что Запад действительно «сгнил» и установление германского господства над миром не за горами.

В то же время она вызвала возмущение прогрессивной общественности. Впечатление от миссии Уэллеса было настолько отрицательным, что Рузвельт был вынужден выступить по радио 16 марта 1940 г. с заявлением, что США не собираются навязывать мир, основанный на несправедливости⁸².

Так потерпела неудачу попытка «посредничества» США. В провале этой попытки, которая могла стать отправным моментом для организации «крестового похода» капиталистического мира против СССР, как и в срыве антисоветских интервенционистских планов Англии и Франции, важную роль сыграла победа Советского Союза в войне с Финляндией и подписание в Москве 12 марта мирного договора.

Англо-французские планы нападения на Советский Союз

Одна из наиболее характерных особенностей периода «странной войны» заключалась в усиленных поисках англо-французскими руководителями возможностей вовлечения в войну Советского Союза. Пресса и документы того времени полны рассуждениями о наиболее эффективных способах войны против СССР. Эта тема привлекала куда больше внимания западных политиков,

---

⁸¹ Foreign Relations. 1940, vol. I, p. 89

⁸² См. Langer and Gleason. Op. cit., p. 371.

нежели вопросы организации быстрейшего эффективного наступления против Германии. Все чаще и чаще, все откровеннее и обнаженнее выступала одна мысль — надо добиться изменения направления войны.

В этих условиях от советского правительства требовалась большая гибкость в сочетании с необходимой твердостью и решительностью, чтобы сорвать антисоветские планы империалистов.

Одним из первых мероприятий было победоносное завершение дальневосточного конфликта, приведшее к полному разгрому японских милитаристов на Халхин-Голе, и мероприятия по укреплению дальневосточных рубежей Советской страны.

Новые условия создались на западной границе Советского Союза в связи с крушением панской Польши. На территории Польши, потерпевшей поражение, миллионам украинцев, белорусов, населяющим земли Западной Украины и Западной Белоруссии, угрожала опасность попасть в неволю к фашистам.

17 сентября части Красной Армии начали освободительный поход и заняли территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вызволив 12 млн. человек. Выдвинув таким образом свою границу далеко на запад, Советский Союз остановил продвижение германских войск в восточном направлении и создал для себя более благоприятные стратегические условия на случай столкновения с гитлеровской Германией. Вскоре, по просьбе народных масс, Западная Украина и Западная Белоруссия были воссоединены с Украинской и Белорусской ССР.

Тревожное положение сложилось в Прибалтике, где буржуазно-помещичьи правительства Эстонии, Латвии и Литвы все больше впрягались в колесницу фашистской Германии и в недалеком будущем территории этих государств могли превратиться в плацдармы для нападения на Советский Союз. Народы этих республик решительно выступали против профашистской политики правящих кругов. В этих условиях Советский Союз предложил прибалтийским государствам заключить договоры о взаимной помощи и под давлением требований народных масс правительства Эстонии, Латвии и Литвы вынуждены были дать согласие.

Соответствующие договоры были подписаны 28 сентября 1939 г. с Эстонией, 5 октября с Латвией и 10 октября с Литвой, которой была передана ее столица Вильнюс, отторгнутая в свое время польскими панами и освобожденная Красной Армией в сентябрьском походе 1939 г. Согласно условиям договоров Советский Союз получил ряд морских и воздушных баз и разместил гарнизоны в ряде пунктов Прибалтики, что исключало возможность превращения территории прибалтийских государств в опорные пункты империалистов.

На протяжении полутора лет (с апреля 1938 г.) Советский Союз настойчиво добивался улучшения советско-финских отношений, что позволило бы принять необходимые меры для обеспечения безопасности северо-западных границ и Ленинграда, находившегося всего в 32 км от границы⁸³. Однако реакционное финское правительство не только отвергло разумные предложения Советского Союза, но и с началом войны в Европе повело провокационную политику в отношении своего великого советского соседа. Империалистические государства подстрекали финское правительство не идти ни на какие соглашения с Советским Союзом, которые бы укрепили безопасность последнего. При этом, как Англия и Франция, так и их противник — Германия, занимали сходную позицию. Таким образом, обе воюющие стороны, каждая по своим соображениям, вели провокационную политику подстрекательства белофиннов. Решительно выступали против советско-финского соглашения и Соединенные Штаты Америки. Финское правительство Кааяндера-Таннера, ободренное позицией великих держав и рассчитывая на их помощь и покровительство, провело всеобщую мобилизацию и двинуло войска к границе СССР.

Несмотря на предупреждения Советского Союза об опасности, которой чревата политика финского правительства, провокации Финляндии продолжались. Новые предупреждения Советского Союза не возымели действия. После неоднократных провокационных вылазок белофиннов Советское правительство отдало приказ

---

⁸³ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза за 1941—1945, т. I. М., 1960, стр. 260—261.

войскам Ленинградского военного округа дать отпор провокаторам. 30 ноября 1939 г. началась советско-финская война.

На Западе империалистические круги развязали бешеную антисоветскую кампанию, стремясь подготовить общественное мнение к вооруженному вмешательству Англии и Франции в советско-финский конфликт. С этой целью в декабре 1939 г. спешно был созван Совет Лиги Наций и Ассамблея. Идя на поводу англо-французской и американской политики, Лига Наций исключила Советский Союз из состава Лиги. Англо-французские политические и военные руководители использовали эту кампанию, чтобы прикрыть свое нежелание вести настоящую войну против гитлеровской Германии. В то же время под видом оказания помощи Финляндии англо-французские союзники принялись за спешную разработку планов нападения на Советский Союз.

27 декабря 1939 г. английский кабинет принял решение немедленно сообщить Швеции и Норвегии, что Англия и Франция «готовы прийти им на помощь в случае осложнений, которые могут иметь место, если Швеция и Норвегия окажут помощь Финляндии»⁸⁴. По существу это было провокационным втягиванием этих государств в войну против СССР.

Планы расширения войны созданием театра военных действий в Скандинавии, в которых война против СССР играла бы главную роль, детально обсуждались в декабре 1939 года англо-французскими союзниками и в принципе были ими одобрены. Вопросы же, связанные с практическим осуществлением этих планов, которые включали также попытку заручиться согласием Норвегии и Швеции, находились в центре внимания вплоть до вторжения немцев в Скандинавию.

5 февраля 1940 г. на заседании Верховного Совета союзников было решено послать в Финляндию помимо вооружения — оно начало поступать в Финляндию в значительных количествах еще до начала советско-финского конфликта — также и войска. Не лишено интереса, что, обсуждая политический аспект этого вопроса и его техническое исполнение, англо-французские союз-

---

⁸⁴ Butler *Op cit.*, p 111.

ники решили использовать опыт фашистских агрессоров Германии и Италии во время войны в Испании в 1936—1939 гг., когда интервенционистские войска отправлялись в Испанию под видом добровольцев⁸⁵. В связи с принятым решением была отменена отправка двух английских дивизий во Францию, которые должны были пополнить крайне незначительные силы британских экспедиционных войск.

Характерно, что в этот период Англия и Франция сосредоточили свое внимание как в военной, так и в политико-дипломатической области на антисоветских планах. Официальный английский историк Р. Батлер замечает: «по времени это был первый из значительных планов союзников»⁸⁶.

Англия и Франция продолжали деятельно готовиться к войне с СССР и в этом направлении проявляли куда больше энергии и решимости, чем при ведении войны против Германии, угрожавшей самому их существованию. Вместо подготовки к решающей схватке с германскими вооруженными силами на основном направлении — на Западном фронте, Англия и Франция готовились к войне с СССР. Согласно заявлению в палате общин премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена от 19 марта 1940 г., в Финляндию по распоряжению английского правительства было отослано: 101 самолет, 214 орудий, 185 тыс. снарядов, 50 тыс. ручных гранат, 15700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин, огромное количество других видов военных материалов, снаряжения и т. п.⁸⁷.

При штаб-квартире командующего финской армией маршала Маннергейма находился английский военный наблюдатель, бригадный генерал Лейнч⁸⁸.

Англия и Франция, готовя к посылке в Финляндию 150-тысячный экспедиционный корпус, продолжали оказывать давление на Швецию и Норвегию, чтобы получить разрешение на проход войск через их территории. В то же время Советское правительство предупре-

---

⁸⁵ Butler. *Op. cit.*, p. 107.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 108

⁸⁷ См. *Parliamentary Debates House of Commons*, vol. 358, col 1836—1837.

⁸⁸ *Ibid.*, col 1943

дило норвежское и шведское правительства, что нарушение их нейтралитета может иметь роковой исход для судеб шведского и норвежского государств.

Французское правительство послало 175 самолетов, 496 орудий, 5000 пулеметов, 400 морских мин, 200 тыс. гранат, 20 млн. патронов и массу других материалов.

В то время как Франция остро нуждалась в вооружении для войны с Германией, по приказу Даладье белофиннам были отправлены остродефицитные виды вооружения — самолеты и противотанковые орудия.

На заседании секретного комитета Даладье при одобрении участников совещания заявил: «Здесь с основанием указывали на определенную нехватку противотанковых орудий. Я послал противотанковые орудия в Финляндию (возгласы: «Очень хорошо! Очень хорошо!»), так как это было средством остановить русские танки, таким путем они были остановлены (единодушные аплодисменты). Мы продолжим это дело, не так ли?»⁸⁹.

Позиция Англии и Франции была решительно осуждена многими членами английского парламента. Выступая в палате общин 19 марта 1940 г., лейборист Веджвуд назвал финские планы «самой безумной авантюрой» и напомнил, что все подобного рода экспедиции против Советской России, в частности в Батуми и в Архангельске, оканчивались для Англии провалом. Веджвуд требовал отставки правительства Чемберлена⁹⁰.

Известный английский историк Арнольд Тойнби, осуждая антисоветские планы Чемберлена, писал впоследствии: «...Чемберлен сам, к счастью для его страны, упустил возможность, которая вовлекла бы союзников в войну с Советским Союзом»⁹¹.

Но в планах использования советско-финской войны Чемберлен и Даладье находили поддержку и в США, которые с самого начала конфликта между Финляндией и СССР заняли резко антисоветскую позицию. 2 декабря 1939 г. правительство США наложило «моральное эмбарго» на поставки Советскому Союзу. Группа

---

⁸⁹ Germaine Willard. Op. cit., p. 63.

⁹⁰ Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 358, col. 1871

⁹¹ Тоунбее. Op. cit., p. 266. The Initial Triumph of the Axis, p. 266.

американских банкиров предоставила Финляндии заем для закупки в США вооружения и снаряжения.

Принимая решение об отправке в Финляндию англо-французского экспедиционного корпуса, союзники рассчитывали, что выполнение задачи будет облегчено обращением Финляндии, инспирированным ими, с просьбой о помощи и отказом нейтралов — Норвегии и Швеции — от активного сопротивления англо-французским войскам, которые вступят на территорию этих государств⁹².

Швеция на всем протяжении советско-финской войны оказывала Финляндии всевозможную помощь. Швеция предоставила Финляндии одних займов на сумму более 100 млн. долларов. Было отправлено более 84 тыс. винтовок, 300 орудий, 50 млн. патронов, 30 тыс. снарядов, 25 самолетов и много различного снаряжения. В военных действиях на стороне белофиннов принимало участие более 8 тыс. шведских волонтеров⁹³. Практически Швеция стала на опасный путь отказа от нейтралитета. Но когда перед Швецией и Норвегией вырисовалась реальная опасность быть вовлеченными в войну, правительства этих стран заявили о своем категорическом отказе пропустить через свою территорию англо-французские войска и строго придерживались этой политики.

Между тем в Финляндии все больше стали осознавать, к каким катастрофическим последствиям может привести страну дальнейшее развитие и затягивание войны против СССР. Еще в начале января 1940 г. по поручению финского правительства финская писательница Хелла Вуолиоки начала переговоры с советским послом в Стокгольме А. М. Коллонтай по вопросу заключения мира⁹⁴. Советский Союз выразил готовность вести переговоры.

В начале февраля финский министр иностранных дел Таннер прибыл с этой целью в Стокгольм. Но одновременно он пытался добиться от шведского правитель-

---

⁹² См. Butler. Op. cit., p 107—108.

⁹³ См. Franclin D. Scott. The United States and Scandinavia. Cambridge. Massach., 1950, p. 233.

⁹⁴ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза за 1941—1945. т. I, М., 1960, стр. 271

ства разрешения на пропуск через территорию Швеции войск союзников и усиления военной помощи Финляндии со стороны Швеции.

11 февраля советские войска начали наступление на Карельском перешейке и к 16 февраля прорвали первую оборонительную полосу «линии Маннергейма». Вторично прибывший 13 февраля в Стокгольм Таннер еще раз пытался убедить правительство Швеции пропустить англо-французские войска через территорию Швеции в Финляндию для участия в войне против Советского Союза. 16 февраля 1940 г. шведский премьер-министр Хансон заявил, что правительство не допустит транзита иностранных войск через территорию Швеции⁹⁵. Хансон посоветовал Таннеру искать мира с Советским Союзом. Совет был дан вовремя. Финская армия находилась на грани поражения. Даже такой злобный враг СССР, как Маннергейм, теперь отдавал себе отчет в том, что дальнейшее продолжение войны приведет к полному физическому уничтожению финской армии. В этих условиях президент Финляндии 22 февраля обратился к Англии и Франции с просьбой оказать давление на СССР, чтобы побудить его к мирным переговорам. «Такая просьба пришлась весьма не по вкусу союзникам»⁹⁶, — рассказывает Р. Батлер. Со своей стороны, Советское правительство, рассчитывая парализовать антисоветские планы Англии, обратилось к ней с просьбой передать Финляндии мирные предложения СССР. Однако английское правительство 24 февраля 1940 г. от посредничества отказалось. Англия и Франция продолжали оказывать давление на Финляндию и скандинавские государства с целью заставить их принять англо-французскую «помощь» и сорвать мирные переговоры Финляндии и СССР. Это давление, казалось, возымело свое действие, и в первых числах марта Таннер намеревался, ссылаясь на «неуступчивость» Советского правительства, обратиться к Англии и Франции с просьбой направить свои войска в Финляндию, чего в Лондоне и Париже ожидали с нетерпением. Для этой цели финское правительство запросило у Советского Союза некоторые разъяснения

---

⁹⁵ См. The Initial Triumph of the Axis, p. 81

⁹⁶ Butler. Op. cit., p. 109

относительно новой границы, предложенной СССР, рассчитывая на то, что непредоставление советской стороной этих разъяснений развяжет руки Финляндии, и она обратится с просьбой о вооруженном вмешательстве к Англии и Франции. Однако Советское правительство разгадало этот маневр. Прорыв Красной Армией «линии Маннергейма» на Карельском перешейке, завершённый 1—3 марта 1940 г., решил исход войны.

6 марта Советское правительство предложило правительству Финляндии послать в Москву делегацию для переговоров. Мирные переговоры начались. Несмотря на то, что Англия, Франция и США продолжали оказывать на Финляндию нажим, чтобы заставить ее прервать переговоры и обратиться к ним с просьбой об интервенции, переговоры закончились успешно.

12 марта 1940 г. в Москве подписан советско-финский мирный договор, который нанес смертельный удар по интервенционистским планам Англии и Франции.

Параллельно планам нападения на СССР с севера, англо-французские штабы усиленно разрабатывали план нападения на СССР с юга. План этот начал разрабатываться с конца 1939 г. и в январе 1940 г. получил принципиальное одобрение соответствующих английских и французских инстанций. Во второй половине января план военных действий против СССР на юге было поручено конкретно развить главнокомандующему французскими войсками генералу Гамелену и адмиралу Дарлану. Планом были намечены операции против Бакинского нефтяного района и против советских черноморских портов. Так называемый «Южный план» предусматривал вовлечение в войну балканских государств и Турции. Согласно показаниям бывшего командующего французской авиацией генерала Виймэна, правительство и командование склонялись к бомбардировке Баку как к более эффективной операции⁹⁷. Проведение операции возлагалось на командующего французскими войсками на Ближнем Востоке генерала Вейгана, с которым французское правительство обсуждало план бомбардировки бакинского нефтяного района.

---

⁹⁷ См. Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Paris, 1950, t VIII, p 2776.

Указание о подготовке к бомбежкам нефтеочистительных заводов Баку и Батуми получил и английский командующий авиацией на Ближнем Востоке. Помощник Вейгана по линии авиации генерал Жоно заявил министру авиации Лоран-Эйнаку: «Мне не хватает авиации. Дайте мне ее, ибо война решится на Кавказе, а не на Западном фронте... Мы не будем драться на Западе, будут драться на Кавказе»⁹⁸. На Ближнем Востоке велась деятельная подготовка к операции против Баку. В первых числах марта Вейган сделал соответствующий доклад французскому совету министров, который был встречен участниками заседания с одобрением.

В своих показаниях перед парламентской комиссией после второй мировой войны генерал Вейган сообщил: «7 марта 1940 г. мне было сообщено органами английской авиации о желании британского правительства, чтобы на зависимой от меня территории была проведена разведка с целью выяснения ... возможности организовать атаку с воздуха на бакинский нефтяной район... 13-го я получил от генерала Гамелена сообщение о давно разрабатывавшемся проекте касательно франко-британской политики на Балканах; в этом проекте принималась в расчет операция против Баку»⁹⁹.

Французский посол в Анкаре Массильи обратился к турецкому министру иностранных дел Сараджоглу с целью позондировать почву относительно возможности перелета англо-французской авиации через турецкое воздушное пространство, что было бы явным нарушением нейтралитета Турции. Министр иностранных дел Турции дал понять французскому послу, что, если Франция собирается это сделать, то лучше не ставить такого вопроса. «Делайте, но делайте быстро», — таков был ответ министра Турции¹⁰⁰.

Заключение советско-финского мира изменило политическую обстановку и затруднило Англии и Франции осуществление бакинской авантюры. Однако окончательно отказались они от этого плана лишь после

---

⁹⁸ Ibid., t. V, p. 1142

⁹⁹ Ibid., t. VI, p. 1551

¹⁰⁰ Ibid., t. V, p. 1444

вторжения германских войск во Францию. Антисоветские планы и замыслы дорого обошлись англо-французам, ибо они вели к неправильному военному планированию, к неправильному распределению людских и материальных ресурсов, к ослаблению сил союзников на Западном фронте. Наконец яростная антисоветская кампания, которую вели в западных странах, укрепляла уверенность гитлеровцев в том, что Англия и Франция всерьез воевать против Германии пока не собираются и можно, в относительно спокойной обстановке, неожиданно для англо-французских союзников, осуществить свои дальнейшие военные планы.

Глава III

К ЧЕМУ ПРИВЕЛА «СТРАННАЯ ВОЙНА»

Политика малых стран Северной и Западной Европы накануне войны

Политика поощрения фашистской агрессии и сговора с Германией, проводившаяся в последние предвоенные годы Англией и Францией, весьма осложнила положение малых стран Европы. Особенно тяжелая ситуация складывалась для тех стран, которые были расположены между двумя враждебными группировками. В Западной Европе такими странами были Бельгия, Голландия, Люксембург, в Северной — Дания и Норвегия. Угрожающее положение создавалось для Швеции и Швейцарии.

Истинная безопасность всех этих государств могла быть обретаена только в общеевропейской системе коллективной безопасности. За создание такой системы, как известно, неустанно боролся Советский Союз. Однако его борьба была сорвана правящими кругами империалистических государств, избравшими иной курс — курс поощрения фашистской агрессии на Восток, против Советского Союза.

Народы малых государств в своем подавляющем большинстве относились к фашистской Германии резко отрицательно и были полны решимости отстаивать свою независимость. Они рассчитывали, что в случае германской агрессии получат вооруженную поддержку со стороны Франции и Англии. Однако политика сговора последних с нацистами вносила смятение, сеяла семена недоверия и подозрительности: не пожертвуют ли Англия и Франция интересами малых стран ради достижения соглашения с гитлеровской Германией? Начиная с заключения англо-германского морского соглашения в июне 1935 г., тяжелое состояние тревоги и недоверия уже не покидает малые государства.

Правящие круги этих государств заявили о своем намерении соблюдать строгий нейтралитет. Однако было мало вероятно, что великие державы посчитаются в случае войны с их нейтралитетом.

Опасаясь вызвать неудовольствие гитлеровской Германии и фашистской Италии, малые государства Северной и Западной Европы стали демонстрировать свой отказ от противодействия актам фашистской агрессии, следовавшим один за другим.

В связи с обсуждением в Лиге Наций вопроса о применении к Италии, напавшей на Эфиопию, санкций, предусмотренных ст. 16 Устава Лиги, Голландия, Бельгия, Люксембург, Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция заявили, что они не будут считать себя связанными соответствующими решениями Лиги Наций. Тем самым они наносили удар по попыткам организации коллективной защиты мира от агрессии, наносили непоправимый ущерб своей собственной безопасности. С того времени эти страны все более и более старались ни делом, ни словом не навлечь на себя гнев более сильных соседей. Однако такая страусовая политика не сулила добра народам малых стран.

Дания, Норвегия и Швеция совместно с Бельгией и Голландией пытались координировать свои внешнеполитические мероприятия, подобно тому, как в начале тридцатых годов они координировали свою внешнеторговую политику, находясь в так называемой группе государств Осло. В апреле 1938 г. эти государства на конференции стран Осло приняли решение о нейтралитете. 27 мая 1938 г. в Стокгольме Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция приняли декларацию об установлении одинаковых законов о нейтралитете в каждой из этих стран¹.

14 апреля 1939 г. президент Рузвельт обратился к правительствам Германии и Италии с предложением дать гарантии 30 европейским государствам, что на них в течение 10 лет не будет совершено нападения. В ответ Гитлер обратился ко всем этим государствам с провокационным запросом, чувствуют ли они угрозу нападения

---

¹ См. Norway and the War September 1939 — December 1940 Ed. by M. Curtis. London, 1941, № 1, p 17.

со стороны Германии, и предложил заключить двусторонние договоры о ненападении. Все государства ответили, что они такой угрозы не испытывают. Лишь Дания согласилась на заключение договора, который и был подписан в июне 1939 г.

В день нападения Германии на Польшу малые страны Западной и Северной Европы объявили о своем нейтралитете в начавшейся войне. Со своей стороны, воюющие державы обещали уважать их нейтралитет. Однако мало кто верил, что эти обещания будут выполнены. Гитлеровская Германия, заявляя о своем намерении уважать нейтралитет скандинавских государств, а также Бельгии, Люксембурга и Голландии, заведомо вводила мир в заблуждение. Еще в мае 1939 г. Гитлер принял решение в случае войны с Англией и Францией захватить Бельгию и Голландию. На совещании главнокомандующих 23 ноября 1939 г. Гитлер заявил: «Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет об этом спрашивать после нашей победы»².

Оккупация Дании

Для Дании — маленькой страны с четырехмиллионным населением — положение складывалось в условиях «странной войны» почти отчаянное.

На протяжении долгих лет своей истории Дания была тесно связана с Англией и Германией, являясь постоянным поставщиком продовольствия в эти страны.

С 1929 г. у власти в Дании находилось коалиционное правительство социал-демократов и радикалов во главе с лидером социал-демократов Стаунингом. Пост министра иностранных дел в этом правительстве занимал радикал Петер Мунк, убежденный сторонник политики непротивления агрессорам. В начале тридцатых годов среди зажиточной части сельского населения страны, пострадавшего от кризиса, распространились профашистские настроения, шедшие из Германии. Носителями этих настроений были главным образом немцы, проживавшие в провинции Северный Шлезвиг, которая неоднократно была объектом агрессивных устремлений Гер-

---

² International Military Tribunal, vol XXVI, Doc. 789—PS, p. 335

мании. Здесь фашисты всячески подогревали сепаратистские настроения, выступая с требованиями присоединения Северного Шлезвига к рейху. В остальной части Дании выступления датских фашистов во главе с их лидером ветеринарным хирургом Фрицем Клаузенем не только не нашли поддержки, но вызвали тягу к консолидации антифашистских сил. В первых рядах антифашистов выступала Коммунистическая партия Дании. В июне 1938 г. коммунисты потребовали от правительства принять срочные меры для организации обороны страны. Только в январе 1939 г. датские социал-демократы отказались от своей политики непротivления агрессии, и правительство начало принимать некоторые меры по обороне. Однако и времени и возможностей для этого оставалось мало.

Всей своей предвоенной политикой правящие круги Дании способствовали созданию в стране психологии обреченности в случае мирового конфликта.

С середины тридцатых годов Дания все больше отходит от активного участия в вопросах международной политики. Поворотным пунктом было заключение в июне 1935 г. англо-германского морского соглашения, в результате которого германский военно-морской флот становился фактическим хозяином в западной части Балтики. Для Дании, имевшей сухопутную границу с Германией и не имевшей естественных оборонительных рубежей, положение складывалось трагически.

Фактически Дания была окружена Германией. Вопрос о Северном Шлезвиге продолжал, подобно дамоклову мечу, висеть над страной. Под влиянием этих обстоятельств датское правительство повело политику, противоречившую ее национальным интересам. Широко распространенное на Западе заблуждение, что германские агрессивные планы направлены исключительно против Советского Союза, разделялось и некоторыми ответственными датскими политическими деятелями. Дания начала выступать против коллективных мероприятий ряда государств, направленных на обуздание фашистских агрессоров, в надежде, что таким путем ей удастся уберечь свою независимость. Однако безопасность Дании могла быть обеспечена только в рамках системы коллективной безопасности.

Правда, отношение к фашистской агрессии со стороны Англии и Франции было таково, что малые государства, в том числе и Дания, имели полное основание полагать, что в случае нападения Германии ни Англия, ни Франция не окажут им поддержки. Английский министр Иден сделал в этом духе заявление премьеру Стаунингу и министру иностранных дел Мунку. Под влиянием всех этих обстоятельств состояние бесперспективности все более охватывало ответственные политические круги Дании. В марте 1937 г. Дания отвергла предложение Швеции о заключении пакта взаимной помощи северных стран, утверждая, что ей никто не угрожает. В августе 1939 г., а затем 1 и 3 сентября 1939 г. Дания объявила о своем нейтралитете и по-прежнему не принимала реальных мер защиты. Во время первых месяцев войны Дания вела торговлю с воюющими державами, стараясь сохранять в своей внешней торговле доли участия Англии и Германии на довоенном уровне. В то же время Дания вместе с другими государствами группы Осло выступила против мероприятий, объявленных Англией для блокады Германии, в частности против решения о захвате всех товаров германского происхождения. Германское влияние постепенно усиливалось. В правительстве укреплялись пораженческие настроения, особенно после заявления английского морского министра У. Черчилля скандинавским журналистам о том, что в случае германского нападения на Данию союзники не смогут оказать ей помощь³. Вместо того, чтобы пресечь враждебную подрывную деятельность датских нацистов, правящие круги Дании развязали антикоммунистическую кампанию, отстранили коммунистов от занимаемых ими в профсоюзах постов и тем самым нанесли значительный ущерб делу национального сплочения перед лицом угрозы германского вторжения.

Между тем с середины декабря 1939 г. германский генеральный штаб занимался разработкой операции по захвату Норвегии и Дании. В начале января из Германии начали поступать в Копенгаген тревожные сведения 19 января 1940 г. риксдаг принял резолюцию, в которой

---

³ См. John Danstrup. A History of Denmark Copenhagen, 1947, p. 167.

говорилось, что Дания окажет сопротивление любому захватчику, кем бы он ни был. Однако это решение осталось на бумаге.

29 февраля 1940 г. Гитлер утвердил план оккупации Норвегии и Дании, представленный генералом фон Фалькенхорстом.

Как установило специальное расследование, произведенное в Дании после войны, в течение января и февраля из Берлина от датских официальных лиц были получены предупреждения о готовящемся нападении. Однако правительство продолжало игнорировать опасность, которая приближалась с каждым днем. Между тем германские секретные агенты собирали последние данные, которые должны были облегчить германскому командованию внезапный захват Дании. Как рассказывает голландский историк Луи де Йонг, 4 апреля в Копенгаген под видом обычного пассажира прибыл командир немецкого батальона майор Глейн для личного осмотра пристани и подступов к ней (ему был поручен захват городских укреплений). Беспечность датской охраны была так велика, что все нужные ему сведения он легко получил от не в меру болтливого датского сержанта. На следующий день Глейн с полученными им ценными сведениями вылетел в Берлин⁴. 7 апреля в Копенгаген прибыл под видом высокопоставленного гражданского чиновника не кто иной, как начальник штаба германских войск, предназначенных для захвата Дании, генерал-майор фон Химер, который лично произвел осмотр подступов к Копенгагенской цитадели и в дальнейшем с помощью местных нацистов и прибывших немецких солдат захватил цитадель⁵. Активная поддержка агрессорам была оказана немецкими фашистами, проживавшими в Северном Шлезвиге.

Датское правительство в первых числах апреля уже располагало достаточной информацией о готовящемся нападении. Наконец, два датских журналиста в Берлине Якоб Кроник и Хельге Кнудсен опубликовали в датских газетах от 5—8 апреля тревожные статьи о готовящемся вторжении. Но и в этот поздний час мало что было сде-

---

⁴ Л. де Йонг. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958, стр. 261—262

⁵ Там же, стр. 262

лано. На рассвете 9 апреля германские войска внезапно вступили на территорию Дании. Охрана королевского замка Амалиенбург пыталась оказать сопротивление, однако то были лишь единичные попытки. В тот же день датский король Христиан и правительство приняли решение о капитуляции.

Вторжение гитлеровской Германии в Норвегию

Ко времени событий, о которых идет речь в этой книге, исполнилось 35 лет со дня провозглашения независимости Норвегии и 120 лет ее неучастия в войнах. Историческая судьба Норвегии складывалась по-разному на протяжении веков. В продолжение четырех столетий, с XV до XIX в. Норвегия находилась в унии с Данией и была ей подчинена. Затем более ста лет она была в унии со Швецией и также находилась в подчиненном положении. Только в 1905 г. она обрела независимость. Это была по преимуществу сельскохозяйственная страна с хорошо развитым рыбным промыслом. Индустриализация Норвегии долгое время тормозилась из-за отсутствия угля. С 1920 г. в Норвегии широко используется шпигбергенский уголь, и положение ее промышленности значительно улучшилось. Одновременно в стране начали строиться гидроэлектростанции. Промышленность росла, и вместе с ней рос и норвежский рабочий класс. В 1928 г впервые в истории страны к власти пришли социал-демократы — Норвежская рабочая партия. Норвежская буржуазия и аристократия организовали саботаж, начался отлив капиталов из страны, и «рабочее» правительство было вынуждено через две недели выйти в отставку.

Приход к власти в Германии гитлеровцев был с одобрением встречен норвежскими высшими кругами, так как они видели в германских фашистах защиту от социальных потрясений. Особенно большое воздействие оказывали на правящие круги Норвегии заявления гитлеровских главарей, что Германия станет крепостью западного мира против большевизма.

В 1933 г. офицер норвежской армии майор Квислинг создал фашистскую организацию «Национальное единение». Однако, вопреки его расчетам, норвежская буржуазия не оказала норвежским фашистам значительной

поддержки. «Крайности нацизма», как называли на Западе разгул фашистского террора в Германии, несколько смущали и беспокоили норвежскую буржуазию. Квислинговцам не удалось завоевать влияние среди норвежцев. На выборах в стортинг они получили одно место и были вынуждены этим довольствоваться. Не получив поддержки изнутри, норвежские фашисты окончательно превратились в агентуру германских фашистов. Лидеры норвежских нацистов Квислинг и Хагелин часто приезжали в Берлин, поддерживали тесную связь с одним из ближайших подручных Гитлера Альфредом Розенбергом.

В 1935 г. к власти вновь пришла норвежская «рабочая партия». Норвежская буржуазия вскоре убедилась, что рабочая партия приняла на себя задачу охраны интересов господствующих классов.

Норвежская рабочая партия пришла к власти как раз в тот момент, когда гитлеровская Германия порвала Версальский договор и заявила о введении всеобщей воинской повинности. Правительство Нюгорсволла объявило, что будет придерживаться, подобно другим скандинавским государствам, нейтралитета. На деле норвежский нейтралитет означал одновременно и отказ от активного участия в международных делах — наивная и опасная надежда уберечь себя, закрывая глаза на то, что происходит в мире. Правительство Нюгорсволла старалось проводить политику балансирования, не примыкая ни к одной группировке. Но даже в своих отношениях с соседями — со Швецией, Данией, Финляндией — Норвегия уклонялась от участия в обсуждении вопросов военного характера. Подобно другим странам «группы Осло», Норвегия во время итало-эфиопской войны объявила о своем неучастии в санкциях против Италии. На основании декларации Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции об установлении одинаковых законов о нейтралитете, Норвегия приняла соответствующий закон⁶. Накануне войны Норвегия отвергла предложение Германии заключить договор о ненападении, заявив, что Германия ей не угрожает⁷. В первые же дни мировой войны Норвегия объявила о своем нейтралитете.

---

⁶ См. Norway and the War. Op. cit., № 17, p. 22

⁷ Ibid., № 4, p. 26.

Хотя опасность нападения Германии была явной, правительство, как показало официальное расследование, произведенное стортингом после войны, не приняло необходимых мер безопасности, и страна оказалась неподготовленной в военном отношении.

Англия и Германия объявили о своем намерении уважать нейтралитет Норвегии; на деле же как та, так и другая воюющие стороны мало считались с норвежским нейтралитетом. Нарушения норвежских территориальных вод, потопление норвежских судов «неизвестными» подводными лодками, ограничения торговли были частыми явлениями. Немцы потопили в период «странной войны» 54 норвежских судна общим водоизмещением 120 тыс. тонн. При этом погибло 600 норвежских граждан⁸.

Руководитель норвежских нацистов Квислинг давно готовил план установления фашистского режима в Норвегии. Однако ни сил норвежских фашистов, ни средств, которыми они располагали, недостаточно было для претворения замыслов Квислинга в жизнь. Квислингу удалось заинтересовать своим планом Розенберга Норвежский «фюрер» получил субсидии. Однако предложенный им план захвата власти был встречен в высших германских военных кругах с недоверием. 11 декабря 1939 г. Квислинг и Хагелин были приняты командующим германскими военно-морскими силами гросс-адмиралом Редером. План Квислинга был доложен затем Гитлеру и по его приказу подвергнут изучению, после которого был забракован. У германского военного командования был собственный план захвата Норвегии, который они начали готовить еще в октябре 1939 г. Квислинга было решено держать «в резерве» и во второй половине января германский агент Шейдт передал Квислингу до 100 000 марок⁹. Германское военное командование, опасаясь преждевременного разглашения данных о намечавшемся захвате Норвегии, держало их в секрете и от норвежских нацистов, рассчитывая, по видимому, использовать последних на более поздней стадии. Предатели норвежского народа продолжали

---

⁸ См. Amenda Johnson. Norway, her Invasion and Occupation USA, 1948, p. 2.

⁹ См. Documents on German Foreign Policy. Series D, vol VIII, p. 797

между тем снабжать гитлеровцев военно-стратегической информацией, которая должна была помочь осуществлению оккупации Норвегии. 4 апреля Квислинг тайно встретился в Копенгагене с полковником Пикенброком, занимавшим крупный пост в германской военной разведке, и сообщил ему ряд сведений о расположении норвежских оборонительных позиций¹⁰.

Незадолго до вторжения в Норвегию гитлеровцы предприняли «психологическую атаку» на норвежцев. Немецкая миссия в Осло пригласила двести высокопоставленных норвежских граждан на просмотр фильма о разгроме Польши. Германский посланник Бройер, выступая перед просмотром, нагло заявил, что этот фильм должен многим открыть глаза и указать на ту линию, которой им следует придерживаться¹¹. Утром 9 апреля Бройер передал ультиматум германского правительства, в котором заявлялось, что оно решило оккупировать Норвегию якобы для предупреждения подобной же акции англо-французов и требовало не оказывать немецким вооруженным силам сопротивления. Однако норвежские батареи встретили захватчиков метким огнем. Был потоплен тяжелый немецкий крейсер «Блюхер» и легкий крейсер «Карлсруэ». Крейсер «Кенигсберг» получил повреждения и на следующий день был потоплен английской авиацией. Но силы были не равны. 9 апреля в руках немцев оказалось все побережье Норвегии.

Норвежское правительство отказалось капитулировать и заявило, что оно будет бороться. В то же самое время Квислинг объявил об образовании нового правительства под его руководством и отдал приказ о прекращении военных действий и отмене приказа о мобилизации. Весь север Норвегии сразу же был захвачен немецкой армией.

Англия и Франция также разработали планы операций в Скандинавии.

Заключение мира между Советским Союзом и Финляндией опрокинуло англо-французские планы изменения направления и характера войны. Снова в центре внимания стал вопрос о прекращении доставки шведской

---

¹⁰ См. Л. де Ионг. Цит. соч., стр. 276

¹¹ См. Amenda Johnson. Op. cit., p 4

руды в Германию и об использовании территории Норвегии для установления опорных баз для авиации и флота союзников. 28 марта 1940 г. был создан Верховный военный совет союзников для обсуждения планов дальнейшего ведения войны. Было принято давно внесенное Черчиллем предложение о минировании норвежских территориальных вод и об использовании экспедиционных сил, предназначенных для войны против СССР в Финляндии, для высадки в Норвегии.

8 апреля норвежские территориальные воды были частично минированы союзниками. Англичане обнаружили немецкий флот, направлявшийся к берегам Норвегии, но только утром 9 апреля Англия и Франция получили подтверждающие сведения и убедились в том, что немцы их опередили и высадились в Дании и Норвегии.

14 апреля англо-французские войска высадились в Северной Норвегии. Однако военные действия развернулись для них неудачно. Потерпели поражение они и в Центральной Норвегии, 7—8 июня англо-французские войска эвакуировались.

14 апреля германский главнокомандующий в Норвегии генерал Фалькенхорст обратился к норвежцам с воззванием, в котором угрожал: «Если будет продолжаться сопротивление и рука дружбы будет отвергнута, я буду вынужден использовать наиболее суровые и безжалостные средства, чтобы сокрушить такое сопротивление».

Каждый, кто будет помогать мобилизации, объявленной бывшим, ныне эвакуировавшимся, правительством, а также каждый, кто будет распространять ложные слухи,— будет предан военно-полевому суду. Любое гражданское лицо, у которого будет найдено оружие, будет расстреляно. Каждый виновный в повреждении средств транспорта или связи или общественных предприятий будет расстрелян»¹².

Но ни угрозы, ни свирепые репрессии, с которыми вскоре обрушились на норвежцев немецко-фашистские захватчики, не сломали волю норвежцев к свободе и независимости. Борьба продолжалась Правительство Нью-

---

¹² Norway and the War, p 74

горсволла, получив мандат стортинга на ведение войны за освобождение Норвегии, если потребуется извне, 7 июня покинуло страну и обосновалось в Лондоне. Туда же отбыла королевская семья. 10 июня норвежские вооруженные силы вынуждены были сложить оружие. Многие норвежцы бежали в Англию. На сторону Англии и Франции перешел норвежский коммерческий флот, насчитывавший около тысячи судов, водоизмещением в 4 млн. тонн и 25 тыс. моряков. В Канаде норвежские летчики обучались летному делу. В Шотландии начали формироваться норвежские экспедиционные силы. Но главное заключалось в том, что норвежский народ не покорился захватчикам на своей земле и продолжал вооруженную борьбу. Она вступила в новую стадию: началось движение Сопrotивления.

Оккупация Нидерландов (Голландии)

Еще более опасная, чем в Скандинавии, создавалась ситуация для государств, расположенных между Германией и Францией, и прежде всего для Нидерландов, Бельгии и Люксембурга.

События первой мировой войны пощадил Нидерланды, ибо немцы в то время решили использовать голландскую территорию в качестве перевалочной базы германской торговли. Это обстоятельство наложило отпечаток на политику Голландии в последующие годы и послужило почвой для иллюзий, что и в новой войне Голландии удастся сохранить свой нейтралитет. Между тем события предвоенных лет должны были, казалось, рассеять у голландских политических деятелей сомнения на этот счет.

Как Нидерланды, так и Бельгия не могли остаться в стороне от смертельной схватки за мировое господство, ибо не только их специфическое географическое положение, ресурсы, промышленность должны были стать подспорьем для военной экономики одной из воюющих сторон, но и их значительные колониальные владения: Индонезия, в то время именовавшаяся колонизаторами Голландской Индией, принадлежавшая Нидерландам, и Конго — бывшая колония Бельгии — служили предметом вожделений фашистских агрессоров

Нидерланды — страна с населением в 8,5 млн. человек — эксплуатировала индонезийский народ, составлявший в то время 70 млн. человек. Вложения Голландии в индонезийскую экономику были значительны — 23% национального дохода (около 5 млрд. долларов). Искусственно тормозя развитие промышленности в Индонезии, голландские капиталисты использовали богатейшие ресурсы этой страны для своего обогащения. Немудрено, что немецкие и японские капиталисты тянули руки к «голландскому наследству»¹³.

Подобно другим государствам «группы Осло» Голландия после 1936 г. все больше и больше отходит от участия в решении острых международных проблем. Провозглашая политику «нейтралитета», Голландия решительно выступала против коллективной безопасности. А между тем это был единственный реальный залог безопасности страны! Заявляя о нейтралитете, правящие классы страны проводили резко антисоветскую политику. Перед второй мировой войной Голландия была в числе тех немногих европейских государств, которые «не признавали» Советский Союз. В стране были значительны прогерманские симпатии. Неслучайно, что после свержения монархии в Германии бывший кайзер Вильгельм нашел пристанище и до конца своих дней проживал в Дорне. Гитлеровская агентура свила себе в Голландии прочное гнездо. Наиболее рьяным поборником фашизма выступала в Голландии партия «Национал-социалистское движение» во главе с Антоном Муссертом. Однако значительным влиянием среди народа она не пользовалась. Голландские фашисты поддерживали связь со своими немецкими собратьями. Ближайший помощник Муссерта Рост ван Тоннинген в течение многих лет был связан с Гиммлером¹⁴. Более значительным влиянием, чем в метрополии, голландские нацисты пользовались среди голландского населения Индонезии.

Однако не эти силы определяли политику Голландии. В продолжение многих лет у власти находились коалиционные правительства, в которые голландские нацисты не входили. Накануне войны и в начале ее у власти

¹³ Hendrik Riemens. The Netherlands Story of a free People. New York, 1944, p. 127.

¹⁴ См. Л. де Йонг. Цит. соч., стр. 305

находилась широкая коалиция буржуазных партий с участием социалистов.

Политика отказа от коллективной безопасности, боязнь быть втянутыми в военный конфликт, стремление сбалансировать свою политику таким образом, чтобы не вызывать раздражения ни у одной из враждебных сторон, объективно препятствовала своевременной подготовке к обороне. Только в 1938 г., когда явственно обозначилась угроза войны в Европе, был принят закон об увеличении сроков военной службы и создании мобильной армии для обороны границ. В конце августа 1939 г. в Голландии была проведена мобилизация. 1 сентября Нидерланды объявили о своем нейтралитете. Нервозность первых дней войны вскоре в связи с полным затишьем, наблюдавшимся на Западном фронте, сменилась надеждой на то, что Нидерландам удастся сохранить свой нейтралитет. В то же время выяснилось, что голландский народ настроен против Германии. Однако целесообразность выступления на стороне союзников вызвала в Голландии большое сомнение. «Вступление в войну на стороне союзников оправдывало бы германское нападение. Способны ли союзники послать нам вовремя достаточные подкрепления? Мы в этом весьма сомневались»¹⁵, — таково было, по словам известного голландского публициста де Йонга, настроение во время «странной войны». Кроме того, сами союзники всячески успокаивали голландцев своими утверждениями, что немцы не посмеют начать наступление на Западе. Но следовательно и Голландии тогда опасаться нечего. Не кто иной, как начальник английского имперского генштаба генерал Айронсайд хвастливо заявлял, что армии союзников будут только очень рады встретить немцев, если они осмелятся начать наступление на Западном фронте¹⁶. Несмотря на успокаивающие заявления союзников, 100 млн. гульденов было ассигновано с началом войны на оборонительные мероприятия. В то же время Нидерланды упорно уклонялись от вступления в штабные переговоры не только с Англией и Францией, но даже и со своим ближайшим соседом Бельгией, опасаясь, что это станет известным в Берлине. Голландские правящие

¹⁵ L. de Jong. Holland fights the Nazis, p. 5

¹⁶ Ibid., p. 6.

круги надеялись, что война еще может принять иной оборот: на Западе будет достигнут мир, а немцы пойдут против большевиков. Голландская королева вместе с бельгийским, шведским, норвежским королями и с одобрения Ватикана несколько раз во время «странной войны» выступала с предложением посредничества.

Объективно такие предложения шли на пользу гитлеровской Германии, которая под покровом разговоров и слухов о мире готовилась к наступлению на Западе. В последних числах октября пронесся слух, что на днях начнется германское вторжение в Голландию. 1 ноября 1939 г. в восьми провинциях Голландии было объявлено осадное положение. Через 10 дней — 11 ноября произошел инцидент на голландско-германской границе в Венло, когда германские агенты похитили английских офицеров разведки и убили голландского офицера. Напряженность резко усилилась. Панические слухи о германских шпионах распространялись повсеместно.

В 20-х числах ноября Англия и Франция объявили о введении осмотра судов нейтральных стран и конфискации товаров немецкого происхождения. Протест Голландии был отклонен. Немцы, со своей стороны, угрожали нейтралам, что если они подчинятся этому решению, их суда будут пущены ко дну. Эта угроза была быстро приведена в действие, и ряд голландских кораблей стал жертвой «неизвестных» подводных лодок. Положение Голландии осложнялось с каждым днем.

Обманчивые надежды, что Голландии удастся избежать нападения Германии, так как война получит иное направление, вновь ожили в связи с советско-финской войной. Правящие круги Голландии решительно включились в антисоветскую кампанию. Победа Красной Армии и подписание советско-финского мирного договора были восприняты голландскими реакционными кругами, как тяжкий удар. Теперь вновь возникал роковой вопрос, как долго Голландия еще может продолжать политику балансирования. Здравый смысл подсказывал необходимость установления контакта с союзниками. Однако сомнение в возможности получения своевременной помощи от Англии и Франции, которое имело весьма серьезные основания, сковывало действия Голландии и ставило ее в тяжелое положение.

В начале января произошло событие, оказавшее значительное влияние на дальнейший ход дел — так называемый мешеленский инцидент.

Гитлер решил начать наступление на Западе в январе. Были составлены соответствующие планы. Для уточнения плана военно-воздушной операции в районе Намюра германское командование созвало в Мюнстере совещание. Один из участников совещания майор Рейнбергер получил задание вылететь в Кёльн для согласования вопросов взаимодействия. У Рейнбергера были на руках важнейшие оперативные документы, летать с которыми категорически запрещалось. Тем не менее Рейнбергер полетел на самолете, управляемом его приятелем майором Хенмансом. Самолет из-за плохой погоды приземлился на бельгийской территории. Рейнбергеру удалось уничтожить часть документов, но ознакомление с уцелевшей частью, которая попала в руки бельгийских властей, убедительно показывало, что речь идет о готовящемся генеральном наступлении на Западном фронте, которое предусматривало вступление немецко-фашистских войск на территории Бельгии и Голландии. Англия и Франция были немедленно поставлены в известность о захваченных документах. Однако там многие считали, что история в Мешелене — трюк, подстроенный немцами с целью дезинформации, и сохранили неизменным свой первоначальный план оборонительной войны от ноября 1939 г. Это был грубый просчет англо-французского командования¹⁷.

Германское же командование внесло существенные коррективы в свой план.

Из инцидента в Мешелене-сюр-Мёз и из информации, которая исходила от итальянского министра иностранных дел Чиано¹⁸, в Бельгии и Голландии стало известно о готовящемся нападении.

Однако даже после этих сигналов Голландия не решилась на эффективные меры обороны страны.

Больше того, дабы не раздражать гитлеровскую Германию, 5 февраля был уволен в отставку главнокоман-

---

¹⁷ Подробное исследование Мешеленского инцидента сделано В. Дашичевым в статье «Мешеленский инцидент и немецкий план разгрома Франции». Военно-исторический журнал. 1959, № 3

¹⁸ См. *The Initial Triumph of the Axis*, p. 154—155.

дующий голландской армией генерал И. Н. Рейндерс, который предлагал принять серьезные меры для обороны страны¹⁹.

Вторжение в Данию и Норвегию заставило голландское правительство принять некоторые меры предосторожности.

Состояние тревоги было объявлено во всех приграничных и прибрежных укреплениях, а 19 апреля осадное положение было распространено на всю страну. Сообщение о захвате власти в Норвегии Квислингом вызвало волну шпиономании и подозрительности, особенно усилившейся в связи с раскрытием действительного немецкого шпионского центра, во главе которого стоял германский атташе в Гааге²⁰. 4 мая Иозеф Мюллер, известный уже читателю, сообщил голландским властям о намечающемся вторжении.

Однако страх спровоцировать Германию был столь велик, что даже теперь голландское правительство не решилось хотя бы сообщить союзникам эти крайне важные сведения, опасаясь, что немцам станет об этом известно!

Политика реакционных клерикальных партий, стоявших у власти и пользовавшихся поддержкой социал-демократов, была политикой обреченных. Демократические же силы были разобщены, голландская компартия еще слишком слаба, чтобы объединить силы народа для борьбы с приближавшейся угрозой и создать соответствующий психологический перелом, без которого нельзя было рассчитывать на успех.

10 мая, в 4 часа утра, немецко-фашистские дивизии вторглись в Голландию. Голландия объявила о своем присоединении к Англии и Франции и обратилась к ним за помощью.

О настроении в правящих кругах Голландии красноречиво говорит следующий факт: когда на рассвете 10 мая 1940 г. германский посланник в Гааге граф фон Цех вручил ультиматум германского правительства министру иностранных дел ван Клеффенсу, германские тан-

---

¹⁹ См. *The Initial Triumph of the Axis*, p. 136.

²⁰ См. *E. N. van Kleffens. The Rape of the Netherlands*. London, 1940, p. 97

ки уже шли по голландской земле, а самолеты со свастикой сбрасывали свой смертоносный груз на беззащитные города страны, но голландский министр иностранных дел сердечно попрощался с фон Цехом и пожал ему руку²¹.

Голландская армия храбро сражалась, но не могла противостоять превосходившей ее по боевой выучке и технической оснащенности германской армии. Выброшенные в разных частях страны германские парашютные десанты дезорганизовали оборону страны. Голландская авиация была полностью уничтожена в первые же дни. Германская авиация подвергла варварской бомбардировке Роттердам, во время которой погибло 30 тыс. человек.

12 мая королевская семья уехала в Лондон. 15 мая голландская армия сложила оружие. Значительное число торговых судов успело уйти в Англию или укрыться в портах нейтральных государств. Уже в Лондоне был объявлен призыв мужчин с 21 до 36 лет и начал формироваться «Нидерландский легион».

Вскоре на территории Голландии развернулась мужественная борьба патриотов за освобождение страны.

Поражение армий союзников в Бельгии

Бельгия — страна с высокоразвитой промышленностью — находилась в весьма опасном положении. В 1914 г. она уже была жертвой германского нападения. Ее нейтралитет был во время первой мировой войны беззастенчиво попран, а торжественные обязательства кайзеровской Германии уважать этот нейтралитет были нарушены.

Во время первой мировой войны бельгийцы испытали все ужасы иноземной оккупации, а разрушение немцами бельгийского города Лувена стало синонимом современного варварства.

После окончания первой мировой войны Бельгия, учитывая печальный опыт, решила продолжать союзнические отношения с Францией. В 1920 г. между французским и бельгийским генеральными штабами было достигнуто соглашение о военном сотрудничестве в случае

²¹ E. W. van Kleffens Op cit., p 125

возобновления германской агрессии²². В 1925 г. Бельгия получила гарантию своих границ по Локарнским соглашениям.

В тридцатых годах в Бельгии влиятельные политические группировки, поддерживаемые королем Леопольдом, начали высказываться за пересмотр бельгийской политики союза с Францией. Объяснялось это в значительной степени тем, что Англия и Франция, нисколько не считаясь со своими младшими союзниками, постепенно делали гитлеровцам одну уступку за другой. Решающим моментом было занятие германскими войсками Рейнской демилитаризованной зоны, не встретившее никакого сопротивления со стороны Франции и Англии. Это было явное нарушение Версальского и Локарнских договоров. Получалось так, что договоры, на которых Бельгия основывала свою безопасность, фактически превратились в фикцию. Перед Бельгией вставал вопрос о дальнейшем направлении ее политики.

Единственно правильный путь, на который должна была вступить эта страна, равно, как и другие малые государства, заключался в борьбе за создание эффективной системы коллективной защиты от агрессора. И именно этот путь предлагал Советский Союз, который заключением договоров о взаимной помощи с Францией, Чехословакией, Монгольской Народной Республикой сам вступил на него. Только в рамках системы коллективной безопасности независимость каждой отдельной страны и всех вместе могла быть гарантирована и сохранена. Однако антисоветские настроения правящих кругов Бельгии, сильное влияние прогерманских кругов, с одной стороны, и поддержка частью бельгийской буржуазии курса на сговор с агрессорами, — с другой, сделали свое дело. За день до занятия немцами Рейнской области, 6 марта 1936 г. Бельгия заявила о прекращении действия франко-бельгийского военного соглашения 1920 г. Теперь же, после того как Франция и Англия отказались от сопротивления агрессивным действиям Германии, стремление к коренному пересмотру внешней политики Бельгии усилилось. 23 июля 1936 г. на конференции

---

²² См. Belgium. The official Account of what happened 1939—1940. London, p. 1.

держав «группы Осло» в Копенгагене, в которую входила и Бельгия, было декларировано, что они отныне не будут рассматривать по отношению к агрессору санкции, предусмотренные статьей 16 Устава Лиги Наций, как обязательные для себя.

23 апреля 1937 г. Бельгия заявила о своем отказе от Локарнских соглашений, а на следующий день Англия и Франция в совместной декларации заявили об освобождении Бельгии от локарнских обязательств с сохранением обязательств Англии и Франции прийти на помощь Бельгии в случае нападения на нее. Гитлеровская Германия, со своей стороны, заявила о готовности соблюдать нейтралитет Бельгии.

Эти две декларации стали основой нового курса бельгийской политики, получившего название «политика независимости».

В отличие от скандинавских государств Бельгия после перехода к политике нейтралитета начала уделять значительное внимание вопросам обороны, модернизируя армию, строя укрепления и производя большие закупки вооружения в Германии, Франции и Англии.

Однако внешняя политика Бельгии непосредственно накануне второй мировой войны практически играла на руку фашистским агрессорам. Многие видные политические деятели страны одобрили мюнхенский договор. Тогда им казалось, что безопасность Бельгии, подобно безопасности Франции и Англии, может быть найдена на путях «мюнхенской», антисоветской политики, и сговор с фашистами будет означать поворот фашистской агрессии на восток при гарантии безопасности Запада. Особенно радовались этому бельгийские колониальные круги, с беспокойством наблюдавшие за возрастанием колониальных требований Германии и не без основания опасавшиеся, что сделка между великими державами в колониальном вопросе может быть произведена за счет африканской колонии Бельгии — Конго и подмандатной территории — Руанда-Урунди. Победа «мюнхенского» курса в бельгийской политике выразилась и в том, что 24 февраля 1939 г. вслед за Англией и Францией Бельгия признала правительство генерала Франко²³.

²³ Jane Kathryn Miller. *Belgian Foreign policy between two Wars. 1919—1940*. New York, 1951, p. 264

Между тем ухудшилось не только внешнее, но и внутреннее положение Бельгии. На протяжении ряда лет в стране шла острая политическая борьба, вызываемая сепаратистским движением фламандских националистов. К тому же развивали интенсивную подрывную деятельность бельгийские фашисты, так называемые рексисты, во главе с Леоном Дегреллем. Особенно усилилось влияние фашистских организаций в пограничных округах Эйпен и Мальмеди, на которые претендовала гитлеровская Германия. По словам американского исследователя бельгийской внешней политики Джейн Кэтрин Миллер, фашистские организации в этих районах были настолько влиятельны, что в 1939 г. открыто вели пропаганду, а местные гаулейтеры сообщали в гестапо о всяком проявлении антигерманских чувств²⁴.

Внутриполитическая борьба в Бельгии обострилась в связи с активизацией деятельности судето-немецких фашистов, требовавших присоединения к Германии так называемой Судетской области Чехословакии. Их требования подстрекали бельгийских нацистов в Эйпене и Мальмеди и сепаратистов Фландрии к выставлению собственных претензий.

Объединенные в организации «Фронт верности отечеству» эйпен-мальмедские нацисты фактически были немецкими агентами. Что касается фламандских сепаратистов — членов так называемой «Фламандской Национальной Лиги», то их лидер Стаф де Клерк поддерживал постоянную связь с германской разведкой и получал денежные субсидии и пропагандистские материалы из Германии, которые были использованы для ведения пораженческой пропаганды среди солдат бельгийской армии фламандского происхождения²⁵.

Влияние рексистов Дегрелля — бельгийских фашистов — было незначительно, и на выборах в апреле 1939 г. они понесли сокрушительное поражение²⁶.

26 и 27 августа Англия, Франция и Германия заявили о том, что они намерены уважать нейтралитет Бельгии и неприкосновенность ее территории. 3 сентября Бельгия

---

²⁴ См. Miller Op. cit., p. 268

²⁵ См. Л. де Йонг. Цит. соч., стр. 309

²⁶ См. The Initial Triumph of the Axis, p. 146

декларировала свой нейтралитет в начавшейся войне, но в то же время провела мобилизацию армии. 600 тысяч человек, или 8% всего населения страны, было призвано под ружье. На оборону были отпущены значительные суммы. Однако оборонительные мероприятия оставляли желать много лучшего. Не были завершены фортификационные работы. Плохо обстояло дело с бельгийской авиацией. Бельгия рассчитывала на получение самолетов из Англии, но англичане отказались от поставок, так как сами испытывали большую нужду в военных самолетах²⁷.

Одновременно с провозглашением нейтралитета было сформировано правительство национального единства, возглавляемое Пьерло с включением пяти социалистов, среди которых были лидер социалистов де Ман и видный деятель социалистической партии Спаак, получивший портфель министра иностранных дел²⁸.

Правительство попыталось прежде всего нейтрализовать фламандских сепаратистов. В центральном правительственном аппарате департаменты были разделены на две части по языковому признаку — французскую и фламандскую. Единственным связующим звеном между обеими частями был глава департамента — генеральный секретарь²⁹.

Однако фламандские сепаратисты не только продолжали, но даже усилили свою подрывную деятельность, особенно в армии. Они призывали фламандских солдат к пассивному сопротивлению приказам. В одном из памфлетов под названием «Катехизис бдительного фламандского солдата», который не был запрещен властями, сохранился такой текст:

«Вопрос. Что должен делать фламандский солдат, если он получит приказ на французском языке?

Ответ. Он не может нарушить присягу под страхом сурового наказания. Но он может повернуться к приказу спиной, так как он не понял его»³⁰.

Смотря сквозь пальцы на подрывную пропаганду фламандских сепаратистов и нацистов, правительство

---

²⁷ См. Belgium Op. cit., p. 18

²⁸ См. Miller Op. cit., p. 271

²⁹ Ibid., p. 281

³⁰ Ibid

Бельгии преследовало прежде всего коммунистов. 17 ноября 1939 г. был закрыт центральный орган бельгийской компартии газета «*Vua dü пепль*» и приостановлен до марта 1940 г. выход других изданий партии. 12 марта 1940 г. был издан закон «О защите национальных институтов», который был немедленно применен против коммунистов. Были произведены массовые аресты. Генеральный прокурор Бельгии Ганехоф ван дер Мерг роздал тысячи ордеров на арест коммунистов³¹, в том числе и редакторов центрального органа компартии.

В то же время рексисты, фламандские сепаратисты, эйпенские нацисты продолжали свою враждебную деятельность. Бельгийское правительство следовало «лучшим образцам», копируя антикоммунистические действия правительства Даладье, и подобно тому, как это было во Франции, подрывало волю народа к сопротивлению. Далеко не случайно, что вскоре после капитуляции Бельгии один из министров, лидер социалистов Анри де Ман вернулся в Брюссель, где стал видным коллаборационистом, а сам премьер Пьерло также подумывал об официальном возвращении в столицу, занятую врагом³².

В области внешней политики правительство Пьерло колебалось между страхом перед гитлеровской Германией и желанием заручиться поддержкой Франции и Англии на случай вторжения Германии. Англо-французские союзники несколько раз предлагали Бельгии вступить в секретные штабные переговоры. Одно из этих предложений было сделано вскоре после разгрома Польши, но было отвергнуто бельгийским правительством 29 сентября 1939 г. Бельгийцы опасались навлечь на себя гнев гитлеровской Германии и в то же время не верили в своевременную эффективную помощь союзников: еще дымились руины польских городов, напоминавшие о трагической судьбе народа, которому Англия и Франция торжественно обещали оказать помощь. Все же страх перед германским нашествием взял верх. В начале ноября 1939 г. между союзниками и Бельгией было

---

³¹ См. *Le Parti communiste de Belgique dans la lutte pour la libération*. Bruxelles, 1944, p. 8.

³² См. *Hitler's Europe*. London, 1954, p. 477

достигнуто соглашение, по которому бельгийская армия должна была в случае вторжения занять оборону на линии Лувен-Намюр, союзные же войска по линии р. Мозер — Антверпен³³.

В то же время 7 ноября 1939 г. король Леопольд обратился к воюющим государствам с новым предложением о мире. Это предложение фактически признавало захват Германией Чехословакии и Польши, так как в нем ничего не упоминалось ни об их судьбе, ни об их будущем³⁴. Заявление Леопольда вызвало резкую критику в Бельгии. Оно также свидетельствовало об опасном для государства умонастроении короля, который по бельгийским законам был верховным главнокомандующим вооруженными силами. Предложение англо-французов о вводе их войск по приглашению бельгийского правительства еще до вторжения Германии было отклонено в этот момент.

13 января, после мешеленского инцидента, король Леопольд через английского офицера связи адмирала Рожера Кейса обратился к правительству Англии с запросом, может ли оно, в случае обращения Бельгии к нему за помощью для отражения германского нападения, дать заверения, что целостность Бельгии и Бельгийского Конго будут сохранены или восстановлены и Бельгии будет оказана после войны необходимая финансовая поддержка для восстановления бельгийских интересов.

Ответ английского правительства был уклончивым: оно заявляло, что не желает принять на себя категорических обязательств, которых быть может не сумеет выполнить к концу войны. Оно обещает рассмотреть самым благоприятным образом вопрос о сохранении территориальной и политической независимости Бельгии, но только при условии, что Англия получает немедленное разрешение на введение своих войск в Бельгию. Подобный же ответ последовал и от французского правительства³⁵.

Английский ответ произвел в Бельгии тяжелое впечатление³⁶.

---

³³ См. W. Churchill *The Second World War*, vol I, p 435.

³⁴ См. Miller. *Op. cit.*, p 274.

³⁵ *Ibid.*, p. 155

³⁶ См. Дашичев *Цит соч Военно-исторический журнал*, 1959, № 3, стр. 63

Бельгия отклонила 15 января предложение Англии и в дальнейшем последовательно отклоняла все англо-французские предложения о вводе войск союзников в Бельгию до начала военных действий.

Немедленно после вторжения Германии в Данию и Норвегию бельгийское правительство подтвердило свою политику нейтралитета. Между тем гитлеровцы приготовились к удару.

Начиная с 4 мая, сведения о готовящемся вторжении становились все более настойчивыми.

Наконец, на рассвете 10 мая гитлеровские армии вторглись в пределы Бельгии. Бельгийское правительство обратилось к Англии и Франции с призывом оказать немедленную помощь. В тот же день английские экспедиционные силы вступили на территорию Бельгии и заняли рубежи на р. Диль. Французская 1-я армия заняла позиции на правом фланге англичан. Сражение, начавшееся во Фландрии, развернулось для союзников неблагоприятно. 16 мая союзники начали отступление. Немецкие войска, развивая стремительные действия, сломили оборону на р. Маас и вступили на территорию Франции. Леопольд, который с самого начала не верил в возможность победы, все больше склонялся к капитуляции. Отступление английских и французских сил оказало решающее влияние на короля. 28 мая 600-тысячная бельгийская армия безоговорочно капитулировала перед вермахтом. Леопольд отказался покинуть бельгийскую территорию и добровольно сделался немецким пленником. Позиция Леопольда деморализовала народ. Правительство Пьерло осудило капитуляцию короля, однако, уstraшенное быстрым продвижением фашистских войск во Франции, уже 18 июня 1940 г. попыталось вступить в контакт с захватчиками для выяснения условий мира. Однако немцы, уже считавшие себя хозяевами Европы, даже не пожелали иметь дело с членами бельгийского правительства. 22 августа бельгийское правительство объявило о своем самороспуске.

Бельгийский народ, деморализованный в первое время страшным и молниеносным поражением, постепенно пробуждался к борьбе с захватчиками за свою свободу и независимость. Начал разгораться пожар национально-освободительной борьбы

Захват немцами Люксембурга

На территории маленького государства Люксембург, занимавшего площадь в 2,6 тыс км², проживало к началу войны всего 300 тыс. жителей. Это государство, расположенное между Германией и Францией, неизбежно становилось в создавшихся условиях жертвой войны. Независимость великого герцогства Люксембург и постоянный и невооруженный нейтралитет в качестве его статуса были признаны великими державами по Лондонскому договору 1867 г. Во время первой мировой войны территория Люксембурга была занята немецкими войсками.

Люксембург имеет крупные металлургические предприятия, занимавшие накануне второй мировой войны седьмое место в мировом производстве. В 1938 г. в Люксембурге было добыто 5 140 632 т железной руды и выплавлено 1 550 703 т чугуна и 1 436 506 т стали³⁷. С 1921 г. Люксембург находился в экономической унии с Бельгией, которая поглощала четверть промышленного экспорта Люксембурга.

Народу этой небольшой страны присущ высокий патриотизм, любовь к независимости и свободе. Начиная с 1933 г., люксембуржцы с растущей тревогой наблюдали за тем, что происходило в Германии. Гаулейтер провинции Кобленц-Трир Симон в своих речах неоднократно заявлял о намерении Германии захватить Люксембург. Дело дошло до того, что управление германской службы безопасности (СД) района Фульда-Верра вело систематическое наблюдение за жизнью немецкого меньшинства в Люксембурге³⁸. В Люксембурге орудовали пронемецкие организации, во главе с прибывшим из Эссена Генрихом Эммендорфом. Пятая колонна готовила условия для вторжения немецкой армии.

26 августа 1939 г. Германия заявила о своей готовности соблюдать нейтралитет Люксембурга. Аналогичное заявление было сделано через несколько дней и Францией. В начале войны и в дальнейшем немцы довольно бесцеремонно нарушали люксембургскую границу.

---

³⁷ См. Luxemburg and the German Invasion. Before and after The Luxemburg. Grey Book. London, 1942, p. 19.

³⁸ См Paul Weber. Geschichte Luxemburgs in zweiten Weltkrieg Luxemburg. 1948. S 13

Напряжение в стране возрастало. Мало кто сомневался в том, что Люксембургу угрожает опасность.

10 мая 1940 г. немецкие солдаты, переодетые в гражданскую одежду, вступили на территорию великого герцогства. С помощью пятой колонны они быстро захватили страну. 60 тыс. люксембуржцев ушло во Францию. Многие из них вступили добровольцами во французскую армию. Этот маленький героический народ проявил большую стойкость и мужество. И гитлеровцам, начавшим после разгрома Франции насаждать в Люксембурге свой «новый порядок», пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением. В авангарде борьбы с фашистскими оккупантами шли коммунисты

Разгром Франции

Уже через несколько дней после начала германского наступления на Западе война перешла на территорию Франции. 18 мая 1940 г. германские войска подошли к Амьену. 20 мая германские танки вышли к морю северозападнее Абвиля, затем к побережью Ла-Манша. 22 мая была занята Булонь, а на следующий день — Кале. Командование войсками союзников проявило полную неспособность и растерянность, сдавая без серьезных боев выгодные рубежи, вносило деморализацию в войска. В то же время солдаты и офицеры войск союзников сражались храбро и самоотверженно.

О растерянности и неспособности французского политического и военного руководства свидетельствует много фактов. Так, 15 мая французский премьер-министр Рейно сообщил по телефону руководителю английского военного кабинета У. Черчиллю, что фронт у Седана прорван, битва проиграна, и Франция потерпела поражение. Прибывший на следующий день во Францию Черчилль, к своему ужасу, узнал, что главное командование союзными войсками не располагает стратегическими резервами. За два дня до этого командующий 2-й группой войск генерал Хютцингер сдал без боя выгодные позиции под Седаном, открыв дорогу врагу. 17 мая главнокомандующий Гамелен заявил о безнадежности положения союзников. Генерал Вейган, сменивший на следующий день Гамелена на посту главнокомандующего, попытался нанести немцам поражение

наступлением с севера и с юга. Однако английские войска под командованием генерала Горта оставили фронт и отступили к побережью.

Между тем пораженцы во Франции подняли голову 18 мая маршал Петен был назначен заместителем председателя французского совета министров. Петен не скрывал своих пораженческих настроений. Занимая этот ответственный пост, он вел секретные беседы с франкистским послом в Париже Лекерика, который немедленно передавал в Мадрид соответствующую информацию для германского посла фон Штерера³⁹.

Вместе с Петеном в кабинет вошли и другие пораженцы: Бутийе, получивший пост министра финансов, и Прувост, возглавивший министерство информации. В кабинет были введены также известные своей антикоммунистической и антисоветской деятельностью Фроссар и Чичери.

Между тем 20 мая английское правительство приняло решение об эвакуации из Франции английских экспедиционных войск, отступавших в район Дюнкерка, а также находившихся в этом районе французских войск. Вечером 26 мая эвакуация на Британские острова началась. За два дня до начала эвакуации Гитлер отдал приказ танковым соединениям остановить продвижение в сторону Дюнкерка. Гитлер не решился бросить в бой танки, которые были необходимы для нанесения Франции решающего удара. Он предполагал, что ударов германской авиации будет достаточно, для того чтобы помешать эвакуации в Англию. Однако расчеты на авиацию не оправдались. Под прикрытием французских сухопутных войск и английской истребительной авиации, англичане, используя 860 судов и иные средства переправы, осуществили эвакуацию на Британские острова 338 тыс. человек, из них 139 тыс. солдат и офицеров из войск союзников. Эвакуация была прекращена 3 июня. 40 тыс. французских солдат, которых не сумели вывезти, попали в руки гитлеровцев. Помимо 243 судов, потопленных немецкой авиацией, союзники оставили врагу большое количество вооружения: 2300 орудий, 8 тыс. пулеметов Брена, 90 тыс винтовок, 82 тыс. автомашин.

---

³⁹ См Willard Op cit, p 84

400 новых противотанковых ружей, 7000 тонн снаряжения⁴⁰. Черчилль назвал Дюнкерк «величайшим военным поражением» союзников.

Однако эвакуация проверенных в боях кадровых солдат и офицеров была вместе с тем и большим выигрышем для Англии, ибо благополучный в основном исход ее вызывал патриотический подъем в Англии, а эвакуированные солдаты и офицеры стали костяком новой английской армии.

Первый этап настоящей, а не «странной» войны, показал, что Третья Республика может быть спасена только созданием подлинного национального правительства, вооружением народа, беспощадной борьбой с пораженцами и капитулянтами. С такой программой выступила коммунистическая партия Франции. Преследуемая правительством компартия Франции не сложила оружия. Еще 10 мая, в день начала германского наступления, интернированные на острове Д'Ой коммунисты потребовали своего освобождения для участия в борьбе за спасение отечества. 5 июня немцы начали второй этап наступления во Франции. На следующий день, 6 июня секретарь партии Бенуа Фрашон передал через посредство известного философа-коммуниста Жоржа Политцера (позднее он был расстрелян оккупантами) правительству Рейно следующие требования: 1) изменить характер войны, превратив ее в национальную войну за независимость и свободу; 2) освободить депутатов и военнослужащих коммунистов так же, как и десятки тысяч рабочих, находящихся в заключении, или интернированных; 3) немедленно арестовать агентов врага, которые гнездятся в парламенте, среди министров, а также среди мэров и примерно их наказать; 4) эти первые меры, которые нужно декретировать без промедления, возбудят народный энтузиазм и позволят поднять массы; 5) вооружить народ и превратить Париж в неприступную цитадель⁴¹.

То была развернутая программа борьбы за национальное спасение Франции. Однако правительство, в котором свили себе прочное гнездо капитулянты и изменники, не пожелало прислушаться к голосу народа,

⁴⁰ См. W. Churchill. The Second World War, vol I, p 125

⁴¹ См F Bonte Le chemin de l'honneur Paris, 1949, p 386

ибо больше всего оно боялось народных масс: разве не против народа была направлена «странная война», которая принесла столь гибельные плоды? Боязнь народного гнева подстегнула пораженцев к активизации их деятельности, направленной к капитуляции Франции перед фашистской Германией. 10 июня правительство покинуло столицу и обосновалось в Туре. Париж был объявлен открытым городом: это означало, что правительство решило сдать этот славный город — символ революций, независимости и славы Франции — без боя заклятому врагу.

Бывший министр вооружений Дотри в своих показаниях перед парламентской комиссией противопоставлял патриотический подъем французских рабочих в первую неделю июня пораженческим настроениям в верхах. Он привел пример бомбардировки заводов Ситроэна, которая вызвала много жертв и значительные разрушения «Уже на следующий день,— говорит Дотри,— все были на местах у станков, и мужчины, и женщины работали с жаром»⁴². 13 июня Дотри передал Рейно памятную записку, в которой подтверждал отличное моральное состояние рабочих на военных заводах⁴³.

Между тем пораженцы продолжали действовать

Вот, что рассказал об этом бывший министр в правительстве Рейно Луи Роллен в своих показаниях перед французской парламентской комиссией.

«Целая банда,— говорит Роллен,— была, очевидно, за перемирие. Бесспорно, военные — маршал Петен, генерал Вейган и адмирал Дарлан — были в сговоре. Уже в течение некоторого времени Петен имел в резерве заявление об отставке, которое он время от времени вынимал. Он угрожал уходом... в случае, если немедленно не попросят перемирия... Петен подошел к Дарлану и сказал: «Адмирал, мы совершим великое дело. Мы создадим новый режим. Мы создадим консулат и вы будете первым консулом»⁴⁴.

Пораженцы и капитулянты не гнушались никакими средствами, чтобы завершить свое черное дело. На заседании французского правительства 13 июня генерал Вейган заявил, что немцы вошли в Париж и что Торез занял

⁴² Les évènements. t VII, p 1965

⁴³ Ibid., p 1971.

⁴⁴ Ibid, t V, p 1393

Елисейский дворец (резиденцию президента республики.— А. Н.). Министр внутренних дел Мандель немедленно связался с префектом полиции Парижа Ланжероном, который опроверг эту ложь Вейгана. Вейган же, используя эту дезинформацию, настаивал на перемирии и на сохранении дивизий, чтобы «поддерживать порядок в стране»⁴⁵.

«Петен, одетый в серый костюм, в соломенной шляпе, ходит от группы к группе,— рассказывает бывший начальник кабинета министра флота Кампинки Маттео Конне,— он сообщает, что Шартр пал и что в Париже создано временное правительство во главе с г. Морисом Торезом; к этому он добавил, что полиция отказалась стрелять. В комнате по соседству с залом находилось несколько человек, среди них Магр, генеральный секретарь кабинета президента республики. Я рассказываю ему и другим то, что заявил Петен... Я советую Магру вызвать Ланжерона, а я со своей стороны вызову префекта Шартра... Магру Ланжерон тоже отвечает: «Все ложь. Мне сообщают, что немцы входят в этот момент в район Север, по направлению к Сен-Дени. Полиция не взбунтовалась; она на посту, делает то, что я — ждет». На мой звонок в Шартр мне отвечают: «Говорит начальник пассивной обороны. Префект находится вместе с персоналом в убежище префектуры, ибо в этот момент немцы нас бомбят»⁴⁶. Интересно, что фальшивая телеграмма, о перевороте, который якобы был совершен коммунистами, переданная премьеру, исчезла с его стола, и исчезла бесследно⁴⁷. Нельзя не провести исторической аналогии, которая сама напрашивается. В 1871 г. Тьер заключил перемирие с пруссаками, чтобы разгромить Парижскую Коммуну. Спустя семьдесят лет французская реакция снова прибегает к такому же способу национальной измены из страха перед народом.

10 июня фашистская Италия, которая ожидала лишь благоприятного момента для нападения на Францию, объявила ей войну.

14 июня 1940 г. немецко-фашистские войска вошли в Париж. В тот же день Петен и Вейган потребовали от

⁴⁵ Ibid., t. VII, p. 1971

⁴⁶ Ibid., p. 2185.

⁴⁷ Ibid., p. 2191—2193

правительства принять решение об обращении к Германии с просьбой о немедленном перемирии. За день до этого Рейно обратился с просьбой к Черчиллю, прилетевшему в Тур, об освобождении Франции от обязательства не заключать сепаратный мир. Черчилль отказался это сделать.

В тот же день французское правительство, покинув Тур, отправилось дальше на юг, в Бордо.

16 июня Черчилль официально предложил французскому правительству план объединения Англии и Франции в двуединое государство — «Неразрывный союз Франции и Англии». Граждане обоих государств должны были получить двойное гражданство. Предложение Черчилля поддержало лишь несколько человек во главе с Рейно. Петен, уже принявший решение о капитуляции, решительно выступил против. Рейно ушел в отставку. На следующий день, 17 июня, Петен, возглавивший новое правительство, обратился к Гитлеру с просьбой о перемирии.

Менее чем за полтора месяца Франция и ее союзники — Бельгия и Голландия — подверглись неслыханному разгрому. Англия очутилась на грани поражения. Война вскрыла всю глубину предательства французской крупной буржуазии, отдавшей страну на растерзание фашистским захватчикам. Мужественное сопротивление французских солдат было сломлено в значительной степени из-за царившего в высших кругах пораженчества и предательства. 22 июня Франция капитулировала и подписала навязанное ей победителем соглашение о перемирии. Часть страны была оккупирована, в другой части воцарился так называемый режим Виши, возглавленный маршалом Петеном, предавшим Францию. Правительство Виши (столица петеновской Франции) стало воплощением национальной измены французской буржуазии и пресмыкательства перед фашистскими оккупантами.

Но обманутый и преданный своим правительством и своими генералами французский народ не капитулировал. Началось движение Сопротивления, в первых рядах которого выступили истинные патриоты Франции — коммунисты.

Глава IV

ЧТО ПРИНЕСЛА «СТРАННАЯ ВОЙНА» НАРОДАМ ПОЛЬШИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

Чехословакия под пятой фашистских захватчиков

Когда началась вторая мировая война, три европейских государства — Австрия, Албания и Чехословакия — уже потеряли независимость. После разгрома Польши к числу оккупированных фашистами стран было присоединено еще одно государство.

В Чехословакии немецкие оккупанты впервые начали практически испытывать всевозможные формы и методы своего господства, которое несколько позднее было ими хвастливо и щинично обозначено, как «новый порядок в Европе».

На всей территории Чехословакии был установлен режим национального порабощения и колониальной эксплуатации.

Прежде всего Чехословакия была расчленена. Словакия была провозглашена «независимым» государством и во главе ее был посажен германский ставленник Тисо. 18 августа 1939 г. Словакия подписала с Германией военный договор, по которому Германия брала на себя «военную защиту» словацкой территории сроком на 25 лет. Германские советники и инструктора наводнили страну, установив строгий контроль над ее жизнью. В январе 1940 г. правительство Тисо ввело военную или трудовую повинность для мужчин в возрасте от 20 до 50 лет. Словакия превращалась в военный лагерь¹.

На остальной территории Чехословакии бы создан так называемый «протекторат Чехии и Моравии»^{1а}. Во главе

¹ См. Eugène V. Erdely *Germany's first european protectorate* London, 1942, p. 72—73.

^{1а} См. История Чехословакии, т. III. М., 1960, стр. 326—333

его находилось «правительство», которое состояло из самых реакционных деятелей, известных своей прогерманской и профашистской ориентацией. У этого марионеточного правительства были отняты все функции ведения внешних и военных дел. Вся деятельность правительства находилась под строгим контролем немецких оккупационных властей. Бывший министр иностранных дел фашистского рейха фон Нейрат был назначен в Прагу германским наместником, получившим титул «протектора». Его правой рукой стал один из лидеров судето-немецкой фашистской партии Карл Франк, снискавший себе мрачную известность кровавыми преступлениями. Оккупанты с самого начала ясно дали понять, что они ожидают от чехов безусловного повиновения и не остановятся ни перед чем, чтобы сломить сопротивление, если оно будет оказано.

Рейхсфюрер СС Гиммлер заявил летом 1939 г. высокопоставленным чиновникам «автономного правительства»: «Мне тридцать семь лет, и у меня нервы крепче, чем у всего чешского правительства, взятого вместе. Если чехи не будут сотрудничать, мы будем действовать против них более сурово. Вы, чехи, ошибаетесь, если ожидаете изменения настоящего положения. Мы тщательно за вами наблюдаем. Ничто не остановит меня. Я расстреляю сотни тысяч чехов и, если это не поможет, вся чешская нация будет истреблена»². И время показало, что это не было пустой угрозой.

В 1939 г. тысячи чешских патриотов были арестованы. Кроме того, в каждом районе были определены лица, подлежащие аресту как заложники при первом признаке беспорядков «в общественном строе и безопасности»³. Позднее тысячи заложников были расстреляны.

В 1939 г. гестапо созвало директоров и заведующих складами различных промышленных фирм и заявило им, что в случае забастовки они будут расстреляны. Перед уходом они должны были подписать следующее заявление: «Я принимаю к сведению то обстоятельство, что я буду немедленно расстрелян, если фабрика прекратит работу без уважительной причины».

---

² Erdely. Op. cit., p. 85.

³ Нюрнбергский процесс, т. 3, М., 1958, стр. 261

Подобным же образом школьные преподаватели ругались за лояльное поведение своих учеников⁴. Террор был обычным методом оккупантов.

После победы над Польшей, фашистские захватчики проявили дьявольскую изобретательность и жестокость, чтобы поставить на колени свободолюбивый народ Чехословакии. Было запрещено празднование национальных праздников. Чехов заставляли стоять с непокрытыми головами во время исполнения немецкого гимна и фашистской песни «Хорст Вессель».

«Чехи должны выбросить вон лживые идеи истории, воспоминания о своих легионах и о влиянии Лондона и Парижа. В этом смысле чешское правительство должно следовать примеру Словакии...»,— говорил К. Франк 2 ноября 1939 г. на открытии «Коричневого дома» в помещении пражского муниципалитета и угрожающе напоминал о судьбе «строптивных поляков», чьи города были разрушены, а солдаты уведены в плен⁵. Разгром Польши был использован профашистской пропагандой, чтобы утверждать, что президент Гаха, «попросивший» Гитлера взять под свое покровительство Чехословакию в марте 1939 г., сделал «мудрый шаг» и тем спас страну от разрушения⁶.

Оккупанты подвергали насильственной германизации население, проживавшее в чешских землях. Закрыли чешские высшие учебные заведения. Уничтожение интеллигенции и обучение оккупированных народов только тому, что необходимо для их наиболее полной эксплуатации в промышленности и сельском хозяйстве германскими хозяевами,— такова была одна из целей «нового порядка» в Чехословакии, затем распространенная на все другие оккупированные страны.

Помимо высших учебных заведений, были закрыты все школы, за исключением начальных. 20 августа 1939 г. был введен в силу приказ протектора, по которому немецкий язык на территории протектората получал преимущество над чешским. Отныне только немецкий язык

---

⁴ См. там же

⁵ Erdely. Op. cit., p. 76.

⁶ Shiela Grant Duff. A German Protectorate. London, 1942, p. 220—221

мог быть употреблен в переписке с германскими властями. Вся переписка между органами чешской администрации должна была сопровождаться немецкими переводами. Все публичные оповещения должны были делаться на двух языках: немецком и чешском⁷. Было введено также множество других ограничений, имевших целью всячески унижить чехов, расколоть их, вызвать разброд, а может быть и спровоцировать на стихийное выступление, чтобы тем суровее расправиться с ними и подавить свободу воли и дух сопротивления захватчикам.

По мере побед германских армий режим оккупации становился все жестче и жестче. Тысячи людей без суда и следствия были отправлены в концлагери. К июню 1940 г. в концлагерях было заключено около 70 тысяч чехов⁸. Много высококвалифицированных чешских рабочих было вывезено в Германию для работы на военных предприятиях. Для чехов была введена принудительная рабочая повинность.

Попытки подорвать волю народа к свободе и независимости сочетались с мерами экономического характера, носившими принудительный характер. Совокупность всех этих мер должна была служить главной цели оккупантов — использовать как можно полнее чешскую экономику для военных нужд рейха, заставить чешское население ковать самим себе цепи — работать для победы фашизма.

«После оккупации немцами Чехословакии, 15 марта 1939 г.,— говорится в обвинительном заключении по делу главных немецких военных преступников,— обвиняемые захватили и украли большие запасы сырья, меди, олова, железа, хлопка и продуктов питания, угнали в Германию большое количество подвижного железнодорожного состава и много паровозов, вагонов, паровых судов и троллейбусов, выкрали из библиотек, лабораторий и музеев искусства книги, картины, предметы искусства, научное оборудование и мебель; украли весь золотой фонд и иностранную валюту Чехословакии, включая 23 000 килограммов золота, имеющего номинальную ценность 5 265 000 фунтов стерлингов. Мошенническим пу-

---

⁷ Duff. Op. cit., p 197

⁸ Erdely. Op. cit., p 86

гем захватили контроль, а затем ограбили чешские банки и многие чешские промышленные предприятия и другими путями выкрали, разграбили и присвоили чешскую общественную и частную собственность»⁹.

Одним из первых экономических мероприятий был захват и конфискация собственности чешских граждан. В первую очередь это коснулось собственников-евреев. 24 апреля 1940 г. евреи были лишены чешского гражданства. Под предлогом «аризации» в руки германских банкиров и капиталистов были переданы предприятия и собственность, принадлежавшая евреям, эмигрантам, а позднее происходила попросту конфискация собственности лиц и концернов, чья деятельность была признана немцами «враждебной национал-социалистскому государству».

Стоимость захваченной оккупантами собственности только в Судетах составляла около 40 млрд. крон, а по всей Чехословакии около 240 млрд. крон¹⁰. Особенно наживались на этом разбое такие ведущие немецкие банки, как «Дрезднер банк» и «Дейче банк». Первый из них захватил четыре отделения Живностенского банка и 26 отделений «Бемише эскомпт банка»; в октябре 1939 г. «Дейче банк» захватил 23 отделения «Бемише юнион-банка». Еще один немецкий банк «Альгемейне дейче кредитанштальт» прибрал к рукам 25 отделений «Англо-чехословацкого банка» и 10 отделений «Бемише индустри унд ландвиршафт банк». Всего в руки немецких банкиров попали 143 отделения чехословацких банков. Общая сумма вкладов в них составляла 2 млрд. крон. Кроме того, все эти банки имели крупные интересы в чехословацкой промышленности¹¹. «Дрезднер банк» захватил крупнейшие предприятия чехословацкой промышленности — заводы «Шкода» в Пльзене и «Сброевиц» в Брно¹².

В январе 1940 г. на территорию «протектората» был распространен германский закон от июля 1933 г. о принудительном картелировании. В результате чешские

---

⁹ Нюрнбергский процесс., т. I, М., 1957, стр. 135

¹⁰ Erdely. Op. cit., p. 132—133

¹¹ Duff. Op. cit., p. 133.

¹² Нюрнбергский процесс, т. 3, М., 1958, стр. 387

предприятия были принудительно включены в германские картели. При захвате чехословацкой промышленности львиная доля досталась концерну «Герман Геринг верке», захватившему оружейные заводы, угольную и металлургическую промышленности. «И. Г. Фарбенин-дустри» захватил крупную по своим размерам чехословацкую химическую промышленность. На территории протектората были установлены квоты для промышленности и рынка, выгодные исключительно германским монополистам.

Грабёж, разбой и беззакония царили на земле чехословацкой. Но чешский народ не согнулся под бременем обрушившегося на него огромного несчастья. Народ боролся.

Национально-освободительное движение чехословацкого народа возглавила коммунистическая партия Чехословакии.

В день, когда немецко-фашистские захватчики при поддержке совершившей национальную измену крупной чехословацкой буржуазии оккупировали страну, КПЧ обратилась к народу с воззванием, в котором говорила: «Народ, вставший лицом к лицу с гитлеровскими захватчиками, изгонит из своих рядов предателей и трусов и плотно сомкнет свои ряды, как он всегда это делал, защищая свое национальное существование. Неодолимое единство всех сил народа, упорное и энергичное сопротивление на всех участках борьбы будут ответом на удары, наносимые чешской нации. И рабочий класс, который столько раз уже стоял в первых рядах национальной обороны, станет опять несгибаемым оплотом национального движения сопротивления. Коммунисты, приложившие все усилия к тому, чтобы спасти страну от тяжелых ударов, перед лицом всего народа заявляют, что они будут самоотверженно и смело бороться в авангарде национального сопротивления за восстановление полной свободы и независимости чешской нации»¹³.

Вскоре коммунисты наладили регулярный выпуск подпольной коммунистической печати, создали группы сопротивления и возглавили их борьбу.

---

¹³ Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за свободу М. 1951, стр. 69--70

Порабощение и физическое истребление польского народа

Гитлеровцы, захватив Польшу, прежде всего учинили массовую резню. В одном только Быдгоще было уничтожено 10 000 польских граждан¹⁴. В Гдыне, в течение лишь одного дня — 11 октября 1939 г. — было расстреляно 350 человек.

Массовые расстрелы, карательные экспедиции, пожары и грабежи, зверства разнузданных фашистов стали обычными явлениями польской жизни. Из захваченных в плен 690 тыс. польских солдат и офицеров 10 тыс. погибло, 140 тыс. отпущено домой и 540 тыс. были отправлены в лагеря в Германию.

Декретом Гитлера от 8 октября 1939 г. к Германии были присоединены исконные польские земли — Познаньское, Поморское, Силезское, Лодзинское, частично Келецкое и Варшавское воеводства — с населением около 11 млн. человек. На оставшейся части Польши было образовано так называемое генерал-губернаторство оккупированных польских областей, получившее с 18 августа 1940 г. новое наименование — «генерал-губернаторства Германской империи» — с центром в г. Кракове. В этой части Польши проживало по официальным данным 14,5 млн. чел., а территория составляла 97 тыс. км²¹⁵.

В течение зимы 1939/40 г. все польское и еврейское население территории, присоединенной к фашистской империи, было выселено в генерал-губернаторство, а в опустевших городах и селах были поселены немцы. Фашистские главарь получили из добычи большую долю — земли, замки, поместья. При выселении из присоединенных областей у населения конфисковывалось все принадлежащее им имущество.

Около миллиона поляков было принудительным образом отправлено на работу в Германию. Там их поместили в специальные лагеря.

Особенно страшна была участь евреев. Массовые убийства, насилия, ограбление, неслыханные унижения стали их обычной участью. Фашисты создали для еврейского

---

¹⁴ См. The German New Order in Poland. London, 1941, p. 25.

¹⁵ См. Hitler's Europe London, 1954, p. 553.

населения гетто в Варшаве, Лодзи и Кракове. Отгороженные высокими стенами от внешнего мира в этих тесных и грязных каменных мешках задохнулись сотни тысяч людей, обреченных на медленное вымирание. Близ Люблина была устроена «резервация» для евреев. Здесь был создан огромный лагерь уничтожения, получивший позднее название Майданека. Во время второй мировой войны в газовых камерах лагеря были истреблены сотни тысяч людей.

Немецко-фашистские захватчики решили навсегда уничтожить польское государство. Их конечной целью была полная германизация польских земель. В секретном документе от 25 января 1940 г. гитлеровский сатрап в генерал-губернаторстве Ганс Франк по указанию Геринга сформулировал следующие цели Германии в Польше: увеличение производства сельскохозяйственной продукции, расширение производства леса для вывоза в Германию, демонтаж промышленных предприятий, которые не могут быть непосредственно использованы для нужд германской военной экономики, вывоз в Германию миллиона польских промышленных рабочих, сведение к минимуму потребление продовольствия польским населением.

Польша должна была стать настоящей колонией немецких господ. Гаулейтер одной из созданных оккупантами на территории Польши провинции — Ватерланда Грейзер заявил в ноябре 1940 г. в Гнезно: «Впервые в германской истории мы политически эксплуатируем наши военные победы. Ни один сантиметр завоеванной земли никогда больше не будет принадлежать полякам. Поляки могут работать на нас, но не как хозяева, а только как рабы»¹⁶.

На Нюрнбергском процессе был представлен документ за № ПС—2233 — выдержки из дневников Франка. В этом документе отражена человеконенавистническая политика германских фашистов по отношению к польскому народу.

В записи совещания начальников отделов от 2 декабря 1939 г. указывается на следующее заявление Франка:

---

¹⁶ The German New Order in Poland London, 1941, p. 407.

«Для правильной деятельности в генерал-губернаторстве важна лишь воля фюрера рассматривать эту область как первую колониальную область немецкой нации. Для генерал-губернаторства основной является точка зрения германизма.

Для нового управления генерал-губернаторства еще важно следующее: вся эта область в целом является трофеем (добычей) немецкого государства. Поэтому не следует, чтобы эта область разграблялась по частям, она как целое должна быть предоставлена в распоряжение нашего хозяйства и должна послужить для блага немецкого народа»¹⁷.

На совещании начальников отделов 19 января 1940 г. Франк заявил буквально следующее: «...я получил особое задание рассматривать это приобретение как военную зону, как военную добычу, безоговорочно выкачать оттуда все, превратить ее в хозяйственном, социальном, культурном и политическом отношении в груды развалин. Сегодня же генерал-губернаторство рассматривается как ценная составная часть немецкого жизненного пространства...»¹⁸.

Польский народ должен был быть низведен до уровня колониальных рабов. Вот почему германские фашисты с особенной силой обрушились на польскую интеллигенцию, истребляли лучших представителей польской науки, уничтожали великие памятники человеческой культуры и цивилизации, закрывали учебные заведения, сжигали книги. Полякам было разрешено иметь только начальные школы, но и то под германским контролем и на немецком языке.

Все мероприятия по истреблению польской интеллигенции были разработаны заранее. Вступая в захваченные города, гитлеровцы немедленно арестовывали ведущих деятелей польской культуры и расстреливали их. Наместник Франк заявил с циничной откровенностью: «Мы не нуждаемся в польском образованном классе.. По воле фюрера вы должны быть нацией крестьян и рабочих»¹⁹.

¹⁷ Нюрнбергский процесс, т 4, М., 1959, стр 589

¹⁸ Там же, стр. 590.

¹⁹ I o n E v a n s. The Nazi New Order in Poland London, 1941, p. 121

Таким образом физическое уничтожение представителей польской культуры стало одной из главных заповедей фашистских варваров.

Экономически Польша должна была быть превращена в аграрно-сырьевую базу Третьей империи. В польской столице — Варшаве — оккупанты запретили восстанавливать пострадавшие за время войны предприятия, а также осуществлять всякое строительство. Декретом от 15 ноября 1939 г. вся собственность польского государства была конфискована. Также была конфискована значительная часть личной собственности польских граждан. Германские монополии и банки наложили руку на польское народное хозяйство. «Дейче банк», «Дрезднер банк», «Герман Геринг верке», «И. Г. Фарбениндустри», «Крупп», «Маннесман захватили предприятия польской промышленности. Так в руки концерна Геринга попала вся силезская тяжелая промышленность.

Министр хозяйства Дарре заявил в мае 1940 г.: «Вся земельная и промышленная собственность жителей негерманского происхождения будет конфискована без исключения и будет распределена прежде всего между... членами партии (гитлеровской.— А. Н.) и солдатами согласно с отличиями за храбрость в войне. Так будет создана новая аристократия германских господ»²⁰.

«И. Г. Фарбениндустри» захватил польскую химическую промышленность. Крупп — металлургические предприятия в Каттовицах. В течение 1940 г. в частную собственность немцев перешло 294 крупных, 9 тыс. средних и 76 тыс. мелких промышленных предприятий, а также 120 крупных и 112 тыс. мелких торговых фирм²¹.

Во время «странной войны» гитлеровское правительство впервые в широких масштабах начало осуществлять в Польше принципы «нового порядка», который они собирались распространить на всю Европу, а затем и на весь мир. Тот, кто на Западе рассчитывал на ещё возможное соглашение с Германией, не могли не знать об ужасах, происходящих в Польше. Любое соглашение с фашистской Германией означало бы молчаливое примирение с варварством и преступлениями фашистов. В свете

---

²⁰ Evans. Op. cit., p. 88

²¹ См. История Польши. т. III М. 1959 стр. 537

неслыханных злодеяний, совершенных гитлеровцами на оккупированных территориях в период «странной войны», политика бездействия союзников, их попытки изменить направление войны кажутся еще более странными, чтобы не сказать сильнее. Документы свидетельствуют, что при любых проектах договоренности с Германией судьба народов оккупированных стран — чехов, словаков, поляков, евреев — меньше всего занимала правителей Запада. Правительства Англии и Франции ничего не сделали для того, чтобы рассказать своим народам о зверствах фашистских оккупантов и на примерах показать, что нет и не может быть никаких компромиссов с фашистскими разбойниками. Нет сомнения, что эти сведения подняли бы боевой дух в Англии и Франции, имели бы большой психологический эффект во время гигантского сражения, развернувшегося в скором времени во Франции и Фландрии.

Преданный своими правителями и западными союзниками польский народ не прекратил сопротивления и вступил в ожесточенную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Возникали партизанские отряды. Массовый характер принимали акты саботажа.

Большой ущерб делу объединения сил народа наносила политика эмигрантского польского правительства, выдвинувшая лозунг «двух врагов» — Германии и Советского Союза. Польская реакция продолжала надеяться на восстановление, в конечном счете, при помощи англо-американских империалистов своей власти в стране. Она не скрывала своих расчетов на войну Германии против Советского Союза, полагая, что Германия одержит победу и тогда удастся договориться с германскими фашистами. Внося разброд в национально-освободительное движение, польские реакционеры наносили огромный вред делу освобождения народа. Но одновременно развивалось и крепло движение за освобождение, возглавляемое коммунистами и левыми социалистами. Осенью 1939 г. в Варшаве было создано «Общество друзей СССР», которое издавало радио-бюллетень для правильной информации и ориентации борцов подполья²². Зимой 1940 г.

²² См. Францишек Юзьвяк (Витольд). Польская рабочая партия в борьбе за национальное и социальное освобождение М., 1953, стр. 55—56

бывшими членами профсоюза транспортников была создана подпольная организация «Серп и молот», позднее назвавшая себя «Союзом рабоче-крестьянских советов». Своей деятельностью эта организация охватила несколько воеводств. Союз создал свои военные формирования, названные Красной милицией²³.

Возникали и другие организации, в которых активную роль играли коммунисты. Хотя в разных местах Польши развивалось партизанское движение, оно в период «странной войны» еще не приняло массового характера. Наиболее распространенной формой борьбы в этот период был саботаж. Польский народ нуждался в революционной марксистской партии, которая четко сформулировала бы задачи национально-освободительной борьбы и явилась бы ее организатором и вдохновителем. В конце 1940 г. начали восстанавливаться коммунистические организации.

Начавшаяся Отечественная война советского народа открыла новый этап в борьбе за освобождение народов Европы, попавших в ярмо немецко-фашистских захватчиков.

---

²³ История Польши, т. III, стр. 552—554

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Странная война» окончилась вместе с началом широкого наступления немецко-фашистских армий на севере и западе Европы. За короткий срок — с апреля по конец июня 1940 г. — гитлеровская Германия оккупировала территорию шести государств. Население этих стран составляло немногим менее 70 млн. человек, а занимаемая ими территория около 1 млн. км². Для народов этих государств и для многих других европейских народов наступил самый мрачный период в их многовековой истории: господство фашистских оккупантов.

Во время «странной войны» с необычайной рельефностью выявились те сложные и противоречивые процессы, которые развивались на протяжении двадцатилетия, прошедшего после окончания первой мировой войны. Противоречия между империалистическими государствами, которые неуклонно обострялись в период между двумя мировыми войнами, оказались более острыми, чем противоречия между капиталистическим миром и Советским Союзом. Отчаянные попытки, предпринимавшиеся в капиталистических государствах для изменения направления и характера войны, и крах этих попыток как бы подвели итог осужденной историей политике поощрения фашистской агрессии правящими кругами Англии, Франции и США. Реками крови, миллионами жертв пришлось расплачиваться европейским народам за антинациональную политику господствующих классов капиталистических государств, которые помогали гитлеризму накопить силы, рассчитывая при этом, что фашистская агрессия будет направлена против Советского Союза. «...Западные державы делали Гитлеру

одну уступку за другой,— говорил Н. С. Хрущев,— толкали его на Восток, на нашу страну. Но дело обернулось так, что тот, кого тогдашние правящие круги Англии, Франции и США вскармливали, как своего цепного пса, намереваясь пустить его против СССР, сорвался с этой цепи и бросился на тех, кто его вскармливал»²⁴.

«Странная война» наглядно продемонстрировала, что монополистические круги буржуазии доходят в своем классовом эгоизме до измены национальным интересам.

«Странная война» еще раз подтвердила то неоспоримое положение, что отсутствие единства всех отрядов рабочего класса, раскол в его среде позволяет реакции вести наступление против рабочего класса и всех трудящихся в своей собственной стране и осуществлять антинациональный сговор с внешней реакцией.

В предвоенные годы и во время «странной войны» этот сговор маскировался лозунгом антикоммунизма. В области внутренней политики он означал широкую кампанию против демократии, которая, как правило, начиналась с похода против коммунистов, а заканчивалась разгромом не только коммунистической партии, но и других организаций и партий, в том числе социал-демократии. В области внешней политики лозунг антикоммунизма означал попытки создания единого фронта капиталистических государств против страны Советов и международного рабочего и национально-освободительного движения с использованием фашистских агрессоров в качестве главной ударной силы. Однако история развивается по определенным законам, а не так, как того желали или желают организаторы антисоветских и антикоммунистических походов.

Гитлеровская Германия осмелилась напасть на Советский Союз лишь после того, как подчинила себе почти весь европейский континент и в ее распоряжении оказались несметные материальные и человеческие ресурсы. Но, напав на СССР, фашистский агрессор пошел навстречу своей гибели. Советский Союз нанес смертельный удар гитлеровской военной машине, гитлеровскому государству. Советский народ и его вооруженные силы сделали возможным широкое развертывание борьбы

---

²⁴ «Правда», 7 XII 1955

порабощенных народов Европы против фашистских захватчиков. Эта героическая борьба составляет блестящую главу в истории человечества.

Изучение истории не есть самоцель. Извлечение правильных уроков из прошлого позволяет сделать нужные выводы для настоящего и будущего.

Особенно важно сделать правильные выводы в наши дни, когда милитаристы и неонацисты в Западной Германии вновь поднимают голову, лихорадочно вооружаются, готовятся к реваншистской войне. Эта подготовка проводится под «испытанным» лозунгом антикоммунизма. Поход против демократии внутри ФРГ и истерические призывы боннских правителей к походу против Советского Союза и других стран социалистического лагеря наряду с требованиями неограниченного вооружения западногерманских вооруженных сил самыми современными видами вооружения, включая ядерное, являются повторением политики гитлеровской Германии перед второй мировой войной.

Своей политикой США, Англия и Франция поощряют агрессивные силы, поднимающие голову в Западной Германии.

Но с каждым днем растут и крепнут силы мира. Цементируются их единство и солидарность. Сторонники мира объединяются вокруг программы, выдвинутой Советским Союзом. Мирное сосуществование, ликвидация последствий второй мировой войны, разоружение, предоставление свободы и независимости всем колониальным народам — такова сущность этой программы. «Нельзя не считаться с тем,— говорил Н. С. Хрущев,— что в пользу политики мирного сосуществования действует сила значительно большая, чем желания, воля и решения любого из правительств. Эта сила — естественное и общее для человечества стремление не допустить бедствий войны, в которой нашли бы свое применение созданные за последние годы невиданные средства массового уничтожения»²⁵.

Принципы политики мирного сосуществования все шире и шире распространяются во всем мире. В после-

---

²⁵ Н. С. Хрущев. Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения! М., 1960, стр. 41

довательном осуществлении этих принципов уже многие государства видят гарантию собственной безопасности. В реализации программы мира, выдвинутой Советским Союзом, заинтересованы все государства и все народы, большие и малые.

Великая историческая ответственность за предотвращение новой войны легла в первую очередь на международный рабочий класс. **«Никакие различия по политическим, религиозным и иным вопросам не должны препятствовать сплочению всех сил рабочего класса против военной опасности. Пришел час противопоставить силам войны могучую волю и единые действия всех отрядов и организаций международного пролетариата, объединить все его силы во имя предотвращения войны и сохранения мира!»**²⁶.

---

²⁶ Документы совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Госполитиздат, 1960, стр. 29.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Война началась так...	14
Нападение гитлеровской Германии на Польшу	14
Особенности политики и стратегии Англии и Франции	21
На Западном фронте	23
Экономическая блокада	30
Операции на море	40
Глава II. Почему они не воевали против Гитлера	42
Правительство Чемберлена на прежнем мюнхенском пути	42
Пораженческая политика французского правительства	57
«Мирное наступление» гитлеровской Германии	
Секретные переговоры	77
Миссия Сэмнера Уэллеса	96
Англо-французские планы нападения на Советский Союз	101
Глава III. К чему привела «странная война»	112
Политика малых стран Северной и Западной Европы накануне войны	112
Оккупация Дании	114
Вторжение гитлеровской Германии в Норвегию	118
Оккупация Нидерландов (Голландии)	123
Поражение армий союзников в Бельгии	129
Захват немцами Люксембурга	137
Разгром Франции	138
Глава IV. Что принесла «странная война» народам Польши и Чехословакии	144
Чехословакия под пятой фашистских захватчиков	144
Порабощение и физическое истребление польского на- рода	150
З а к л ю ч е н и е	156

Александр Моисеевич Некрич

Война, которую назвали «странной»

*Утверждено редколлегией научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

Редактор *М. А. Полтавский*. Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Обложка художника *В. В. Ашмарова*

РИСО АН СССР № 8/129. Сдано в набор 3/Х 1960 г. Подписано к печати
21/III 1961 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 Усл. печ. л. 8,2 Уч.-издат. л. 8.

Тираж 20000 экз. Т-03434. Изд. № 5048. Тип, зак. № 3524

Цена 24 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Цена 24 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР